№ 14 (69) 2009
Выпуск 4

НАУЧНЫЙ РЕЦЕНЗИРУЕМЫЙ ЖУРНАЛ

Основан в 1995 г.

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика Психология

Belgorod State University Scientific bulletin

Philology Journalism Pedagogy Psychology

Учредитель:
Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Белгородский государственный университет»

Издатель:
Белгородский государственный университет.
Издательство БелГУ

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-21121 от 19 мая 2005 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ ЖУРНАЛА

Главный редактор
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Зам. главного редактора
Давыденко Т.М.
первый проректор, проректор по научной работе Белгородского государственного университета, доктор педагогических наук, профессор

Ответственный секретарь
Московкин В.М.
заместитель по инновационной деятельности проректора по научной работе Белгородского государственного университета, доктор географических наук, профессор кафедры мировой экономики

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ СЕРИИ ЖУРНАЛА

Председатель редколлегии
Дятченко Л.Я.
ректор Белгородского государственного университета, доктор социологических наук, профессор

Главный редактор
Короченский А. П.
доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Заместители главного редактора
Нагорный И. А.
доктор филологических наук, профессор (Белгородский государственный университет)

Содержание

РУССКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Картина мира и этнокультурная специфика слова. ***Н.Ф. Алефиренко*** *5*

РОМАНО-ГЕРМАНСКАЯ ФИЛОЛОГИЯ

Диссипация и самоорганизация в системе естественного языка ***А.М. Аматов*** *10*

Роль смешения языков в формировании глобальной культуры. ***Ж. Багана, Е.В. Хапилина***. *18*

ЖУРНАЛИСТИКА И СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

Концепция журналистики Хосе Марти (статья вторая). ***А.П. Короченский*** *24*

Законодательство: от инструмента давления до фактора стабильности медиасистемы Румынии. ***Р.-Н. Раду*** *34*

ПЕДАГОГИКА

Проблема методологических оснований формирования личности школьника в поликультурной образовательной среде. ***И.Ф. Исаев, И.П. Ильинская*** *43*

Обеспечение готовности учителя к профессиональной деятельности в условиях модернизации российского образования. ***В.Л. Холод*** *51*

Общие методы и формы организации музыкального воспитания. ***О.В. Михайличенко*** *58*

ПСИХОЛОГИЯ

Технологизация образования и психологическое здоровье личности. ***Н.И. Лифинцева*** *66*

Прохорова О. Н.
доктор филологических наук,
профессор (Белгородский
государственный университет)

Исаев И. Ф.
доктор педагогических наук,
профессор ((Белгородский
государственный университет)

Исаева Н. И.
доктор психологических наук,
профессор (Белгородский
государственный университет)

Ответственный секретарь
Хмеленко Э.В.
зав. кабинетом
периодической печати
факультета журналистики
(Белгородский
государственный университет)

Житейские представления об алкоголизме: межкультурные и внутрикультурные различия.
Е.А. Савина, Е.С. Гладких *72*

Конференция *81*

Сведения об авторах *84*

Информация для авторов *85*

Оригинал-макет *Э.В. Хмеленко, Н.А. Гапоненко*
e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Подписано в печать 17.07.2009
Формат 60×84/8
Гарнитура Georgia, Impact
Усл. п. л. 10,23
Тираж 500 экз.
Заказ 140

Подписные индексы в каталоге
агентства «Роспечать» – 81470,
в объединенном каталоге
«Пресса России» – 39723

Оригинал-макет тиражирован
в издательстве Белгородского
государственного университета
Адрес: 308015, г. Белгород,
ул. Победы, 85

© Белгородский государственный университет, 2009

№ 14 (69) 2009
Issue 4

SCIENTIFIC REVIEWING JOURNAL

Founded in 1995

Belgorod State University Scientific bulletin

Humanities

Philology Journalism Pedagogy Psychology

НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ Белгородского государственного университета

Гуманитарные науки

Филология Журналистика Педагогика Психология

Founder:
State educational establishment of higher professional education "Belgorod State University"

Publisher:
Belgorod State University
BSU Publishing house

The journal is registered in Federal service of control over law compliance in the sphere of mass media and protection of cultural heritage

Certificate of registration of mass media ПИ № ФС 77-21121 May, 19 2008.

EDITORIAL BOARD OF JOURNAL

Chief editor:
L.J. Djatchenko
Rector of Belgorod State University, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Deputy of chief editor:
T.M. Davydenko
Vice-rector for scientific research of Belgorod State University, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Responsible secretary:
V.M. Moskovkin
Doctor of Geographical Sciences, Professor of world economy department

Editorial board of journal series
Chairman of editorial board of journal series:
L.J. Djatchenko
Rector of Belgorod State University, Doctor of Sociological Sciences, Professor

Chief editor:
A.P. Korochenskiy
Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod State University)

Deputies of chief editor:
I.A. Nagornuy
Doctor of philological sciences, Professor (Belgorod State University)

O.N. Prohorova
Doctor of Philological Sciences, Professor (Belgorod State University)

CONTENTS

RUSSIAN PHILOLOGY

Picture of the world and ethnocultural specific of the word.
N.F. Alefirenko *5*

ROMANIC-GERMAN PHILOLOGY

Dissipation and self-organisation in natural language.
A.M. Amatov *10*

Language mixing role in global cultural formation.
J. Baghana, E.V. Khapilina *18*

JORNALISM AND PR

Jose Marti's conception of journalism (second article).
A.P. Korochensky *24*

Legislation – from pressure factor to stability factor for the Romanian media. ***R.-N. Radu*** *34*

PEDAGOGICS

Multicultural environment as a factor of formation of junior pupil's personality. ***I.F. Isaev, I.P. Ilinskaya*** *43*

Maintenance of readiness of the teacher to activity in conditions of modernization of the Russian education.
L.V. Kholod *51*

General methods and forms of music upbringing education.
O.V. Mikhailichenko *58*

I.F. Isaev
Doctor of Pedagogical Sciences,
Professor (Belgorod State University)

N.I. Isaeva
Doctor of Psychological Sciences,
Professor (Belgorod State University)

Responsible secretary:
E.V. Khmelenko
Head of the periodicals office
of the Faculty of Journalism
(Belgorod State University)

PSYCHOLOGY

Tecnologization of education and psychological health in education of personality. ***N.I. Lifintseva*** *66*

Every-Day beliefs about alcoholism: between – and within-culture differences ***E.A. Savina, E.S. Gladkih*** *72*

Conferences *81*

Information about Authors *84*

Information for Authors *85*

Dummy layout by E.V. Khmelenko,
N.A. Gaponenko
e-mail: Korochensky@bsu.edu.ru

Passed for printing 17.07.2009
Format 60×84/8
Typeface Georgia, Impact
Printer's sheets 10,23
Circulation 500 copies
Order 140

Subscription reference in Rospechat' agency catalogue – 81470,
In joint catalogue Pressa Rossii – 39723
Dummy layout is replicated
at Belgorod State University
Publishing House
Address: 85, Pobedy Str., Belgorod,
Russia, 308015

© Belgorod State University, 2009

УДК 808.2-318+802.0-318

КАРТИНА МИРА И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА СЛОВА[1]

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Картина мира – результат структурированного сознанием отражения действительности со всеми её когнитивными элементами, находящимися в различных связях, отношениях и состояниях. Языковая картина мира представляет собой вербализованную систему когнитивных структур, отображающих этноязыковое «видение». Однако языковую картину мира не сто́ит отождествлять с этноязыковым сознанием, которое включает в себя не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и знания неосознанные.

Ключевые слова: языковая модель мира, когнитивные структуры, этноязыковое сознание.

Введение

Понятие «картина мира» в научный обиход было введено В. фон Гумбольдтом. И все же, несмотря на огромную популярность, оно пока не обрело терминологической определенности. Ю.Н. Караулов отмечает «размытое» использование этого понятия, далёкого от его строгого терминологического смысла, и в результате придание ему метафорического характера [1, 1999: 89]. Все это служит для нас главным мотивом к поиску более четкого определения самого термина *картина мира* и отграничению его от смежных категорий, таких, например, как «модель мира» или «образ мира». Обратимся прежде всего к толковому словарю. Рассмотрение значений слова *картина* помогает выделить важнейшие свойства данного понятия. «Картина» в Толковом словаре С.И. Ожегова означает ‘то, что можно видеть, обозревать или представлять в языковых образах’, а также ‘вид, состояние, положение чего-нибудь’. Большой толковый словарь русского языка (БТСР) дополняет первое из представленных здесь значений: ‘яркое и выразительное словесное изображение чего-нибудь’. При этом изображение толкуется через образ, а образ определяется как ‘воспроизведение сознанием предметов и явлений внешнего мира’. Следовательно, языковая картина мира несет в себе изображение мира при помощи языковых средств, которое и создает наглядное представление о предметах и явлениях окружающей действительности. В конечном итоге «языковая картина мира» есть воспроизведение в языке при помощи средств языка предметов и явлений окружающей действительности. *Картина* подразумевает целостное отражение, которое тем или иным способом воспроизводит положение, состояние предметов и явлений окружающего мира. Картина мира отражает действительность подобно тому, как отражает ее художественное полотно. Она отражает сами элементы в их различных состояниях, связях. Отражая мир в его бесконечном многообразии и целостности, языковая картина мира указывает на составляющие картины, их состояние, положение, то есть связи по отношению друг к другу.

Теоретический анализ

«Языковая модель мира» терминологически порою употребляется синонимично «языковой картине мира». Возможность их взаимозамены, тем не менее, не исключает

[1] Работа выполнена в рамках исследовательского проекта по внутривузовскому гранту (БелГУ) 2009 г.

необходимости выявить различия между ними. Модель может означать ‘предмет, точно воспроизводящий в уменьшенном виде или в натуральную величину какой-либо другой предмет’, а также ‘схему, математическое описание устройства какого-либо физического объекта или процесса, протекающего где-нибудь’ (БТСР). Таким образом, модель воспроизводит другой объект, представляя его схему, описывая устройство. Соответственно, языковая модель мира указывает на то, как мир устроен. Она акцентирует функциональный аспект данного типа представления. Языковая модель мира представляет возможное понимание устройства мира, выраженное при помощи языковых средств. Представляется, что языковая картина мира и языковая модель мира – термины не взаимозаменяемые и даже разнопорядковые. Модель мира представляет собою результат концептуализации мировоззренческих категорий культуры. И в этом смысле языковая модель мира есть некая абстракция. Языковая модель мира предполагает языковое воплощение модели мира как таковой. «Модель мира» относится к объектам исследования культурологии, философии. Языковая модель мира изучается лингвокультурологами с целью выявления особенностей языкового воплощения модели мира. Языковая картина мира создается посредством анализа языкового материала. В лингвокультурологии сведения о языковой картине мира черпаются из лингвистики. Подобного рода суждения снимают вопрос о первичности – вторичности *картины мира* и *модели мира*. Представляется, что первична модель мира. Она может быть репрезентирована как в языке, так и в других медиаторных средствах. В широком смысле модель мира имеет *объяснительную* силу, картина мира – *описательную,* констатирующую. Однако в обоих случаях единицей объяснения и описания служит ‘концепт’.

По выбору материала исследования в лингвокультурологии наблюдается несколько направлений изучения концептов. А. Вежбицкая использует «ключевые культурные концепты», обнаруживая национально-культурную специфику через семантические примитивы на материале неблизкородственных языков [2, 1996: 329]. Преимущественно одноязычный анализ концептосферы языка представлен, например, в проекте «Логический анализ языка», студии Т.В. Булыгиной и А.Д. Шмелева. Их исследования прекрасно раскрывают сущность концептосферы русского языка. Однако попытки некоторых авторов показать этнокультурное своеобразие языковой картины мира на материале одного языка не имеют доказательной базы. Если устранение концептов «материального мира» из поля зрения исследователя лишь ограничивает картину мира, то суждения о национально-культурной специфике, делающиеся на одноязычном материале, вульгаризируют ее. Второе уязвимое место в лингвокультурологии – многоликость концепта и механический перенос его понимания из когнитивной психологии. А между тем, интепретация концепта во многом предопреляет выводы, делаемые в лингвокультурологическом исследовании. Считается целесообразным закрепить за концептом статус оперативной единицы ментальности, которая на вербальном уровне обозначается словом, словосочетанием или фразеологизмом. Как ментальная единица концепт выполняет в структурировании картины мира роль стержневого элемента.

Для лингвокультурологии неприемлемо понимание концепта как образа исключительно абстрактной сущности. Видимо, поэтому было создано понятие культурного концепта. Намерения благие: спустить концепт с высот абстракции на осязаемую лингвокультурологическую почву. При этом обнаруживается другая крайность: попытки закрепить за культурным концептом исключительно этноцентрическое содержание. На наш взгляд, нет достаточных оснований причислять к культурным концептам лишь те объекты, которые обладают ярко выраженной национально культурной спецификой. Только широкий подход к пониманию культурного концепта позволит не только развивать теорию взаимосвязи мышления, сознания, культуры и языка, но и приблизиться к когнитивно-дискурсивным тайнам порождения национально-культурного компонента в семантике языкового знака. Только в единстве лингвокультурологических и когнитивно-семиологических методик может быть решена проблема полномасштабного моделирования языковой картины мира, а также выявления тех механизмов, которые определяют ее этнокультурное своеобразие.

Словосочетание *национально-культурный компонент языкового значения*, хотя и стало популярным в современных исследованиях, еще не обрело устойчивого и общепри-

нятого понимания. Понятно лишь, что оно призвано фокусировать смыслы, рождаемые взаимодействием национального и культурного факторов формирования семантической структуры слова (фразеологизма). Но в чем его терминологическое содержание? В поисках ответа на этот непростой вопрос В.Г. Гак предлагает различать национальную и культурную специфику.

Национальную специфику слова, по его мнению, предопределяют два фактора: объективный и субъективный. Выявляются они путем сопоставления языков. Под *объективным* фактором понимается ценностно-смысловая значимость естественных и культурных реалий, определяющих своеобразие жизненного пространства того или иного народа. *Субъективный* фактор характеризуется возможностью факультативного выбора знакообозначений одних и тех же реалий, которые по-разному представлены ментальностью разных этноязыковых сообществ. Иными словами, национальная специфика проявляется различными языковыми репрезентациями одних и тех объектов реальной или воображаемой действительности. Причем такие различия не всегда культурно маркированы. А часть таких различий и вовсе могут быть не обусловлены культурными факторами. Культурная специфика, согласимся с В.Г. Гаком, предполагает соответствие слова определенному элементу менталитета или какому-либо объекту предметно-культурного пространства народа, его истории, верованиям, традициям и естественным условиям жизни [3, 1999: 48]. В этой сфере и следует искать источники синергетики национального и культурного компонентов в семантической структуре слова. Именно таким является слово *распутинщцна* в романе В. Пикуля ‘Нечистая сила’: *Вернувшись из Верхотурья, Распутин был явно ненормальным, потом он вроде оправился, и здесь летописцы отмечают в нем страшный взрыв чувственности, словно нечистая сила поселила в нем беса блудного! Но грубую животную похоть Гришка неизменно облекал в формы богоугодничества — этим он невольно закладывал первый камень в фундамент будущей «**распутинщины**»*(В. С. Пикуль).

Однако необходимо заметить, что разведение национальной и культурной специфики не является единственно возможным толкованием анализируемого явления. Ряд лингвистов в качестве предмета анализа исследуют национально-культурную специфику сова в ее единстве. В основе такого подхода лежит точка зрения Н.А. Бердяева, признававшего культуру национальной по сути: «Культура никогда не была и никогда не будет отвлеченно-человеческой, она всегда конкретно-человеческая, то есть национальная» [5, 1996: 85]. Именно данное философское воззрение является базовым для исследований национально-культурной специфики фразеологизмов русского языка В.Н. Телия. Она считает, что все, что может быть истолковано в терминах оценочности, принадлежит к кругу национальной культуры [6, 1998: 214]. Другие исследователи (например, Н.М. Фирсова) полагают, что национальная специфика слова этнически обусловлена, то есть продиктована фактом принадлежности к определенному этносу с его специфическим этноязыковым сознанием, под которым понимается культурно маркированный вариантный образ мира, соотнесенный с системой составляющих его культурем. Их отличительная черта состоит в парадоксальном, на первый взгляд, устройстве, сущность которого можно раскрыть при помощи популярного ныне рекламного выражения «два в одном». Обозначающим культуремы является языковой знак в его билатеральном (двустороннем) единстве, а обозначаемым – именуемая реалия – номинируемый фрагмент действительности, предмет или ситуация. Под обозначаемым культуремы понимается все то, что относится к культуре: артефакты (лат. *arte* ‘искусственно’ + *factus* ‘сделанный’), то есть искусственно изготовленные предметы, функции, обычаи, речеповеденческие тактики и этно-культурно-прагматические ситуации. Асимметрия культурем обнаруживается при их сопоставлении в разных лингвокультурах, когда синтагматические и парадигматические несоответствия проявляются между ЗКН и обозначаемыми реалиями. Особенно важно (хотя и крайне сложно!) выявить структурную асимметрию культурем в близкородственных лингвокультурах. Ср.: рус. *мелкая сошка* — ‘незначительный человек, с которым никто е считается’; ‘никудышный человек’; блр. *абсеваку полі* – ‘ничего не стоящий человек, хуже других, заслуживающий презрения’; укр. *не вартий [ломаного] гроша [шага, шеляга, фунта клоччя]* – ‘никчемный, хуже всех’. В иной

коммуникативно-прагматической ситуации, когда требуется выразить иронически-презрительное отношение к человеку, который сам о себе много мнит, переоценивает свое общественное положение, в русской лингвокультуре используется идиома *шишка на ровном месте,* а в украинской – *чи й не пуп землі* или *не велике цабе (чи й не цабе),* где *цабе* – погонный окрик для быков, запряженных в телегу. Как видим, ЗКН обладают языковыми, когнитивными и культурными признаками. Они сохраняют (в явном или скрытом виде) синергетику генетического родства с дискурсом (событийным текстом, ситуацией), ее породившим. Их когнитивную сущность предопределяют: (а) способность кодировать и сохранять знания; (б) герменевтическая функция трансформировать, интерпретировать и обогащать исходную информацию; (в) концептуализация и категоризация вербализованного мира.

Введение понятия «лингвокультурема» позволяет развести такие смежные феномены, как *картина мира, языковая картина мира* и *этноязыковое сознание.*

Картина мира структурированное сознанием отражение действительности со всеми её когнитивными элементами, находящимися в различных связях, отношениях и состояниях. Языковая картина мира представляет собой вербализованную систему когнитивных структур, отображающих этноязыковое «видение». Языковая картина мира углубляется до лингвокультурологической картины мира как системы знаний о культуре, воплощенной в определенном национальном языке, а индивидуальное употребление лингвокультурем сменяется лингвокультурологической компетенцией как социально значимой системой, находящейся в ведении этноязыкового сознания.

Этноязыковое сознание не сто́ит отождествлять с языковой картине мира, так как включает в себя не только осознанное, структурированное и вербализованное знание, но и знания неосознанные. Этноязыковое сознание всегда культурно маркированное, поскольку знания об объектах культуры в нём сопряжены с правилами и нормами коммуникативного поведения [ср.: Привалова И. В., 2006]. Этноязыковое сознание – это своеобразная система когнитивно-прагматических и эмотивно-оценочных доминант в смысловом содержании культурем, этноязыковая маркированность которых обеспечивает вариантное представление инвариантного образа мира. Отсюда вытекает важное методологическое положение: лингвокультурологическое исследование (в отличие от страноведческого) должно быть сосредоточено прежде всего на анализе национальной специфики языкового сознания, реализующейся в особенностях культурно-языкового взаимодействия. Второй задачей лингвокультурологии является исследование культурно-языковой специфики. Для этого предлагаются два метода: сравнительный и интроспективный. *Сравнительный подход* предполагает сравнение с другими языками и культурами, поскольку именно сравнение способствует выявлению общих и пецифических черт. *Интроспективный анализ* предполагает работу с информантами и текстовый анализ языкового материала с целью выявления национально-культурной специфики языка. Сочетание интроспективного и сравнительного методов при изучении национально-культурной специфики поможет уйти от полного этноцентризма [7, 2000: 153-154], когда культурно-языковым стандартам одного сообщества придается статус универсалий. С другой стороны, сочетание данных исследовательских эвристик позволяет избежать противоположной крайности, состоящей в обособленном лингвокультурологическом описании «живого» слова невозможно решить без обращения к внутренней взаимосвязи культурно-языковых универсалий и уникалий. Насколько это важно для изучения национально-культурной специфики слова?

В настоящее время этот вопрос находит различные, вплоть до взаимоисключающих, решения. С одной стороны, нигилистический взгляд на признание устойчивых связей языка и культуры ведет к недопущению концепции культурно-языковой специфики «живого» слова. С другой стороны, признание тотального доминирования национально-культурной специфики «живого» слова в качестве следствия не допускает существования значимых универсалий. Нам представляется, что культурно-языковая специфика «живого» слова и культурно-языковые универсалии не находятся в отношениях взаимоисключающего противодействия. Они с о с у щ е с т в у ю т. Такая точка зрения согласуется с утверждением Б. Рассела о том, что наше знание о мире и вещах (речь в данном случае идет о вербализованном знании) «состоит из знания двух видов – когда вещи известны

как конкретности и как универсалии» [8, 2001: 74]. Соответственно, универсальная и национально-культурная составляющие слова находятся в комплиментарных отношениях друг к другу. Наличие культурно-языковой специфики отнюдь не отменяет действия культурно-языковых универсалий. Универсальное и культурно специфичное находит отражение в языке как с и с т е м е , которая при анализе выстраивается в определенную языковую картину мира [9, 2007].

Заключение

Системообразующими свойствами картины мира являются: 1) целостность, 2) космологичность (глобальность образа мира), 3) внутренняя безусловность и достоверность, 4) стабильность и динамичность, 5) наглядность и конкретность проявление элементов (см. работы Б.А. Серебренникова, Э.Д. Сулейменовой и др.).

Осмысление же языковых маркеров (опосредователей) этнокультурной специфики языкового сознания – задача этнолингвокультурологии. Именно для вербализации этнокультурных маркеров языкового сознания (термин И.В. Приваловой) каждая этнолингвокультура использует свой особый набор вариативных языковых средств для специфической репрезентации инвариантной картины мира.

Список литературы

1. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. М.: Наука, 1987.
2. Вежбицкая, А. Язык. Культура. Познание / А. Вежбицкая. М.: Рус. словари, 1996.
3. Гак, В. Г. Национально-культурная специфика меронимических фразеологизмов / В.Г. Гак // Фразеология в контексте культуры. М., 1999.
4. Бердяев, Н.А. Истина и откровение / Н.А. Бердяев. – СПб., 1996.
5. Телия, В. Н. Русская фразеология / В. Н. Телия. М.: Яз. рус. культуры, 1996.
6. Стефаненко, Т. Этнописхология / Т. Стефаненко. – М: ИП РАН, Екатеринбург, 2000.
7. Привалова, И. В. Языковое сознание: этнокультурная маркированность (теоретико-экспериментальное исследование: Автореф. дис … д-ра филол. наук / И.В. Привалова. М., 2006.
8. Рассел, Б., Человеческое познание: его сферы и границы / Б. Рассел. Киев: Ника-центр, 2001. 560 с.
9. Алефиренко, Н.Ф. «Языковая картина мира» и этнокультурная специфика образного слова / Н.Ф. Алефиренко // В поисках эквивалентности: Материалы III Международной научной конференции / Прешовский университет; Институт славянской филологии. Прешов (Словакия), 2007.

PICTURE OF THE WORLD AND ETHNOCULTURAL SPECIFIC OF THE WARD

N.F. Alefirenko

Belgorod State University

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

The picture of the world is the result of structured reflection of reality in the consciousness in total with all its cognitive elements which have different connections, relationship, status. Linguistic picture of the world is the verbalized system of cognitive structures, which represent the ethno linguistic ‘view’. But it is not worth to identify the linguistic picture of the world with ethno linguistic consciousness which includes not only conscious, structured verbalized knowledge, but subconscious knowledge to.

Key words: linguistic model of the world, cognitive structures, ethno-linguistic conscience.

УДК 81'367

ДИССИПАЦИЯ И САМООРГАНИЗАЦИЯ В СИСТЕМЕ ЕСТЕСТВЕННОГО ЯЗЫКА

А.М. Аматов

Белгородский государственный университет

e-mail: Amatov@bsu.edu.ru

В статье представлен взгляд на естественный язык как на диссипативную самоорганизующуюся систему. Диссипация подразумевает, что информационная энтропия языка может снижаться – в частности, при преодолении системой состояния динамического хаоса с последующим изменением её эволюционной парадигмы.

Ключевые слова и фразы: диссипация; самоорганизация; энтропия; бифуркация; естественный язык; синтаксис.

Язык, как известно, не является простым набором знаков, употребляемых для передачи информации, а представляет собой систему. Соответственно, как и в любой системе, особая роль в функционировании и развитии языка отводится принципу взаимодействия элементов при объединении их в последовательно укрупняемые структуры. Взаимодействие элементов детерминировано, в связи с чем возникает идея формального описания системы. Формальное описание, в свою очередь, сулит перспективы в разработке средств машинного перевода, создания структурированных баз данных и, вполне возможно, разработке искусственного интеллекта. Поэтому попытки формализовать язык предпринимались и предпринимаются, несмотря на целый ряд сложностей, с которыми сталкиваются исследователи.

Одна из первых попыток дать языку формальное описание была предпринята представителями Копенгагенской лингвистической школы (глоссематика). Процитируем в этой связи главу школы Л. Ельмслева (выделено автором): «Анализ текста в целом примет, таким образом, форму процедуры, состоящей из продолженного деления или комплекса делений, в котором единичная операция представляет собой единичное минимальное деление. В данной процедуре каждая операция служит предпосылкой для последующих операций и сама обусловлена предшествующей операцией.

Точно так же если процедура является комплексом делений, то каждое исчерпывающее деление, входящее в комплекс, будет служить предпосылкой для других исчерпывающих делений или само будет следствием предпосылки других исчерпывающих делений, входящих в комплекс. Между сегментами процедуры существует детерминация, поэтому последующие сегменты всегда вытекают из предыдущих, но не наоборот: как детерминацию между определениями, так и детерминацию между операциями можно рассматривать либо как селекцию, либо как спецификацию. Подобную процедуру в целом мы назовём **дедукцией**, а формально определим дедукцию как продолженный анализ или как комплекс анализов с детерминацией между анализами, входящими в него» [1, с. 157].

Закончив цитату, зададим себе вопрос: если анализ языковой системы (у Л. Ельмслева – текста) детерминирован, в нём каждая операция обусловливает последующие операции и, в свою очередь, обусловлена определёнными предпосылками, то как может быть недетерминированной сама система языка? Безусловно, в языке можно выделить причинно-следственные связи, управляющие системой и связывающие её с другими системами. Но в таком случае почему же эффективных формальных моделей языка до сих пор нет? Почему,

например, электронные переводчики не просто уступают переводчику-человеку, но и в ближайшей перспективе не могут рассчитывать на какую бы то ни было конкуренцию?

Для ответа на эти вопросы попытаемся выяснить, каким образом причинно-следственные связи участвуют в функционировании системы языка (особенно синтаксиса), как эти связи переходят из системы языка в речь, и главное – в какой степени детерминирована сама система языка и в частности синтаксис.

Сначала коротко рассмотрим детерминированность и упорядоченность на примере более низких, по сравнению с синтаксисом, уровнях языковой структуры.

В структурализме сложился особый взгляд на причины языковых изменений, получивший довольно широкое распространение. Согласно этому взгляду, фонетические изменения происходят под давлением системы, т.е. в связи со стремлением системы языка к внутренней логической организации. Иными словами, источник изменения системы – это сама система. Такой взгляд представляется не вполне оправданным, особенно если учесть, что язык здесь рассматривается как саморазвивающаяся, самодовлеющая и даже самодостаточная сущность, в отрыве от носителей языка, то есть социума.

Если язык представляет собой действительно самостоятельную систему и развивается по собственным законам, то из этого следует, что он не зависит от своих носителей и, следовательно, строго объективен. Но тогда как быть, например, с так называемыми «мёртвыми» языками – они что, тоже продолжают саморазвиваться?

Очевидно, что только движением языковой системы, в отрыве от носителей языка и от окружающей действительности вообще, причины фонетических изменений объяснить невозможно (точнее, возможно, но такое объяснение вряд ли будет корректным).

С другой стороны, можно ли связать все изменения фонетической системы только с потребностями носителей и изменениями социальной среды? Ведь если бы язык непосредственно, хотя бы не всеми своими уровнями, а только фонетическим, воспринимал абсолютно любые изменения в общественной жизни носителей, то в силу слишком высокой гибкости он едва ли смог бы удовлетворять потребность людей в обмене информацией.

Иными словами, язык – это система, которая, наряду с изменчивостью, обладает и значительной устойчивостью. Как отмечает В.В. Иванов, «… в языке одновременно действуют три связанные между собою «силы»: во-первых, стремление носителей языка … к экономии произносительных усилий, т.е. к облегчению работы органов речи при образовании звуков…; во-вторых, стремление к расширению возможностей языка для обеспечения постоянно растущих потребностей коммуникации…; в-третьих, стремление к сохранению устойчивых противопоставлений фонологических … единиц…» [2, с. 67 – 68].

Подобная трактовка представляется нам вполне приемлемой, поскольку в ней учтены факторы двух основных порядков: собственно языковой системы и среды. При этом надо отметить, что первые две «силы», названные В.В. Ивановым, являются внешними по отношению к системе языка. Собственно лингвистическим фактором здесь признаётся лишь третья «сила» – стремление языка к сохранению симметричности фонемных противопоставлений. При такой схеме получается, что фонологические изменения происходят не под давлением системы языка, а под давлением внешних, экстралингвистических сил (стремление к экономии и растущие потребности общества в передаче знаний) и в том случае, если система допускает данные изменения.

Таким образом, роль причинной обусловленности фонетических изменений, как в историческом, так и в синхроническом аспекте, можно считать очень высокой, однако следует ли из этого, что вся система языка строго детерминирована и начисто исключает любую случайность? Обратим внимание на более высокие уровни.

В начале 1970-х гг. М. Халле [4] предложил морфологическую модель из трех компонентов:

список морфем;

правила формирования слов;

фильтр для слов-исключений.

Построение всех допустимых слов данного языка задаётся первым и вторым компонентами. Фильтр исключений нужен для того, чтобы отсекать морфологически недопустимые производные слова, что может быть связано, например, с особенностями семантики

производящих основ. Всем морфологически потенциальным, но не существующим в реальности словам фильтр исключений приписывает признак «отрицательной лексической единицы» [- lexical item].

Второй компонент модели М. Халле, как видно, строится на основе принципа причинно-следственной связи. В частности, правила формирования слов – это не что иное, как каузальный атрибут, допускающий сочетания определённых морфем друг с другом. Возьмём такой элемент, как глагольная основа: она определяет тот набор суффиксов и окончаний, который допустим в каждом конкретном случае. Например, английский глагол *believe* потребует для третьего лица единственного числа настоящего времени окончания *–s*, для причастия – окончания *-ing* и т.д. Возможно прибавление суффикса *–er* для образования существительного *believer*. Однако эта глагольная основа не допустит, скажем, суффикс причастия **believely*. Но вот работа «фильтра исключений» уже не настолько детерминирована, поскольку отсекает такие морфологические конструкции, которые формально допустимы, но в действительности не встречаются: *reversal, recital, proposal – reversion, recitation, proposition;* но *refusal, rehearsal, acquittal, arrival – *refusation, *rehearsion, *acquitation, *arrivation* или *derivation, description, conversion, confusion – *derival, *describal, *conversal, *confusal.*

Переходя к синтаксической системе, можно предположить, что детерминизм ещё менее строг, нежели в морфологии. Рассмотрим это на примере устойчивых (а следовательно, и более детерминированных) синтаксических сочетаний неидиоматического характера, которые являются повторяющимися и идентифицируются носителями каждого конкретного языка как соответствующие определенным правилам организации. Подобные сочетания принято называть *коллокациями*. Отмечается, что зачастую знания одного языка не способствуют (или мало способствуют) обнаружению параллельных коллокаций в системе другого языка. В частности, английскому выражению *administer an oath* соответствуют фр. *faire prêter serment*, исп. *hacer prestar juramento*, нем. *den Eid abnehmen*, рус. *привести к присяге* и т.д. [3].

В отличие от свободных сочетаний коллокации обладают достаточно жесткой структурой и лимитированным набором компонентов. По сравнению же с идиоматическими единицами они всегда мотивированы, не содержат аллегорий, а их структура (как семантическая, так и синтаксическая) достаточно прозрачна и определяется особенностями грамматического строя и правилами лексической сочетаемости каждого конкретного языка. Отсюда можно предположить, что коллокации занимают промежуточное положение между свободными сочетаниями и идиомами.

Таким образом, с грамматической точки зрения коллокации – это, по сути, дистрибуции частей речи и морфологических форм, устойчиво повторяющиеся в определенных сочетаниях. Безусловно, роль принципа причинности в построении коллокаций существенно выше, чем при свободных сочетаниях. Сопоставим некоторые такие коллокации в русском и английском языках.

Так, устойчивые сочетания с предлогами могут обнаруживать явный параллелизм, т.е. употребление предлогов, соответствующих друг другу по значению. Так, английскому выражению *rely on* соответствует русское *полагаться на*, где предлоги *on* и *на* эквивалентны. Оба выражения являются коллокациями, поскольку глаголы *rely* и *полагаться* требуют наличия после себя существительного с определенным предлогом, как, например, *I rely on your experience – Я полагаюсь на ваш опыт*. Выбор предлогов в таких конструкциях также бывает крайне ограничен, в данном случае – всего одним предлогом *на* (*on*). В частности, фразы типа **Я полагаюсь к вашему опыту* или **I rely to your experience* в обоих языках неприемлемы. Другими примерами параллельных предложных коллокаций являются *взывать к – appeal to*, *обращаться к – turn to*, *защита от* (*против*) *– protection from* (*against*) и пр. Обратим внимание, что в последней паре примеров уже допустимы два предлога, т.е. обусловленность менее строгая.

Во многих случаях предложные коллокации в двух языках обнаруживают существенные расхождения. На наш взгляд это связано отнюдь не с тем, что сам по себе набор предлогов в одном языке беднее (богаче), чем в другом (неважно, в русском или английском). На самом деле система предлогов в английском языке развита не меньше, чем в русском, просто сам характер употребления предлогов различен. Это заключается хотя бы в том, что английские предлоги, как правило, бывают задействованы лишь в управлении средствами

примыкания, тогда как русские предлоги обычно связаны с согласованием. Кроме того, предлоги, хотя и являются служебной частью речи, обладают определенным набором значений, т.е. в большинстве своем полисемичны. А полисемия одного языка, как правило, не совпадает с полисемией другого, что опять же не способствует установлению строгих и однозначных соответствий.

Примерами несоответствий русских и английских предложных коллокаций могут служить следующие выражения: *зависеть от – depend on*, *лекарство от – cure for*, *ссылаться на – refer to* и пр. Русские выражения **все зависит на него*, **лекарство для гриппа*, **я сослался к работе Хомского* столь же некорректны, как и английские **everything depends from him, *the cure from flu, *I referred on Chomsky's work*.

Как видим, даже в устойчивых синтаксических сочетаниях допускается определённая степень свободы, не допускающая их абсолютной предсказуемости. Ну а коллокации, в основе которых лежат правила лексической сочетаемости, гораздо чаще бывают произвольны и, соответственно, непредсказуемы. В частности, в английском языке есть коллокации *commit fraud* и *perpetrate fraud*, однако из комбинаций *commit suicide* и **perpetrate suicide* допускается лишь первая. Соответственно, для разбора лексических коллокаций конкретного языка требуется большее количество фильтров, отсекающих недопустимые конструкции.

Действительно, в этом легко убедиться, если попытаться предсказать предложения хотя бы даже в монологическом выступлении. Вряд ли удастся добиться высокой точности предсказания, если не ознакомиться с текстом речи предварительно.

Таким образом, исследуя роль принципа причинности в развитии и функционировании системы языка, мы должны чётко представлять, что данная система изменяется и действует не только под влиянием внутренних, но и внешних, экстралингвистических моментов, и помимо упорядоченности этой системе в определённой степени присущ беспорядок.

Надо сказать, что порядок и беспорядок являются противоположными, но неотъемлемыми свойствами всех систем. Соотношение этих параметров в разных системах может быть разным, и для определения степени упорядоченности/беспорядка той или иной системы обычно используют понятие энтропии.

Вообще-то понятия информации и энтропии тесно и органично связаны друг с другом, однако представления об информационной энтропии появились лишь тогда, когда развитие термодинамики и статистической механики сделали эту связь очевидной. У истоков этого понятия стоит логик и математик К. Шеннон, в честь которого информационную энтропию часто называют «энтропией Шеннона». И прежде чем перейти к понятию «энтропия языка», попробуем разобраться в том, что представляет собою информационная энтропия.

Пользуясь интуитивно понятными выражениями, можно сказать, что информационная энтропия – это степень неопределённости сигнала или, применительно к речи, высказывания (англ. *uncertainty* – термин К. Шеннона). В качестве примера возьмём ящик с одинаковыми по размеру и массе шариками, на которых проставлены разные номера. Будем считать, что в ящике лежат 1000 шариков с номерами от 1 до 1000, а некто случайным образом извлекает их из ящика один за другим. При первой попытке неопределённость номера извлечённого шарика максимальна, т.е. вероятность извлечения любого из шариков одинакова и равна 1/1000. Допустим, при первой попытке был вынут шарик под номером 345. Это значит, что он выпал из системы, и в следующей попытке участвовать не будет. Соответственно, при втором извлечении вероятность случайного выбора любого другого шарика несколько возрастёт, составив 1/999, и будет увеличиваться при последующих попытках: 1/998, 1/997 и т.д., а энтропия системы будет снижаться, пока не останется последний шарик (скажем, с номером 102) и вероятность его извлечения будет равна 1. Если же после каждого извлечения шарик возвращать обратно в ящик, то энтропия будет сохранять максимальное значение для данной системы, т.к. все варианты из тысячи возможных будут равновероятными. Наконец, если предположить, что в ящике всё те же 1000 шариков, однако 100 из них имеют номер 100, а далее – по нарастающей от 101 до 1000, то энтропия системы не будет максимальной, поскольку при первой попытке результаты не будут равновероятными: вероятность извлечь шарик с номером 100 будет существенно выше (1/10), чем у любого другого шарика (1/1000).

К. Шеннон [5] формализовал понятие информационной энтропии и выразил её через дискретную переменную X, у которой возможен ряд состояний $x_1 \ldots x_n$, в следующей математической формуле:

$$(1)\quad H(X) = \sum_{i=1}^{n} p(x_i)\log_2\left(\frac{1}{p(x_i)}\right) = -\sum_{i=1}^{n} p(x_i)\log_2 p(x_i),$$

где $p(x_i)$ – вероятность i-того события в системе X. Согласно приведенной формуле, можно сказать, что энтропия в системе X – эта сумма произведений вероятностей всех результатов i, умноженных на двоичный логарифм (т.е. логарифм по основанию 2) обратной вероятности события i.

Говоря о языке, следует постоянно помнить о том, что это незамкнутая система. Можно сказать, что язык получает «подпитку» энергией извне, поскольку взаимодействует с другими системами (языками, обществом) и здесь вопрос уже выходит за рамки языкознания. Упрощённо говоря, открытая система может вносить порядок извне и выносить беспорядок вовне. Соответственно, энтропия в системе языка вовсе не обязательно должна нарастать, как это бывает в замкнутых системах. Таким образом, энтропия применительно к языку показывает уровень беспорядка при порождении и/или интерпретации высказывания с учётом фонетики, словаря и грамматических правил.

Безусловно, беспорядок в системе не следует понимать в повседневном смысле слова. В повседневности этот термин имеет весьма размытое значение, поскольку нет и чёткого определения того, что такое порядок. Ну а без чёткого определения порядка невозможно определить и беспорядок.

Для языкознания проблему порядка и беспорядка в системе языка можно решить, если учесть, что беспорядок возрастает с уменьшением вероятности конкретного события. Соответственно, в уравнении (1) необходимо, прежде всего, определить значение термина x_i. По сути, это должен быть показатель уровня неопределённости языкового знака. Применительно к живому языку, мы можем выразить этот показатель через отношение суммы планов содержания к сумме планов выражения, зафиксированных в языке на тот или иной момент времени, или

$$U = \frac{\sum C}{\sum F}.$$

Для какой-либо подсистемы языка, состоящей из n элементов, имеющих m значений,

$$U = \frac{\sum_{i=1}^{m} C_i}{\sum_{j=1}^{n} F_j},$$

где U – показатель неопределённости языкового знака (от *uncertainty*), C – план содержания (от *content*), а F – план выражения (от *form*).

Теперь, если подставить U в формулу (1), мы увидим, что при $U > 1$ энтропия языка будет больше 0 ($H(L) > 0$), при $U = 1$ энтропия будет нулевой ($H(L) = 0$), а при $U < 1$ энтропия будет отрицательной ($H(L) < 0$).

Язык, в котором одному плану содержания соответствует один и только один план выражения (энтропия равна 0), следует считать идеально упорядоченным языком. Если отвлечься от естественного языка, то можно заметить, что в искусственных знаковых системах энтропию часто стремятся свести к нулю. Скажем, система дорожных знаков – это тоже своеобразный язык, в котором каждому знаку соответствует строго одно чтение. Если бы знак можно было трактовать по-разному, это было бы чревато неприятными ситуациями на дороге (которые и без того не редкость). Язык же, в котором одному плану содержания соответствует более одного плана выражения (энтропия отрицательна) будем считать избыточно упорядоченным. Разумеется, для конкретного естественного языка сложно вычислить точный показатель энтропии, но сложно – не значит невозможно. Пока же сделаем интуитивное предположение, что показатель энтропии любого естественного языка выше 1, и, скорее всего, такое предположение будет правильным.

Например, в идеально упорядоченном языке одному знаку соответствует строго одно значение, но если мы откроем любой словарь, то обнаружим, что дело обстоит совершенно иначе. Полисемия распространена повсеместно, и отношение количества слов к количеству выражаемых ими значений – один из аспектов общей энтропии языка. Действительно, энтропия всей системы не может снижаться, если растёт энтропия её подсистем.

С синтаксическими структурами всё обстоит несколько сложнее, поскольку здесь есть определённые трудности с установлением количества планов содержания. Здесь нередки случаи гомоморфизма, который в чём-то сродни лексической омонимии. Причина этого – положительная энтропия синтаксической системы. Так, в большинстве случаев при лексическом наполнении глубинных структур происходит дивергенция: на основе одной и той же тектограмматической структуры мы получаем множество N фенограмматических форм. Но в следствие положительной энтропии возможна и конвергенция синтаксических структур, когда при определённом лексическом заполнении две различные тектограмматические структуры дают нам идентичные фенограмматические формы. Рассмотрим в этой связи пару английских предложений с предлогом *with*:

(2) a. *We discussed the movie with Bruce Willis.*

b. *I saw the man with my binoculars.*

В образцах (2 a – b) мы имеем 2 плана выражения на 4 плана содержания, причём ни в одном из приведённых примеров нет случаев лексической омонимии – корни слов, входящих в состав всех этих предложений, сохраняют своё значение. Конвергенция в данном случае заключается в том, что без анализа всей ситуации мы не можем определить функцию существительного с предлогом: то ли оно употребляется атрибутивно и относится к дополнению (*the movie with Bruce Willis* и *the man with my binoculars*), то ли это обстоятельство и входит в состав предиката (*discussed … with Bruce Willis* и *saw … with my binoculars*).

При переводе предложения (2 a) на русский язык конвергенция сохраняется: *мы обсудили фильм с Брюсом Виллисом*; непонятно, то ли Б. Виллис сыграл роль в фильме, то ли участвовал в обсуждении. А вот при переводе двух толкований предложения (2 b) конвергенция исчезнет и мы получим два отдельных высказывания: *я видел человека с моим биноклем* и *я видел человека в свой бинокль*. Другими словами, уровень энтропии (применительно только к данным примерам) для русского языка по сравнению с английским будет 1,5/2.. Конечно, это не означает, что в английском языке уровень энтропии ровно на треть выше, чем в русском, но то, что он в целом выше – безусловно.

Причиной этого является разница в числе морфологически выражаемых категорий. Ведь морфологический маркер сам по себе является дополнительным планом выражения. Разумеется, в языках, близких к изолирующему типу, отсутствие или недостаточность морфологически маркированных категорий компенсируется другими способами – порядок слов, служебные единицы (глаголы, частицы и пр.), однако полной такая компенсация быть не может.

В целом можно констатировать, что чем сильнее в том или ином языке развита морфология (а вместе с ней – и согласование как основной тип синтаксической связи), тем ниже уровень энтропии его синтаксической системы. Напротив, сокращение числа морфологически маркированных категорий ведёт к увеличению количества энтропии, хотя увеличение это не будет прямо пропорциональным. Включаются своего рода «компенсирующие механизмы», которые не позволяют энтропии языка достичь такого уровня, когда практически любое предложение получает два, а то и более, возможных толкований. Самый распространённый из таких механизмов – возрастающая роль порядка слов и служебных частей речи. Если посмотреть на это с дидактической стороны, то, как правило, языки с более высоким уровнем энтропии обычно легче для изучения, чем языки с низким уровнем энтропии. Английский и русский языки в целом это правило подтверждают.

Есть все основания рассматривать язык как диссипативную самоорганизующуюся систему, которая при формальном описании может быть смоделирована как динамическая. Во-первых, язык представляет собой открытую систему, он не замкнут на себе, непрерывно взаимодействует с обществом, с человеком – своим творцом и носителем, а отдельные языки также постоянно взаимодействуют и друг с другом. Во-вторых, язык состоит из неограниченного множества элементов – в самом деле, нельзя сказать даже для отдельного языка, какое коли-

чество морфем, слов или синтагм составляют верхнюю границу. В-третьих, язык – система нелинейная: даже зная точное состояние системы того или иного языка в данный момент, невозможно абсолютно точно предсказать его дальнейшее развитие. Наконец, в-четвёртых, в развитии языка можно проследить смену устойчивых и неустойчивых состояний.

Повышение энтропии системы может привести её в состояние бифуркации, переходу от устойчивого состояния системы к неустойчивому, которое представляет собой режим с обострением. В режиме с обострением система становится чувствительна к малым флуктуациям и для выведения системы на тот или иной эволюционный путь в момент обострения достаточно незначительных воздействий. В качестве примера такой бифуркации с последующей сменой пути развития (и языкового типа в целом) удобно рассмотреть английский язык.

Выбор именно английского языка неслучаен и обусловлен одной важной особенностью, для рассмотрения которой необходим небольшой экскурс в историю этого языка. Изменения грамматического строя английского языка, связанные с разрушением некогда стройной флективной системы ознаменовали переход от древнеанглийского к новоанглийскому периоду. Быстрая, даже скачкообразная смена синтетического строя на аналитический явилась, пожалуй, беспрецедентным случаем в истории не только английского, но и германских языков в целом. По времени эти изменения совпадают с завоеванием Британии викингами (преимущественно датчане и норвежцы) и следуют непосредственно за этим завоеванием. Именно в этот период (IX – XI вв.) английский язык утрачивает бо́льшую часть флексий, в нем разрушаются системы рода и падежа, исчезает согласование прилагательного с существительным.

На наш взгляд, источник столь радикальных изменений следует искать в сочетании двух факторов: ослабление артикуляции флексии и взаимодействие *близкородственных* (конкретно – скандинавских) языков. Именно близкородственных, поскольку, например, французский язык, занявший впоследствии господствующее положение в английском обществе, все же не оказал существенного влияния на грамматический строй английского языка, хотя и сильно обогатил его лексический состав.

Со скандинавским языком ситуация была иной. Процент скандинавских заимствований (по сравнению с французскими) относительно невелик. Это объясняется не только тем, что язык викингов не стал господствующим в Англии, но и большим количеством общих корней слов. Корень, как известно, является наиболее стабильным элементом морфологической системы языка, флексия же, напротив, наименее устойчива. При наложении английского и скандинавского языков часто возникали слова со сходными или даже общими корнями, но разными окончаниями, которые к тому же слабо артикулировались. Различия между флексиями в сочетании с их ослабленной артикуляцией оказались губительными для всей флективной системы языка, что и повлекло столь кардинальную смену его строя.

Для сравнения любопытно привести пример с нидерландским языком, сложившимся приблизительно в тот же период (IX – XI вв.) на основе нижнефранкского, но под влиянием саксонских и фризских диалектов. Условия здесь примерно те же, что и в английском: взаимодействие близкородственных языков на фоне ослабления флексии. Результаты также поразительно совпадают: в обоих языках отсутствует система падежей существительного, нет согласования, два падежа (субъектный и объектный) у личных местоимений, и в итоге – аналитический строй. И все это при том, что и в нижнефранкском, и в саксонском, и во фризском языках были хорошо развитые флективные системы!

Таким образом, причину разрушения системы флексий в английском языке в IX – XI вв. и перехода к аналитизму следует, видимо, искать не в отдельных факторах (контакт языков или перенос ударения на начало слова), а в их взаимодействии.

Разумеется, было бы слишком поспешным утверждение о том, что только рассмотренные два факта в совокупности обусловили переход системы английского языка в режим с обострением, из которого он вышел радикально изменившимся – возможно, свою роль сыграли какие-то ещё, неучтённые здесь, факторы. Но то, что ломка синтетической системы и создание принципиально иной, аналитической системы – это результат нарастания энтропии с последующей бифуркацией и переходом на новый эволюционный путь подтверждается как принципиальной разницей строя древнеанглийского и среднеанглийского языка, так и временем, которое занял этот переход. Ведь примерно 200 лет – это совсем немного по меркам исторического развития языка.

Обобщая изложенное, можно сказать, что конец древнеанглийского периода ознаменовался нарастанием энтропии в системе языка, что повлекло переход к состоянию неустойчивого равновесия (бифуркация), выход из которого на новый этап развития был обусловлен «ослаблением контроля» над языком в связи с Норманнским завоеванием Англии (флуктуация). Самоорганизация языка нового типа происходила уже не на морфологической основе – в качестве аттракторов служили синтаксические структуры, но это уже отдельная история. Таким образом мы имеем основания считать, что язык вполне подпадает под определение самоорганизующейся системы, в нём происходят диссипативные процессы, он может быть формализован, и абстрактная количественная модель может адекватно описывать пусть не все, но очень многие процессы, происходящие в естественных языках.

Как ни парадоксально это может прозвучать, но самоорганизация языка может проходить не вопреки стремлению к беспорядку, а как следствие его нарастания. Неравновесный порядок может существовать только в диссипативных системах при «подпитке» энергией извне. Для подержания порядка требуется компенсировать потери, которые неизбежно возникают в ходе диссипации при нарастании энтропии. В физике диссипативными называют обычно потери, связанные с перетеканием тепла или массы, поскольку их физическая сущность – рассеяние (диссипация) энергии. В условиях диссипации, традиционно воспринимаемой как проявление распада структур, их неустойчивости, возникает порядок! Применительно к языку диссипация означает «выброс вовне» изживших себя элементов и структур, которые, при наличии «внешних поступлений», заменяются на новые.

Преодоление энтропии при создании формальных моделей языка (т.е. алгоритмов порождения и интерпретации высказываний) возможна, если применить синтаксический фильтр, причём намеренно обособив его от лексической семантики. Суть данного фильтра заключается в формализации лексикона путём задания каждому его элементу (т.е. лексеме) определённого набора грамматических категорий, на основании их трансформационного потенциала. Таким образом, создаётся что-то вроде словаря, в котором вместо лексико-семантических вариантов того или иного слова представлена номенклатура его синтаксических категорий. И этот словарь должен применяться наряду с обычным, лексико-семантическим словарём, отсекая ненужные толкования и значения на основе сугубо синтаксических механизмов.

Список литературы

1. Ельмслев, Л. Пролегомены к теории языка / Л. Ельмслев // Зарубежная лингвистика. I. – М.: Прогресс, 1999.
2. Иванов, В.В. К проблеме причинно-следственных отношений в развитии звуковой системы языка // Филологические науки. Научные доклады высшей школы, 1995. – №1.
3. Benson, M., E. Benson, R. Ilson. The BBI Combinatory Dictionary of English. – Amsterdam – Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1986.
4. Halle, M. Prolegomena to a Theory of Word Formation / M. Halle // Linguistic Inquiry, 1973. – Vol. 4(1).
5. Shannon, C.E. A Mathematical Theory of Communication // Bell System Technical Journal. – Vol. 27, July and October, 1948.

DISSIPATION AND SELF-ORGANISATION IN NATURAL LANGUAGE

A.M. Amatov

Belgorod State University

e-mail: Amatov@bsu.edu.ru

The paper presents a view of the natural language as a dissipative self-organizing system. Dissipation implies the possibility to reduce the amount of entropy, particularly when overcoming the state of dynamic chaos with a subsequent switch jf evolutionary patadigm.

Key words: dissipation; self-organization; entropy; bifurcation; natural language; syntax.

УДК 800/801

РОЛЬ СМЕШЕНИЯ ЯЗЫКОВ В ФОРМИРОВАНИИ ГЛОБАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Ж. Багана
Е.В. Халипина

Белгородский государственный университет

e-mail:
baghana@bsu.edu.ru
khapilina@bsu.edu.ru

В статье освещается вопрос языкового смешения, результатом которого является возникновение пиджинов и креолизация. Как показало наше исследование, процесс креолизации и его результаты являются необходимой составляющей при формировании глобальной культуры. При взаимодействии глобальной и местной культур на первый план выходит лингвистический аспект.

Ключевые слова: смешение языков, языковой контакт, пиджинизация, креолизация, конвергенция.

Введение

Во второй половине XIX в. теория языковых контактов обогатилась описанием процессов пиджинизации и креолизации языков. Изучение креольских языков, равно как и пиджинов долго находилось на периферии лингвистической науки. Положение стало меняться в 1950-х годах после выхода книги У. Вайнрайха «Языковые контакты» и особенно с 1970-х годов, когда представители ряда направлений лингвистики пришли к осознанию того, что процессы пиджинизации и особенно креолизации языков могут послужить важным источником сведений о происхождении языка и, прежде всего, о формировании грамматических категорий. Значительную роль в возникновении такого интереса сыграли, исследования Д. Бикертона и интерпретация их результатов в теоретических работах американского функционалиста Т. Гивона. Развитие креолистики реанимировало в течение некоторого времени считавшуюся в сравнительно-историческом языкознании практически «закрытой» проблему соотношения дивергентных (расхождение языков) и конвергентных (их схождение) процессов в истории формирования языков и диалектов мира.

Теоретический анализ

Изучение пиджинов, креольских и других контактных языков (креолистика) является частью теории языковых контактов, традиционно относимой к социолингвистике. Это представляется оправданным, т.к. единственное, что отличает контактные языки от «обычных» – это особые условия их возникновения, т.е. не лингвистические, а социолингвистические параметры. Тем не менее, в строении данных языков прослеживаются определённые закономерности, что даёт возможность говорить и о лингвистических особенностях этого типа языков. Основополагающими для креолистики являются понятия пиджин и креольский язык.

Современные исследования пиджинов, креольских и смешанных языков давно вышли за рамки поверхностных описаний. Креолисты работают в нескольких направлениях: помимо систематического описания структуры таких идиомов, проводятся подробнейшие исследования их внешней истории с целью проследить этапы их формирования, учесть все возможные языковые влияния. Проводятся исследования, которые призваны определить вклад каждого из языковых компонентов при формировании конкретного контактного языка.

Большое внимание уделяется также общим вопросам: изучаются условия формирования языков данного типа, причины их возникновения, характер их отношений к языку-лексификатору. Можно констатировать, что исследование пиджинов и креольских языков важно не только само по себе; этот материал имеет чрезвычайный интерес для общего языкознания в целом. Это определяется следующими факторами. Изучение языков, явившихся результатом интенсивного языкового контактирования, помогает раскрыть природу языковых контактов, являющихся одной из важнейших причин языковых изменений. Кроме того, возникновение пиджинов, формирование на их основе креольских языков можно рассматривать как «возникновение нового языка». Исследование их становления может пролить свет на понимание сущности языка, его природы и генезиса.

При этом в фокусе исследований по-прежнему находятся в основном пиджины, креольские и смешанные языки, возникшие на основе западноевропейских языков – прежде всего, английского, французского и португальского.

Пиджины и креольские языки являются не однотипными языковыми образованиями, а идиомами разных типов; процессы их формирования (пиджинизация и креолизация) представляют собой два совершенно разных процесса, каждый из которых имеет свои закономерности и обусловлен своими причинами.

Пиджинизация (от искаженного англ. business – «дело») – процесс формирования особого типа языков (пиджинов) при ситуативно ограниченных и несистематических контактах двух или нескольких разноязычных народов. При этом язык-пиджин возникает не в результате естественного воздействия языков в ходе их развития, а как бы в результате их столкновения, когда один из языков (язык-источник) «разбивается на кусочки». Из такого рода кусочков и формируется редуцированный язык-пиджин. Из других языков, участников столкновения, заимствуются лишь отдельные слова. Языком-источником при пиджинизации всегда оказывается язык господствующего этноса.

В теории языковых контактов выделяют, как правило, следующие условия пиджинизации: 1) контакт двух или нескольких групп, не знающих языка друг друга; 2) стандартная контактная ситуация (торговля, обмен, подневольный труд и т.п.); 3) контактирующие стороны социально неравны; 4) ситуация контакта периодически повторяется; 5) пиджин не является родным ни для кого из говорящих; 6) низкая грамотность колонизируемых народов; 7) незаинтересованность носителей языков-источников в том, чтобы местное население овладевало их языком.

Неправильное и неполное усвоение языка-источника носителями местных языков-субстратов (причиной тому чрезвычайно ограниченные сроки усвоения языка без какого-либо систематического обучения) и стремление носителей языка-источника (колонизаторов) предельно упростить свою речь при общении с местным населением с целью быть лучше понятыми способствовали возникновению пиджинов. Таким образом, главное условие возникновение пиджина – отсутствие взаимопонимания между носителями местного языка и носителями языка-источника. Пиджины возникают в условиях «экстремальных» языковых контактов, когда у двух или нескольких групп людей, которым необходимо договориться о чём-то конкретном, нет общего языка. Пиджин – это редуцированный идиом, не имеющий коллектива собственных носителей, часто не воспринимающийся самими говорящими как «язык»; он служит вспомогательным средством коммуникации, спонтанно возникающим в стандартных коммуникативных ситуациях. Типичные ситуации возникновения пиджина – обмен товарами, торговля, ситуация подневольного труда. Обычно пиджин принимается за девиантный диалект, описываемый как ломаный, испорченный, искаженный язык.

Важной составляющей такой ситуации, оказывается тот факт, что у говорящих нет иного средства коммуникации – т.е. в коммуницирующих сообществах нет двуязычных индивидов. Это условие является самым главным для ситуации образования пиджина. Вторым важнейшим условием является отсутствие мотивации к изучению другого языка.

Пиджин может использоваться в семьях, где родители не имеют общего языка. Если не будут приложены сознательные усилия для обучения ребёнка своим родным языкам, то его первым языком станет пиджин. Наличие других детей со сходным языковым воспитанием приводит к использованию пиджина вне дома, а его экспансия – к пополнению лексики и расширению функционального диапазона.

В XVI-XVII вв. языками-источниками в процессах пиджинизации на западе Африки выступили языки европейских колонизаторов – португальский, испанский, французский и английский, а субстратами – языки местных жителей. Возникли португалоязычные, испаноязычные, франкоязычные и англоязычные пиджины.

Если для межъязыковых контактов используется язык, не являющийся родным ни для одного из коммуникантов, но при этом вполне «нормальный» с точки зрения его структурной сложности и в силу этого способный обслуживать неограниченно широкий круг коммуникативных целей, то термин пиджин к нему не применяется – в таких случаях мы имеем дело с так называемым койне. С другой стороны, при наличии социальных

и политических условий для пиджина возможен путь быстрого развития и «перерождения» в креольские языки. В некоторых случаях пиджин становится родным языком какой-то группы населения, соответственно расширяя круг своих функциональных возможностей. При этом для нового поколения такой пиджин становится часто единственным языком. Этот процесс называется нативизацией, или креолизацией пиджина, а новая ступень развития контактного языка – креолом. Термин креол восходит к возникшему в Бразилии португальскому выражению crioulo, первоначально обозначавшему африканского раба, родившегося в Америке.

Креольские языки отличаются смешанностью и редукцией структур, а также массовыми заимствованиями. В отличие от креольского, у пиджина нет языкового коллектива, где он является первым языком, но у него есть фактические нормы употребления. Креольские языки – языки, возникшие из пиджинов в результате процесса нативизации, когда пиджин становится родным языком некоторого коллектива говорящих. Существуют также теории, согласно которым креольские языки могли образоваться, минуя стадию пиджина, непосредственно из языка-источника.

Число зафиксированных в мире креольских языков в несколько раз больше числа пиджинов, однако следует иметь в виду, что грань, за которой происходит превращение пиджина в креольский язык, размыта. Являясь вспомогательным языком, пиджин обладает незначительным по объему словарем и упрощенной грамматикой; в зависимости от родных языков говорящих он распадается на различные этнолекты (этнические диалекты), специфика которых проявляется в словаре, грамматике и фонетике. В процессе креолизации эти различия нивелируются, увеличивается словарный состав, усложняются фонетическая и грамматическая структуры, хотя, как правило, они тоже остаются относительно простыми – что, впрочем, кажется естественным связать с недолгим временем существования тех известных науке языков, креольское происхождение которых не вызывает сомнений. Поскольку креолизация представляет собой процесс, причем многосторонне обусловленный и обратимый, трактовка некоторых промежуточных его стадий (еще пиджин или уже креол) может вызывать затруднения.

Креольский язык – это родной язык, происходящий от пиджина, а пиджин – как результат языкового компромисса, не являющийся ничьим родным языком и употребляемый двумя или несколькими языковыми коллективами, когда они вступают в общение. Креольские языки, в отличие от пиджинов, обслуживают все необходимые коммуникативные ситуации, в результате их грамматика усложняется (происходит расширение грамматики).

Креольский же язык может постепенно превращаться в литературный, особенно в обществах промежуточного типа с высокой степенью социальной стратификации [1].

В социолингвистике существует также понятие лингва франка, которое является обобщающим и используется для обозначения любого языка, используемого в качестве общего для разноязычных групп населения.

Первым дошедшим до нас пиджином был язык лингва франка, который использовался в Средние века в Восточном Средиземноморье при торговых контактах между европейцами (которых называли тогда франками) и населением Леванта. В период европейской экспансии в эпоху географических открытий и колонизации в XVI в. происходило формирование огромного числа пиджинов, в основу которых легли португальский, испанский, французский и английский языки. Первый пиджин на основе английского языка возник в Северной Америке в ходе происходивших в начале XVII в. контактов между индейцами и белыми поселенцами; другие варианты пиджинов на основе английского сформировались в Китае и в Западной Африке в XVII в. и в Австралии и южных морях в начале XIX в. Китайско-английский и австралийский пиджины почти исчезли; меланезийский пиджин (неомеланезийский язык) до сих пор существует и функционирует. В настоящее время в мире насчитывается свыше шести десятков креольских языков, что в несколько раз превосходит число существующих пиджинов (в названии креольского языка может в той или иной форме присутствовать слово «пиджин», отражая предшествующее положение дел). Общее число говорящих на креольских языках оценивается примерно в 30 млн. человек.

На американском континенте несколько разновидностей ранее существовавшего негритянско-английского пиджина продолжили существование в креолизированной форме; например, язык гулла на побережье Южной Каролины, креольский английский Ямайки и других островов Вест-Индии и тики-таки, или сранан-тонго в Суринаме (Нидерландской Гвиане). Французский лежит в основе креольских языков Луизианы, Гаити, Вест-Индии, Маврикия и Реюньона; испанский – в основе папьяменто и нескольких контактных языков на Филиппинах. Существуют также многочисленные пиджины и креольские языки, в основе которых лежат неевропейские языки, например чинукский жаргон на севере тихоокеанского побережья США и лингва жерал («общий язык») в Бразилии, в основе которого лежит язык южноамериканских индейцев тупи-гуарани. Значительные по числу говорящих креольские языки китуба в Заире (5 млн. говорящих) и мунукутуба в Республике Конго (ок. 1,5 млн. говорящих; оба на основе языка конго), джубайский арабский в Судане и некоторые другие. Процессы креолизации играли и продолжают играть заметную роль в истории развития крупнейшего африканского языка суахили.

С точки зрения структуры, пиджины и креольские языки похожи на все прочие языки, но, как уже было отмечено, отличаются упрощенной грамматикой и небольшим количеством слов. Они имеют четко определенные фонологические системы, которые можно записывать в научной транскрипции или же в орфографии, применимой к разным языкам. Всегда предпочтительнее записывать пиджин или креолизованный язык в орфографии, основанной на фонологии, а не подражать орфографии какого-либо европейского языка, чтобы не создавать ложного впечатления, будто пиджин или креольский язык представляет собой искаженную форму того или иного европейского языка.

Во многих отношениях пиджины и креольские языки отличаются от того, что мы привыкли считать нормальным: многие привычные категории, такие, как число, род, или определенные и неопределенные артикли, могут отсутствовать, и в то же время могут присутствовать непривычные элементы, например показатели предиката или локативные суффиксы.

Поскольку словарный состав пиджинов сильно ограничен, отдельные слова часто приобретают гораздо более широкое значение, чем они имеют в языке-источнике. В силу своей упрощенности пиджин способен обслуживать лишь ограниченный класс ситуаций общения.

Тем не менее, многие современные исследователи считают ошибочным представление о том, что пиджины и креольские языки не укладываются в традиционное представление о языковых семьях и их дивергенции. Генетическое родство является весьма конкретным понятием, выводимым на основании строгой процедуры. Если применить к пиджину или креольскому языку процедуру определения языкового родства, то окажется, что он однозначно связан со своим языком-лексификатором, являясь в сравнительно-историческом плане его филиацией.

Потребность в расширении словарного состава креолизованных языков для удовлетворения потребностей говорящих, часто приводила к широкомасштабному заимствованию слов из того или иного европейского языка, обычно – из языка колониальных властей того региона, где говорят на данном языке. Обязательными компонентами процесса креолизации Н. Ф Алефиренко считает: а) обогащение пиджина за счет внутренних средств (пополнение словарного запаса при помощи словообразования, развитие грамматического строя и т.д.); б) обогащение за счет взаимодействия с другими языками [2].

Процесс креолизации пиджинов происходил в разных социальных условиях: в смешанных семьях, возникавших в береговых европейских укреплениях, на плантациях, а также среди беглых рабов, во многом воспроизводивших традиционные африканские культуры в условиях Нового Света. Источники словарного и структурного обогащения в этих случаях оказывались различными: в одних случаях язык-лексификатор (тот, из которого происходила большая часть словарного состава пиджина) продолжал оказывать влияние на складывающийся креольский язык, в других это воздействие полностью отсутствовало.

Многое в судьбе креольского языка зависело и от динамики демографической ситуации на ранних этапах его развития: если такой язык уже обладал развитым словарем и стабильной грамматикой, но число тех, кому он стал родным, было невелико, вновь усваивавшие его люди привносили новую лексику и расшатывали сложившиеся стандарты фонетики и грамматики. В результате этого мог начаться процесс декреолизации, обратного превращения в пиджин. Поскольку в контакт вступали новые языки, словарные и грамматические новшества могли оказаться очень существенными; важное значение имела и степень воздействия на креол официальных языков соответствующих территорий.

На эволюцию сложившегося креола важнейшее влияние может оказывать постоянный контакт с соответствующим языком-лексификатором, особенно в тех случаях, когда креольский язык непрестижен и не имеет официального статуса. Смешанный язык есть продукт двуязычия. Смешанный язык имеет больше шансов возникнуть там, где существуют две близкие языковые системы. Чем меньше развит язык заимствующий, тем большие изменения претерпевает язык, из которого делаются заимствования. Родной язык народа постепенно деградирует. Наибольшее сопротивление оказывает морфология, но и она, в конце концов, уступает, и старая языковая система сразу же исчезает.

Креолизация – это прежде всего лингвистическое понятие, обозначающее смешение колониального языка и языка аборигенов. Тем не менее нельзя не согласиться с мнением, что креолизация является одним из возможных результатов аккультурации. Этнологи используют данное понятие для обозначения культурных смешений, противоречий и «прозрачности» границ знаковых систем [3].

Креолизованные культуры возникают в результате контакта и тесного взаимодействия двух обществ. В некоторых случаях креолизация устанавливает непрерывную связь с прежними жизненными формам и традициями, в других – возникают новые формы идентичности, которые существуют без исторического образца, без исторических корней. При прохождении процесса креолизации культурное и языковое многообразие не выравнивается, а принимает новые формы, которые только отчасти и не всегда интегрированы со старыми.

Заключение

Изучение роли и места языка в аккультурационных процессах приобретает немаловажное значение. Особенно актуальным это становится в связи с тем, что в сфере языков шансы и риски, связанные с глобализацией, проявляются особенно ярко. В современном мире как никогда ранее повышаются шансы для коммуникации, взаимного понимания и взаимного принятия, что в немалой степени обусловлено формированием глобального лингва франка. Как и всякая культура, глобальная культура должна располагать своими знаковыми средствами, например своим языком. Существование лингва франка не означает, что человек должен пренебрегать своим родным языком. Процесс креолизации и ее результаты являются необходимой составляющей при формировании глобальной культуры. Многие из языков не могут выдержать ассимилирующего давления интернациональных языков. Раздифференцирование культур ведет к тому, что сохраняются и возрождаются языки малых групп, становящиеся основой для культурной идентичности. В то же время в сфере языка проявляются попытки противостоять «нашествию» глобальной культуры. Таким образом, при аккультурации между глобальной и местной культурой на передний план выходит лингвистический аспект.

Список литературы

1. Мечковская Н.Б. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитраных вузов и учащихся лицеев. – М.: Аспект-Пресс, 1996. – 207с.

2. Алефиренко Н.Ф. Теория языка. Вводный курс: Учеб. пособие для студ. филол. спец. высш. учеб. заведений. – М., 2004. – 368 с.

3. Jarausch Ronrad, Siegrist Hannes [Hg.]. Amerikanisierung und Sowjetisierung in Deutschland 1945 — 1970. Frankfurt / New York: Campus Verlag, 1997. S.65-78.

PECULIARITIES OF POLYSEMY OF PERCEPTIVE VERBS (on the material of Western-Romanic Languages)

J. Baghana
E.V.Khapilina

Belgorod State University

e-mail:
baghana@bsu.edu.ru
khapilina@bsu.edu.ru

The article touches upon the language mixing issue. Pigins and creolization are the results of this process. The language study has shown that the creolization process and its results are global culture important parts. Linguistic aspect appeares first when global culture interacts with the local one.

Key words: language mixing, language contact, piginisation, creolization, convergence.

УДК 070

КОНЦЕПЦИЯ ЖУРНАЛИСТИКИ ХОСЕ МАРТИ (статья вторая)

А.П. Короченский

Белгородский государственный университет

e-mail: korochensky@bsu.edu.ru

В статье рассмотрены ключевые положения концепции журналистики, предложенной кубинским просветителем, публицистом, поэтом и деятелем освободительного движения Хосе Марти (1853-1895). Выявлены связь концепции с просветительской идеологией, отношение Марти к рыночной модели журналистики.

Ключевые слова: журналистика, публицистика, просветительство, Латинская Америка, США.

В творческом наследии кубинского просветителя, публициста, поэта и деятеля освободительного движения Хосе Марти отсутствуют работы, в которых его воззрения на журналистику были бы представлены комплексно, в виде единого концептуального текста или же группы аналогичных текстов. Вместе с тем высказанные им идеи о социальной роли журналистики в совокупности обладают признаками единой концепции с высокой степенью теоретической проработки. В связи с тем, что высказывания, отражающие эту концепцию, рассеяны по десяткам статей, писем, работ программного характера, её изучение требует систематизации выдвинутых теоретико-концептуальных положений и пристального их рассмотрения в контексте идейно-мировоззренческой системы творчества публициста. Заслуживает пристального внимания также и практическая деятельность Марти в качестве ведущего автора и руководителя ряда периодических изданий Латинской Америки и США, конкретизирующая его концептуальные воззрения на журналистику.

При изучении концепции журналистики Хосе Марти существенным является определение его отношения к рыночно ориентированной прессе, получившей бурное развитие в США и некоторых других государствах с середины XIX века. В период пребывания в эмиграции в Соединенных Штатах в 1880-е гг. – начале 1890-х гг. кубинский публицист имел возможность не только непосредственно ознакомиться с практикой крупных массовых газет, но и приобрести личный опыт взаимодействия с редакциями некоторых из них. Так, в 1880-1881 гг. Марти опубликовал несколько статей на английском языке в ведущих нью-йоркских газетах "The Hour" и "The Sun". Существенное значение имел и многолетний опыт сотрудничества с самой значительной аргентинской газетой “La Nación”. Реакция на прессу, подчинённую рыночным императивам, выявляет важные характеристики воззрений Хосе Марти на журналистику.

Концептуальные высказывания о социальной роли прессы и отдельных изданий были представлены в работах Марти, характеризующих издательские проекты и программы созданных и руководимых им периодических изданий. Изучение этих программ, а также их воплощения в практической деятельности позволяет углубить характеристику мартианской концепции журналистики.

"Revista Guatemalteca": первый издательский проект Марти. В период пребывания в Гватемале (1877-1878 гг.) Марти предпринял попытку создания журнала под названием "Revista Guatemalteca" ("Гватемальский журнал"). Первый номер нового издания должен был выйти в свет 15 апреля 1878 г., однако в связи с осложнением отношений Марти с гватемальскими властями этот издательский проект не был реализован.

Предназначение создававшегося журнала Марти разъяснил в неопубликованном проспекте, позволяющем судить об основных типологических признаках и характере содержания "Revista Guatemalteca". Необходимость выпуска нового издания объяснялась в проспекте в просветительском духе. Публицист ставил задачу превратить журнал в орган печати, помогающий гватемальской общественности увидеть и оценить огромный материальный и человеческий потенциал, которым располагает страна и который мог бы служить прочной базой для ускоренного развития Гватемалы и преодоления ее отставания от передовых стран мира. Другая же задача журнала заключалась в обеспечении притока новых передовых идей в гватемальское общество, находящееся в состоянии интеллектуальной апатии и фактической культурной самоизоляции. Объясняя необходимость создания журнала, Марти писал в проспекте "Revista Guatemalteca": "богатства Гватемалы малоизвестны, интеллектуальный обмен с Европой скуден". Новое издание было призвано информировать читателей о том, "сколько Гватемала производит и может производить, предлагать основные новости литературы и науки, искусств и индустрии – новости, являющиеся сегодня привилегией ограниченного количества счастливчиков, имеющих возможность без затруднений знакомиться с прекрасными европейскими журналами" [1, 104].

Издание должно было охватывать проблематику, относящуюся не только к Гватемале, но и ко всей Латинской Америке ("нашей Америке", по выражению публициста), а также проблемы отношений народов американского континента с наиболее передовыми странами Европы. Это было связано со стремлением публициста развить у гватемальской аудитории осознание ее принадлежности к семье латиноамериканских народов, объединенных общим культурным и историческим наследием, сходством решаемых ими проблем – осознание, являющееся обязательным предварительным условием совместных действий латиноамериканцев по преодолению социально-экономической отсталости.

В проспекте "Revista Guatemalteca" Марти заявил о своем стремлении превратить журнал в издание, посредничающее в активном интеллектуальном и коммерческом обмене Гватемалы и других латиноамериканских государств со странами Европы. Автор проекта намеревался через журнал информировать об экономических и торговых возможностях Гватемалы не только широкую общественность этой страны, но и деловые круги в странах Европы. Однако действительную полезность создаваемого журнала Марти видел не столько в предполагаемом экономическом и культурном посредничестве, сколько в мощной просветительской нагрузке издания, способствующей раскрытию гватемальской общественностью своих больших созидательных возможностей, поиску путей и средств реализации этого потенциала как в материальной, так и в и духовной деятельности, обеспечивающей выход из отсталости. Публицист писал в проспекте "Revista Guatemalteca": Гватемала, как и другие страны Латинской Америки, имеет богатые природные ресурсы. Но недостаток цивилизованности, просвещения латиноамериканцев по причине исторической молодости народов континента, а также наследие прошлого, связанное с истреблением коренного индейского населения, с широким распространением культа насилия (всем тем, что Марти назвал "печальной исторической памятью"), мешают овладеть чудесными возможностями, "приложить умный труд к податливой и богатой земле". Публицист призывал гватемальцев к упорному созидательному труду: "наши недра – из золота, нужно же, чтобы наши руки были из железа" [1, 104].

Горячо поддерживая стремление к созиданию на прекрасной и щедрой земле Латинской Америки, публицист не мог не отметить мешающее реализации этого стремления "нагромождение неверных и беспорядочных взглядов в умах американцев, умах героев и безумцев, порою детей, порою гигантов". Он писал: "Нам, латиноамериканцам, повезло с просвещением меньше, нежели другим народам". В обществе, нуждающемся в научных знаниях, с незрелым, формирующимся самосознанием, публицист выдвинул на первый план за-

дачи просвещения. Без широкого распространения в массах образования и научных знаний, без движения к самопознанию и обретению полной духовно-культурной идентичности латиноамериканцев Марти не мыслил прогресса "нашей Америки".

Выполнение предназначения, определенного для журнала "Revista Guatemalteca" его создателем, предполагалось осуществлять по двум основным направлениям. Во-первых, публиковать "в каждом номере описания – более полезные, нежели живописные – различных местностей республики"; предлагать "изучение производимых ими продуктов и их применения", печатать "воспоминания наших знаменитостей и значительные произведения, наполняющие гордостью страну". Во-вторых, отвечая на "естественную и заинтересованную потребность" страны в информации из Европы, печатать в каждом номере журнала материалы "о прекрасных и полезных искусствах, о науках и изобретениях, о вышедших книгах и произведениях драматургии". Характерно, что в этот период своей публицистической деятельности Марти всецело полагался на крупные периодические издания Европы как источник информации такого рода, полагая, что они принесут пользу латиноамериканскому читателю "великолепными обзорами современного духовного и индустриального развития" [1, 104]. Рассматривая журнал "Revista Guatemalteca" как энциклопедический издательский проект и как средство пропаганды просветительской по своей сути программы прогрессивных преобразований Гватемалы и Латинской Америки в целом, Марти намеревался опереться на научный и культурный потенциал Европы. Проспект журнала свидетельствует о том, что в этот период публицист видел одну из основных задач просветительства в Латинской Америке прежде всего в переносе достижений европейской культуры, науки и техники на латиноамерикансую почву. Называя потребность в информации из Европы "естественной", автор неосуществленного проекта имел в виду исторически сложившуюся духовную связь стран Латинской Америки с европейскими государствами, прежде всего с Францией (при этом сохранялись и культурные связи с бывшей метрополией – Испанией, хотя они не имели определяющего значения после изгнания испанских колонизаторов с американского континента). Вместе с тем в проспекте отражено и представление публициста о том, что культурный трансфер из Европы – не самоцель, но непременное условие формирования полнокровной самобытной культуры "нашей Америки", развивающейся в тесной связи с мировой культурой.

"Revista Venezolana": концепция журнала и её реализация. Первым осуществленным издательским проектом Марти явилось создание под его руководством в 1881 г. в Каракасе (Венесуэла) журнала с двухнедельной периодичностью под названием "Revista Venezolana" ("Венесуэльский журнал"). Выпуск издания, осуществленный при поддержке Фаусто Теодоро де Алдрея – венесуэльского интеллектуала и друга Марти, прервался после выхода второго номера.

В редакционной статье первого номера "Revista Venezolana", вышедшего в свет 1 июня 1881 г., Марти заявил, что новое издание будет представлять тип общественного и литературного журнала, открытого для различных направлений социальной и философской мысли. "Revista Venezolana" появился как орган печати, призванный "возвеличить славу венесуэльского народа, описать его красоту и способствовать благосостоянию" [2, 197]. Эти словесные атрибуты, неизбежные в сложившейся к моменту выхода журнала политической ситуации в Венесуэле (в условиях режима, явственно тяготеющего к диктатуре), не могли заслонить намерений руководителя "Revista Venezolana" привлечь к нему различные общественные и творческие силы и реализовать широкую программу деятельности. Характеризуя ее основные направления, Марти отмечал, что журнал призван следить за "растущим бурлением на континенте", "привести в движение колоссальные спящие силы", противодействовать попыткам "приуменьшить выдающееся значение нашего чудесного прошлого периода борьбы за независимость", открыть истоки "поэзии нашего мира", т.е. латиноамериканской поэзии [2, 197].

Журнал должен был внести вклад в разработку оригинального, собственно латиноамериканского мировоззрения, свободного от подражательства и неоправданных заимствований. Его программа знаменовала отход публициста от опоры на культурный трансфер из Европы. Марти заявил, что "Revista Venezolana" – "естественное прибежище для американской мысли" – не принадлежит какой-либо литературной группировке, не разделяет и ка-

кую-либо определенную философскую позицию, не стремится яростно отстаивать одну точку зрения или провоцировать конфликт поколений, апеллируя к молодым латиноамериканцам. Журнал провозгласил толерантность, уважение к различным воззрениям: "Не являемся ли мы все искателями истины, только с фонарями различного цвета?" [2, 199].

Марти рассчитывал привлечь к сотрудничеству в журнале выдающихся представителей творческих и научных кругов Венесуэлы и других стран Латинской Америки. Новый журнал замышлялся как издательский проект латиноамериканского масштаба, а не как сугубо венесуэльское издание. Это объяснялось тем, что просветительская программа Марти не замыкалась на одной стране: он видел просвещение, формирование самобытной культуры решающими факторами сплочения всей "нашей Америки" и вывода её из состоянии отсталости.

В программной статье "Характер "Revista Venezolana", опубликованной во втором номере журнала (от 15 июля 1881 г.) Марти вновь заявил, что журнал направляет свои усилия на создание "новой великой Америки – крепкой, боевой, трудолюбивой, удивительной". Он декларировал, что издание не приемлет развлечение ради развлечения и стремится привлечь внимание читателей затем, чтобы возвысить их дух, привить культ собственного, латиноамериканского – в противовес европоцентризму и рутинной традиции, господствующих в умах. Руководитель "Revista Venezolana" решительно отверг традиционную модель литературного журнала, распространенную в испаноговорящих странах континента. Журнал объявлялся некоторыми читателями лишенным приятности, развлекательного разнообразия. Марти парировал, заявив, что "издание такого рода не мыслят без обязательного вороха сказочек Андерсена, без литературных подражаний и переводных романов, без напыщенных сочинений, без бредовых и хрупких фантазий воображения, – то есть без всей этой вялой и бормочущей литературы..." Выступая против преклонения перед иностранной посредственной литературой, Марти в то же время подтвердил, что журнал будет рецензировать в краткой форме "великие книги, публикующиеся в любой части мира" [3, 210].

После появления первых отзывов на выход нового журнала Марти уточнил предназначение издания: новый журнал должен был "дать простор всякой литературной работе, имеющей отчетливую, прямую и благотворную связь с венесуэльской историей, поэзией, искусством, обычаями, семейными родами, традициями, земледелием, торговлей и промышленностью" [3, 210-211]. Так руководитель журнала подчеркнуто декларировал привязку содержания журнала к проблемам Венесуэлы. Этого требовали обстоятельства, поскольку издательская инициатива Марти была подвергнута критике в ряде столичных изданий как попытка иностранца вмешаться во внутренние дела венесуэльцев. Отвечая на эти обвинения, Марти заметил: "Кто говорит "Венесуэла", тот говорит "Америка". Одними и теми же бедами они страдают, от одних и тех же плодов вкушают" [3, 210-211].

Публицист подтвердил, что журнал "Revista Venezolana" создан не для того, чтобы выпускать в свет чисто литературные произведения, и не для того, чтобы заполнять свои номера различными работами, не согласующимися одна с другой, "без четкого плана, без определенной связи, без ясно обозначенного патриотического направления." Создатель "Revista Venezolana" высказывался за журнал с хорошо продуманной и сбалансированной внутренней организацией материала, включающего не только беллетристику, но и другие произведения, отвечающие программе издания. Методом отражения действительности в этом издании было провозглашено исследование [3, 212].

Марти выступил на страницах "Revista Venezolana" за обновление лексикона и стиля латиноамериканской прессы, призвав "говорить о вещах на свойственном им языке": "негоже живописать небо Египта лондонскими кистями, а юношескую зелень наших равнин – бледной зеленью Аркадии или же угрюмой краской Рейна". Он призвал не только пользоваться богатством старого испанского словаря, но и "излагать новые идеи новыми словами" [3, 210-211].

На страницах журнала появились публицистические работы Марти, отражавшие его просветительские воззрения, в частности, очерк о венесуэльском просветителе Сесилио Акосте, рецензии на произведения литературы Венесуэлы. Однако недолгая жизнь "Revista Venezolana" не позволило издателю осуществить на практике задуманную им концепцию общественного и литературно-художественного журнала, содействующего духовному обновлению и просвещению "нашей Америки".

"La América" – "межамериканский журнал". Издание с таким названием было основано в 1882 г. в Нью-Йорке группой латиноамериканских эмигрантов как "ежемесячное издание, посвященное развитию сельского хозяйства, индустрии и торговли в испаноамериканских странах". Журнал распространялся как среди латиноамериканцев, проживавших в Соединенных Штатах, так и в странах Центральной и Южной Америки.

В мартовском номере за 1883 г. в списке сотрудников журнала появилось имя Хосе Марти. Уже в июньском номере журнала было указано, что Марти является главным редактором "La América". В январе 1884 г., после смены владельцев, "La América" стал именоваться "ежемесячным журналом индустрии, торговли, сельского хозяйства и общих испаноамериканских интересов". Издание перешло в руки компании "La America Publishing Co" во главе с Р. Фарресом. На посту главного редактора по-прежнему оставался Хосе Марти.

Владельцы компании поставили перед руководителем журнала задачу реорганизовать издание. Основные направления реорганизации были изложены в статье Марти "Намерения журнала "La América" при новых владельцах", опубликованной в январском номере за 1884 г. "С этого номера "La América" попадает в хорошие руки и вступает в новый период деятельности," – писал Марти. Новое сообщество издателей решило превратить журнал, представлявший собой, по словам Марти, "эмбриональное предприятие", "очень далекое от того, каким его хотели бы видеть издатели и читатели", в "заслуживающего доверия помощника производственников Северной Америки и покупателей Южной Америки", "пристального наблюдателя важных, растущих интересов Латинской Америки в Америке Саксонской" [4, 265-274].

Марти полагал, что журнал будет способствовать более обстоятельному и полному информированию, взаимоознакомлению двух Америк благодаря освещению экономических отношений и культуры этих частей американского континента, столь различных по историческим традициям и менталитету населения. Свой континентальный характер журнал обязан был подтверждать не столько освещением официальной стороны отношений между двумя Америками и экономических и организационно-технических аспектов межамериканских связей, сколько вниманием к гуманитарному фактору этих отношений. Преобразованный журнал должен был стать печатным органом, предназначенным разъяснять латиноамериканцам образ мыслей и действий, преобладающий в Соединенных Штатах, знакомить их с новостями науки и техники, давать ответы на все важные вопросы, возникающие у читателей из испаноговорящих стран континента в связи с Соединенными Штатами, а также знакомить североамериканцев с малоизветстными реалиями Латинской Америки, с ее природными богатствами и экономическим потенциалом, историей и культурой населяющих ее народов. Таким образом, журнал "La América" должен был служить, по замыслу Марти, задачам представления и обсуждения "интересов и мыслей двух Америк" в соответствии с объективными потребностями развития межамериканских отношений. В течение многих десятилетий латиноамериканские страны были ориентированы в своих коммерческих и культурных связях на Европу. В последней трети XIX в. роль Соединенных Штатов как экономического партнера латиноамериканских государств быстро возрастала, и новому состоянию торговых отношений должен был соответствовать более высокий уровень взаимной информированности и взаимопонимания, необходимых для стабильного, поступательного развития партнерских отношений и для их распространения на новые области. Немаловажным оставался вопрос о том, будут ли справедливыми и равноправными развивающие отношения двух Америк. Предостерегая в связи с этим против чрезмерного оптимизма, Марти отметил, что "в неизбежном сближении двух частей американского континента есть польза, но есть и опасность" [4, 265-274].

Марти заметил, что сложившиеся ранее характеристики журнала не позволили бы выполнить эти задачи. Он отверг предложения создать чисто литературный печатный орган, аргументируя отказ тем, что сложное, противоречивое время требует рассмотрения жизненно важных, актуальных вопросов:"весь мир сегодня – это один огромный вопрос". Публицист упомянул и о других предложениях – превратить "La América" в солидный орган печати, освещающий и разъясняющий фундаментальные проблемы Латинской Америки и предлагающий их решение. Однако он признавал, что в сложившихся условиях деятельность журнала будет представлять собой не более чем подготовку к тому, чтобы усилить ха-

рактеристики "La América" как серьезного органа индустрии, торговли и не утратить при этом доступную манеру изложения и практическую направленность "полезного" журнала.

Марти акцентировал популяризаторскую, просветительскую направленность журнала, объясняя это тем, что страны Центральной и Южной Америки, нуждающиеся в более совершенных и продуктивных, научно обоснованных методах производства, испытывающие недостаток в современных орудий труда, должны узнать "каковы они, и сколько стоят, и сколько труда сберегают, и где продаются..." Журнал должен был восполнить этот дефицит знаний, выступая своего рода посредником между североамериканскими производителями и поставщиками оборудования, технологий и их латиноамериканскими потребителями, рассказывая о "полезных и эффективных" машинах и материалах, способах производства, описывая их качества и рациональное применение. Руководитель журнала считал одним из значимых направлений деятельности в этой области рецензирование новейшей североамериканской технической и сельскохозяйственной литературы [4, 265-274]. .

Программа журнала "La América", заявленная его руководителем в номере за июнь 1883 г. и развитая в январском номере за 1884 г., получила воплощение в десятках публикаций, образующих несколько проблемно-тематических блоков. С июня 1883 г. по ноябрь 1884 г. на страницах журнала были опубликованы 64 работы Марти, относящиеся к следующим проблемно-тематическим блокам:

– образование и профессиональная подготовка;
– сельское хозяйство;
– экспортные возможности стран Латинской Америки, межамериканская
– торговля;
– индейская проблема в Латинской Америке;
– литература и культура народов "нашей Америки";
– литература и культура Соединенных Штатов;
– европейская литература и культура;
– эмиграция на американский континент;
– новости науки и техники, включая рецензии на научные, научно-технические и научно-популярные издания и публикации в периодике.

Наиболее значительными и глубокими по содержанию являлись принадлежащие перу Марти публикации по вопросам образования и профессиональной подготовки. По мысли Марти, одной из основных причин экономической отсталости латиноамериканских стран была устаревшая, элитарная и схоластическая система образования, препятствующая развитию прикладных наук, техническому прогрессу, не обеспечивающая широкого распространения в обществе научных и профессиональных знаний. В связи с этим реформа системы образования представлялась ему первым, исключительно важным условием преодоления отсталости. Основные идеи относительно содержания и путей проведения такой реформы были изложены в серии работ Марти, появившихся на страницах журнала в период с августа 1883 г. по май 1884 г.

В статье "Учиться на фермах", открывающей эту серию публикаций, публицист призвал наладить практическое обучение работников аграрного сектора методам высокопроизводительного труда, эффективного использования техники и орудий производства, чтобы преодолеть неестественное состояние, когда "плодороднейшие земли, с их богатством культивируемых растений, приносят мало плодов – гораздо меньше, чем могли бы, из-за рутинных и устаревших систем их возделывания, применяемых в наших странах, и по причине использования архаичных орудий труда" [5, 275-276]. Марти доказывал, что латиноамериканские государства не только способны в изобилии снабжать себя аграрными продуктами, но и производить их на экспорт, умножая национальные богатства и создавая материальную основу для технического обновления сельского хозяйства за счет импорта современных орудий труда из США и других развитых стран.

Однако публицист высказал также и твердое убеждение в том, что импорт новых сельхозорудий сам по себе не решает проблему подъема аграрного сектора в Латинской Америке: необходимо правильно и эффективно применять современную технику и инструменты, при этом следует учитывать "характер" (особенности менталитета и психологии) латиноамериканцев, призванных использовать эти орудия труда. Предвосхищая исследования

социологов XX века, посвященные последствиям международных технологических трансферов, Марти выдвинул идею о том, что перенос техники и технологий из Соединенных Штатов в Латинскую Америку не может быть одномерным механистическим процессом, поскольку приобретенные в США орудия труда и технологии будут применяться в иных климатических и социокультурных условиях, а латиноамериканский работник воспитан в иных моральных и трудовых традициях, нежели работники в Соединенных Штатах. В связи с этим публицист прозорливо указал на возможность конфликта "детской цивилизации" трудящихся-латиноамериканцев и североамериканской зрелой цивилизации"[4]. Марти полагал, что при обучении латиноамериканцев передовым методам труда необходимо взять из североамериканского опыта все действительно полезное, подвергая этот опыт проверке практическим применением и отбрасывая его элементы, непродуктивные в условиях Латинской Америки.

Продолжая рассматривать в просветительском ракурсе проблему преодоления отсталости "нашей Америки", Марти доказывал на страницах журнала, что существующей в латиноамериканских странах системе образования недостает подлинной научности и практической направленности. В статье "Научное образование" он ссылался на опыт передовых стран, в частности, Англии, где хорошо поставлено профессиональное обучение. Марти высказался за преодоление влияния схоластики в системе образования, ратуя за то, чтобы преподавались подлинно научные знания, чтобы обучение было связано с жизнью, имело отчетливо выраженный практический аспект. Проблема реформирования системы образования была рассмотрена также и в других работах Марти, опубликованных в журнале: статьях "Школа механики" (сентябрь 1883 г.), "Школа электричества", "Школа искусств и ремесел" (ноябрь 1883 г.). В них был описан опыт постановки профессионального обучения в Соединенных Штатах, Европе и Никарагуа, полезный для латиноамериканских стран, где профессиональное образование находилось еще в стадии зарождения. Публицист выступал за формирование в Латинской Америке новых поколений умелых созидателей, способных к ремеслам, к высокопроизводительному труду. Особое значение он придавал воспитанию у учащихся навыков ручного труда, за соединение учебного процесса с жизнью, с потребностями социальной практики. В статье "Ручной труд в школах" (февраль 1884 г.) публицист высказался за сочетание и взаимосвязь различных элементов обучения, за организацию системного и целенаправленного образования "таким образом, чтобы одни знания дополняли другие и как бы вытекали одни из других"[5, 285-287].

Марти называл образование, систематически сочетающее в себе различные элементы – от овладения научными знаниями до ручного труда – "непосредственным и здоровым", "естественным", следуя идеям Дж. Локка и других просветителей о "естественном" воспитании личности, которое должно сочетать развитие интеллекта, духовно-эмоционального мира человека и его практических трудовых навыков в форме обучения "полезным" ремеслам. В статье "Уважение к нашей Америке", опубликованной в "La América" в августе 1883 г., Марти убеждал латиноамериканцев, что отношение к ним в мире во все большей степени зависит от успеха их созидательной деятельности в различных областях, от весомых заслуг массы созидателей: инициативных, изобретательных и умелых землепользователей, строителей железных дорог, предпринимателей, специалистов высокой квалификации, творческих работников. Если раньше для латиноамериканца мерилом успеха в жизни было участие в очередной "победоносной революции", приносящее чины и богатство, либо выгодный брак, то в новую эпоху главным качеством, ведущим к всеобщему признанию, становится плодотворная созидательная деятельность, базирующая на основательных научных и практических познаниях и умениях. Марти с удовлетворением писал, что в Латинской Америке все меньше значат "люди оружия", и все больше значения приобретают"люди мира" – творческие, целеустремленные"[6, 23].

Статьи Марти по вопросам просвещения, появившиеся на страницах журнала, отстаивали в конечном счете необходимость коренного реформирования системы образования в латиноамериканских государствах и предлагали основные направления реформ и конкретные меры, обеспечивающие обновление концепции и содержания образовательного процесса в целях расширения передачи действительных научных знаний и развития прикладного характера обучения. Марти предлагал реформу образования в просветительском духе: как путь освобождения от средневековой схоластики, выявления "естественной" чело-

веческой сущности, искажаемой ложными знаниями, всестороннего воспитания личности для полнокровной созидательной деятельности на благо общества. Ближайшей социальной целью реформирования системы образования, по мнению кубинского мыслителя, являлась подготовка латиноамериканского общества к грядущей технической модернизации сельского хозяйства и началу индустриализации. Характерной особенностью подхода публициста к преобразованиям такого рода являлось преимущественное внимание к человеческому фактору модернизации, к ее гуманитарным и культурным аспектам, обеспечивающим действительную глубину и масштабность социально-преобразующих процессов.

Созданный как "межамериканский журнал", "La América", руководимый Марти, превратился в издание, способствующее взаимному ознакомлению не только Латинской и Северной Америки, но и информационному обмену между латиноамериканскими государствами. Руководитель журнала использовал выгоды, связанные с расположением редакции в Нью-Йорке – крупнейшем центре деловой активности на континенте, куда стекались сведения о состоянии экономики и культуры латиноамериканских государств, для сбора и систематизации информации, жизненно важной для стран Южной и Центральной Америки в условиях, когда непосредственные информационные обмены между ними были развиты чрезвычайно слабо. Поскольку аудитория журнала была ограниченной (он распространялся преимущественно среди представителей дипломатических и деловых кругов латиноамериканских государств), Марти в 1880-е гг. стремился обратиться со своей просветительской программой к широкой латиноамериканской аудитории, используя одновременно возможности сотрудничества с крупными изданиями – "La Nación" (Аргентина), "El Partido Liberal" (Мексика), "La Opinión Nacional" (Венесуэла) и др.

Журнал "для детей Америки" "La Edad de Oro". Создание и содержание журнала – ещё одного из реализованных издательских проектов Марти – хорошо изучены кубинскими авторами – Х. Альмендросом и С. Ариесом и др. Представляется вполне обоснованным заключение этих авторов о том, что "La Edad de Oro" с его отчётливо выраженным развивающим, просветительским направлением был создан Марти в качестве альтернативы развлекательным, бессодержательным коммерческим журналам для детей.

Газета "Patria". Хосе Марти считал журналистику социально-мобиилизующей, организующей и консолидирующей силой. Этот подход нашел свое отражение в программе и деятельности газеты "Patria", созданной под руководством и при непосредственном участии Марти на этапе объединения сил кубинской эмиграции для пропагандистской и организационной подготовки патриотических сил к ведению антиколониальной войны на Кубе. Программа "Patria" была изложена в первом номере газеты, вышедшей в Нью-Йорке 14 марта 1892 г. В программной статье "Наши идеи", принадлежавшей перу основателя и лидера Кубинской революционной партии. "Patria" должна была стать изданием объединяющихся сил освобождения [7, 315]. Марти осознавал, что "Patria" сможет выполнить свою консолидирующую роль лишь в том случае, если будет способна объективно освещать и анализировать общую обстановку, включая развитие взаимодействия всех здоровых патриотических сил, подвергать глубокому рассмотрению и критике возникающие в их рядах противоречия и конфликты. Поставив перед газетой задачу "сплотить живые, лучшие силы страны", создатель "Patria" считал необходимым использовать ее для того, чтобы изучать и разъяснять как объединительные, так и центробежные тенденции в рядах освободительных сил, "с тем, чтобы знание наших недостатков, ошибок и угрожающих нам опасностей подкрепило дело, для которого недостает одной только романтической и нецеленаправленной патриотической веры" [7, 315].. 51

В этом же номере газеты публицист обосновывал идею, что курс на объединение, консолидацию всех здоровых патриотических сил страны не является тактическим временным шагом, неизбежным на этом этапе борьбы за независимость Кубы, поскольку рассчитан на историческую перспективу. Публицист, считавший, что политика – это не столько искусство побеждать противников, сколько "искусство делать людей счастливыми", мечтал о создании на Кубе "республики всех и для общего блага ", "справедливости для всех".

Этот социально-политический идеал, имеющий отчётливые черты гуманистической, просветительской утопии, не мыслился без единения всех здоровых сил кубинского общества, способных к совместному созидательному труду на благо родины, независимо от идей-

ных, расовых, имущественных и иных различий. Марти не рассматривал политические союзы, возникающие в ходе освободительной борьбы, как нечто преходящее. Определяя политику как "изучение различных методов совместного проживания отличающихся друг от друга людей", Марти полагал, что политические союзы патриотических сил должны привести в конечном счете к установлению на освобожденной Кубе политической системы, объединяющей, а не разделяющей кубинцев. Он отвергал в принципе коварную политическую игру с временными союзниками, которые на следующем этапе развития политических событий были бы отброшены за ненадобностью. Именно поэтому при характеристике программы газеты "Patria" Хосе Марти писал, что она будет освещать общественную жизнь и бедных, и богатых кубинцев, чтобы "на её страницах была видна вся сила страны" [7, 324].

Деятельность газеты "Patria" в целях консолидации и организации патриотических сил на борьбу за освобождение Кубы во многом способствовала развитию объединительных тенденций в рядах кубинских патриотов, совместным действиям представителей различных социальных классов и групп, политических направлений – то есть реализации "чуда союза", созданного Марти. Но в дальнейшем, уже после гибели Хосе Марти на поле боя в 1895 г., последовало размежевание освободительных сил, подтвердившее утопичность надежд на единство кубинцев и создание «республики для всех».

Отношение Марти к рыночно ориентированной журналистике. Кубинский публицист, волей судьбы ставший летописцем Соединенных Штатов восьмидесятых годов XIX века, неоднократно наблюдал реакцию прессы на различные конфликтные ситуации в североамериканском обществе, в частности, на частые в тот период острые конфликты между трудом и капиталом. Проницательный наблюдатель, Марти не мог не отметить, что рыночно ориентированная пресса, охватывающая массовую читательскую аудиторию и декларирующая свое служение обществу, на деле стоит на стороне экономически и политически могущественного меньшинства и весьма пристрастна в вопросах, затрагивающих сохранение его могущества. Такой подход к освещению острейших социальных проблем не мог устраивать Марти, считавшего, что печать должна служить всему обществу, а не отдельным его представителям или социальным группам. В частности, публицист был возмущен реакцией крупнейших американских газет "Herald" и "Tribune", которые выступили с нападками и несправедливыми обвинениями в адрес рабочих-стачечников, отстаивающих свои элементарные человеческие права в конфликте с работодателями. "Печать, на которую наложили руку богатые, за редким исключением, защищает богатых. Голодающий бедняк не имеет сочувствия",- к такому выводу после почти десятилетнего наблюдения за деятельностью рыночно ориентированной прессы США приходит Марти в хронике "Балы, политика и забастовки", опубликованной в аргентинской газете "La Nación" 30 марта 1889 г. [8, 145]

От внимания публициста не укрылось отсутствие реального интереса прессы, подчиненной экономическим императивам, к жизни трудового человека – будь он рабочим или предпринимателем, или же представителем иной социальной группы, как и действительного интереса к производственной сфере жизни общества, к области материального и духовного творчества. Массовые издания проявляют интерес к производству лишь изредка – тогда, когда в поле их зрения попадают разного рода курьезные факты, способные позабавить публику. В целом же на страницах газет "не видно фабрик, но есть салоны, нет коммерсантов, но есть люди от литературы; нет ропщущих бедняков, нет заводских работников" [9, 430].

Публицист с гневным осуждением отзывался о такой черте рыночно ориентированной прессы, как стремление постоянно следовать за массой, потакать невежеству и самым примитивным инстинктам публики в надежде добиться высокой прибыльности газетного или журнального предприятия. Публицист писал в хронике "Нью-Йорк во власти шутов": "Иногда больно бывает смотреть, как обхаживают эти газеты толпу – льстят ей, опускаются до её низкого культурного уровня, подлаживаясь под неё для того, чтобы соответствовать самым вульгарным и скотским вкусам..." [10, 41] .

Практика коммерческих изданий в корне противоречила гуманистическим, просветительским взглядам Марти на роль печати как ак-тивного социального воспитателя, развивающего разум и чувства читателей, вооружающего их объективными знаниями о действительности, способствующего духовному возвышению масс. По мнению кубинского публициста, совершенно недопустимо сознательное культивирование печатью низменных животных проявлений человеческой натуры. В хронике "Призовой бокс" Марти писал: "Мы ужасаемся

– словно встретив Каина на улицах современного города – когда искусство и печать пресмыкаются у ног человека-зверя" [11, 255]. Он был возмущен тем, что массовые издания славили известных своей жестокостью, хвастливых и циничных боксеров-профессионалов, изображая их как великих людей или высших существ.

По мнению кубинского публициста, ориентированным на коммерческий успех изданиям и их журналистам не хватало "бескорыстия, которого недостает также всей нации; человеческого тепла, которое состоит в том, чтобы видеть себя одновременно и отдельным человеком и частью мира – а не быть над ним, как будто ты ему ничего не должен, и не смотреть на него только как на источник новостей". Марти полагал, что материалам массовой прессы недостает достоинства – "скрытой силы, происходящей от мужества и честности пищущего – достоинства, не исключающего ни уважения к людям, ни неизбежных в жизни уступок..." [12].

Неприятие публицистом рыночно ориентированной прессы происходило от несоответствия её реальной общественной роли и практической деятельности гуманистическим просветительским идеалам Марти, его пониманию социального предназначения периодической печати как силы, способствующей просвещению и духовному возвышению людей, созданию условий для преобразования общества на основах разумности и равенства. Гуманистическая просветительская трактовка социальной роли прессы определила негативное отношение Марти к сенсационности коммерческой журналистике. Сенсационность рассматривалась им как проявление развлекательности, а преимущественное внимание к событиям, способным вызвать эффект сенсации – как односторонний селективный подход к освещению действительности, неспособный обеспечить воспроизведение прессой наиболее существенных и социально значимых явлений и процессов (отсюда – упрёки Марти в адрес «коммерческой прессы», которая "не отражает всё, что должно").

Хосе Марти выступил как один из первых в истории критиков массовой рыночно ориентированной журналистики,. Публицист осудил «коммерческую прессу» за отсутствие реального интереса к сфере трудового и духовного творчества человека, за поощрение "человека-зверя", вызванное стремлением подстроиться под настроения толпы в погоне за экономическим успехом, а также за уход от реальной развивающей содержательной нагрузки публикаций в результате фактического уклонения от исполнения социально-просветительской роли.

Список литературы

1. Martí, J. "Revista Guatemalteca". //OC, T.7.
2. Martí, J. Propósitos. //OC, T. 7.
3. Martí, J. Los propósitos de "La América" bajo sus nuevos propietarios. //OC, T.8.
4. Martí, J. Aprender a las haciendas. //OC, T.8.
5. Martí, J. Trabajo manual en las escuelas. //OC, T.8.
6. Martí, J. Respeto a nuestra América. //OC, T. 8, P. 23.
7. Martí, J. Nuestras ideas. //OC, T.1.
8. Martí, J. Bailes, política y huelgas. //OC, T.12
9. Martí, J. Repertorios, revistas y mensuarios literarios y científicos de Nueva York.//OC, T.13. P. 430.
10. Martí, J. Nueva York en manos de rufianes.//OC, T. 10.
11. Martí, J. Pugilato-Sullivan contra Kilrain.// OC, T.12
12. Martí, J. Correspondencia particular de "El Partido Liberal" "Jonathan y su continente" //OC, T.8.

JOSE MARTI'S CONCEPTION OF JOURNALISM

A.P. Korochensky

Belgorod State University

e-mail: korochensky@bsu.edu.ru

In the article was analyzed the conception of journalism generated by famous Cuban journalist and poet Jose Marti (1853-1895), its relationships with the ideology of Enlightenment.

Key words: journalism, Enlightenment, liberalism, Latin America, USA.

УДК 351(498):070

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО: ОТ ИНСТРУМЕНТА ДАВЛЕНИЯ ДО ФАКТОРА СТАБИЛЬНОСТИ МЕДИАСИСТЕМЫ РУМЫНИИ

Р.-Н. Раду

Бухарестский университет, Румыния

e-mail:
rraluca@hotmail.com
radu.raluca@unibuc.ro

До событий 1989 г. вся культурная индустрия в Румынии рассматривалась как инструмент политической пропаганды. Журналистская деятельность субсидировалась государством, частная инициатива была под запретом. Последующие перемены в политической, экономической и социальной сферах сопровождались изменениями в регулировании средствами массовой информации, которые анализируются в данной статье.

Эволюция регулирования представляла собой как результат внешнего давления (со стороны иностранных правительств и таких международных структур, как НАТО и ЕС), так и рыночных факторов. В течение двух десятилетий правовое регулирование румынской медиаиндустрии прошло путь от тоталитарного к демократическому.

Ключевые слова: право, институты, журналистика, Румыния.

In a book-long review of the literature on institutions, Richard Scott (2004) identifies three pillars of an institutional development: the regulative pillar (based on laws, regulations and enforcing systems), the normative pillar (based on binding expectations that may take the form of a code of ethics) and the cultural-cognitive pillar (based on shared beliefs). The transition from an authoritarian regime to a democratic regime has effects on all institutional pillars: regulative, normative and cultural-cognitive. In Romania, the transition to a democratic regime and a market economy destroyed the party-state centered institution and allowed for the appearance of several other institutions that replace it: mass-media, the political parties, the parliament, the government, the presidency and so on. Institution is defined here as a stable social construct, based on conventions negotiated by social actors that cooperate due to a shared understanding of the value they collectively produce (Scott, 2004; Douglas, 2002; Becker, 2008). The analysis of the development of journalism in Romania after the fall of Communism, with a focus on the regulative pillar and on the connections with the other institutional pillars, can shed a light on the institutionalization process and on the factors involved.

There is an abundant literature on the transition from communism to capitalism and this literature follows two main logics (Blooker, 2005; see also Stark, 1996; Eyal, Szelényi and Townsley, 2001): modernist transitology or evolutionist theory, that proposes the model of capitalism by design, and historicist transitology, that proposes the model of various trajectories from past to present, based on historical legacies. The evolutionist theory implies that once the main institutional designs are in place, the former communist societies' members will fill the empty forms and the community will evolve as envisioned by reformists. Thus, the right design leads to the right forms of democracy and market economy.

The historicist models focuses on a recombination of institutional elements, not on a replacement; this recombination is a consequence of a continuous struggle for the dominant position (Eyal, Szelényi and Townsley, 2001) or of a highly unpredictable environment (Stark, 1996). Other institutionalists, like Richard Scott (2004) or Mary Douglas (2002), share a similar vision about changes at institutional level.

Individuals and organizations obey institutional pressure or, on the contrary, try to change them, because of several causes: centuries-long programming (Vanberg, 2002, talking of running from danger), coercive isomorphism – based on political influence and the problem of legitimacy, mimetic isomorphism – based on standard responses to uncertainty, and normative isomorphism – related to professionalization (DiMaggio and Powell, 1983, about highly structured organizational fields), vision of the future (Blooker, 2005, when talking about modernizing agents), agendas and interests (Milton, 2001, when talking of politicians), willingness and ability of organization to conform (Oliver, 1991). Some of the inventions at institutional level are accepted and repeated, this is, institutionalized, some are considered dangerous and are repealed. In an effort to prevent dangerous acts, societies may decide to forbid them through laws (Miroiu and Blebea, 2001).

Usually, laws that influence the journalistic practice are considered an indicator of the degree of democratic development in a country (Gross, 2004; Coman, 2003; Milton, 2001). The legis-

lative process is, in itself, influenced by the social actors: the form a law takes and the effects a law has are dependent on the different social actors' will and power. During an authoritarian regime, the power rests in the hands of a limited number of people and laws serve this limited number of people's interests. In contrast, during a democratic regime, laws can be influenced by stakeholders, so that their interests are more or less protected. Thus, says Khodyakov (2007), during an authoritarian regime citizens don't trust institutions. Trust in institutions relates to the ability of fulfilling institutional functions, their perceived legitimacy and the efficacy with which the institution forbids their agents from cheating, through norms and regulations. Institutions work because an encapsulated interest (Hardin, 1991): the social actors learn not to break confidence entrusted with them and respect the interests of others, in order to fulfill their own interests. Khodyakov and Hardin's views about institutional creation, based on interest preserving and trust, are in contrast with Richard Scott's view. Scott (2004) says that there are sets of institutional inventions that are promoted, as good practice, by professional associations, by foundations, by schools and by consultancy firms, *regardless* the wants or the needs of local actors. Capitalism-by-design can be seen be, in this regard, an enforced set of institutional rules on developing countries that might or might not need it.

This paper will explained what happened during the transitional period from Communism to democracy in Romanian media and will identify the factors that influenced the changes, at structural level. The focus of the paper is the regulative pillar for journalism, but the changes at normative and at cultural-cognitive level are of major importance, also. In Romania, the changes in the regulative pillar show that the institutional creation was based on a transition from a society where rules where enforced brutally on the population, in order that the interests of a ruling few to be fulfilled, to a society where rules are negotiated among social actors with balancing powers. The evolutions at the regulatory level, in Romania, were the results of several actors acting in the same time: external pressures (both governmental and business), Romanian public, non-governmental organizations, journalists, academia and politicians, because of a shared vision about Romania, as a democratic state with a market economy.

Hard new beginnings

Before 1989, the totalitarian state imposed, through brutal repression, the Communist party as the main institution. Private ownership is forbidden by law (the 1952 Constitution) and also by law (3/1974) the journalist is identified as a Party activist. Thus, the party controls the information, the media, the state. Towards the end of the Communist era, even if in most of the East European countries there was a time of perestroika and of glasnost, Romania remained an enclave of strict totalitarian regime. There was no alternative press, besides dedicated radio programs transmitted from abroad, like Radio Free Europe, and no traveling possibilities outside Romania. There were not even news about perestroika and glasnost in the national or local Romanian press (Gross, 1996). The economic situation of Romania was worst than the rest of the region, as Ceauşescu decided to pay back the foreign debt of Romanian and the communist economy was not capable of sustaining both this repayment and the internal consume. The Communist regime was changed in December 1989 during a citizens' revolt in the streets that ended in a blood bath in several cities.

The second day after the Communist president fled Bucharest (on Dec. 22, 1989), journalists admitted publicly they were part of the Communist propaganda system. Former second rang leaders of the Communist party formed a new structure, the Front of the National Salvation (FSN). Among the first decrees of the new structure, there are several related to abolishing death penalty (Ceauşescu was executed, alongside his wife), passports and private investments. Historical parties and new founded ones appear on the political scene. At the beginning of 1990s, privately funded newspapers and radio stations, at national and local levels, and TV stations, at local level, appear. At regulatory level, the future media institution receives a solid base due to the 1991 Romanian Constitution[1] (www.cdep.ro). Article 30 forbids any kind of censorship and any cancellation of publications and indicates that the freedom of the press implies also the freedom to launch publications. Thus, formally, Romania could be considered a newly-born democracy with a newly-created market economy.

[1] The Constitution was revised in 2003, to include changes required during the Romanian accession to the EU process.

The reality is different. At the first elections, in May 1990, Ion Iliescu won 85% of the votes (*Statistica electorală*, www.insse.ro, accessed 25 March 2008). The majority of the written press, alongside public radio and television channels, sustained FNS. In the period January 1990 – September 1991, the opponents of the then ruling party are violently repressed by mine workers brought to Bucharest to "protect democracy" (Gheorghe and Huminic, 1999). In September 1991, these mine workers manage to overthrow the prime-minister, to protect president Iliescu.

Because independent press is considered a guaranty of further democratization of the country, external political forces contribute financially and politically, through negotiations with the Romanian president, in creating the conditions for a plurality of voices on the media scene. The daily *România liberă* receives, through the American embassy, its own typography, so that the dependency on the state's typography is ended. After negotiations done by the American Embassy, SOTI, the first independent television in Bucharest, may air on one of the public television's channels, during night time, from December 1991 on (Gross, 1995). These two voices, along with the party press and with some other privately funded publications will sustain political opposition, creating the premises for a public debate.

From 1992 on, official steps are taken in the direction of Romanian' accession to the European Union (EU) and to the North Atlantic Treaty Organization (NATO). In 1994 the first agreement with International Monetary Fund is signed (www.mae.ro, accessed March 25, 2008; *Capital*, Dec. 13, 2007). Due to the political pressure and the logistic and economic help from these international organizations, the reinstitutionalisation process evolves slowly in Romania, toward a democratic state and a market economy. The first change of the political parties in power takes place in 1996. In 2002 private capital becomes more important, in percentages, than the state's capital. Romania will join NATO in 2004 and EU in 2007. The accession process includes the adoption of the acquis communautaire, the European body of legislation, and the adoption of several laws regarding the army and the protection of military secrets. The external support, American or European, takes also the form of professionalisation programs (like USAID and PHARE) for the relevant social actors: journalists, media managers, NGO representatives in the area of human rights, journalism professors, and governmental institutions' representatives. There are both training programs and funds for the financial support of the programs proposed by these stakeholders.

The rapid professionalisation is a consequence of pressures from foreign governs and NGOs, but also from the foreign investors that enter the Romanian media market and impose the conventions and the instruments of a free market. Mass-media becomes gradually, from a part of the propaganda system in an institution created around the party-state, an institution on its own right, thanks to a gradual replacement of the state with the market, as the reference element.

Freedom of expression and freedom of information

Sustained by a gradual liberalization of the market and by a large public, avid for information, the media products rise steadily in number and the journalistic world around them starts to develop. Even if the state controls paper production, typographies and distribution, the profits in the first years of 1990s are high, of 300 and 400 per cent (Petcu, 2000, apud Coman, 2003). The public sustains and trusts the journalists and the journalists are encouraged to keep and develop the media organizations they are part of. In 1992, the Swiss media trust, Ringier, enters Romania – it is among the first foreign companies to enter the new media market.

The Communist Press Law of 1974 was abrogated by Government's Urgency Ordinance no. 53/2000, with the exception of the articles that refer to the right to reply and to internal publications. The 2000 Ordinance will be abrogated, on its turn, in 2001 (spete.avocatura.com; www.cdep.ro; anaf.mfinante.ro, accessed April 2, 2008). A new press law was never instituted, due to the constant refusal of journalists and of human rights non-governmental organizations that fear the possibility of the politicians to create a law in their advantage, and in the disadvantage of citizens or journalists. But, due to the abrogation of the ordinance that abrogates the Communist press law, one can say that in Romania the 3/1974 law, that says that the journalist is a Party activist, is still functioning. Nevertheless, in 2007, the members of the Constitutional Court considered that, through the elimination of some articles of the Penal Code, regarding the freedom of expression, a legislative void is created (*Decizia Nr.62 din 18 ianuarie 2007*, www.ccr.ro, accessed April 2, 2008), thus that the 1974 Press law is to be considered abrogated.

The limits of the freedom of expression are, for all citizens, through Constitution, the private life, the person's dignity, country and nation's defamation, the incitement to aggression war, to national, racial, class or religious hate, the incitement to discrimination, to territorial separatism or to public violence and the obscene acts. The law that stipulates clearly how the abuses are to be punished in the area of freedom of expression, not only for the media, but also for the citizens, is the Penal Code of 1968, republished in 1997 and modified, for the articles that are related to opinion crimes, in 2002, 2005, 2006 and 2007.

Thus, the Article 168[1] of the Penal Code indicates that there should be a jail punishment for the communication of false information, if the information endangers the state. Article 205 punishes insult, understood as a crime against the honor or the reputation of a person, even if it is done through real information that is not of public interest. Article 206 is related to defamation, as the public exposure, through any means, of facts referring to a person that, if true, would expose the person to a penal, administrative or disciplinary sanction, or to public disgrace. Article 236 sanctions the offence against the Romanian official signs, and 236[1] sanctions public defamatory manifestations against the country or the Romanian nation, 238, the offence against authorities, and 239, the outrage, this is the insult, the defamation or the threat against a public functionary while he is performing a public duty.

These articles of the Penal Code were often used by public figures in order to restraint the journalistic freedom of expression. The first sanction for defamation was pronounced in 1994 (Petcu, 2005b). During the period 1997-2001, the central daily *Evenimentul Zilei* was involved in 318 law suits, *Ziua,* in 300, and *Adevărul*, in 60 (Coman, 2003, p. 57). The corruption cases, exposed by journalists, that lead to the law suits for insult and defamation, and the cases of famous journalists, that appeared in front of the judges because of these accusations, make out of the eliminations of these crimes off the Penal Code one of the key points of the journalistic pressure on the legislative, executive and judicial powers. The representatives of the media were helped by non-governmental organizations, financed often by foreign public funds (either the government of the United States of America, or European governments and the European Union, through enlargement programs). In 2002, due to intense pressures from journalists, from Romanian and foreign non-governmental organizations and even from the diplomatic missions in Bucharest, the Penal Code was modified, through the abrogation of the Article 238 (offence against authorities). In 2002, 2005 and 2006 the articles related to insult, defamation and outrage are changed: first, the punishment is changed from jail to fine; afterwards the articles related to opinion crimes are eliminated from the Penal Code. One year later, the Constitutional Court decides that the abrogation was unconstitutional.

Even if the insult and the defamation were reintroduced in the Penal Code, their power was greatly lessen, because in 2007 journalism already had stronger cultural-cognitive bases, the social actors were more professional and the law suit was no longer the favorite weapon of the politicians. Thus, the insult, the defamation and the outrage become, from pressure instruments used by politicians against journalists, regulative instruments, through which the state insures the social actors, part of the journalistic world that journalists are, do not to abuse their position.

A famous case will help the transition of avoiding insult and defamation from the area of the regulative pillar (I am careful with what I say in order to avoid a penal punishment) to the one of the normative pillar (I am careful with what I say because this is the moral thing to do). Ion Cristoiu lost two civil suits for defamation, in front of two other journalists, Gabriela Adameşteanu (the *22* weekly) and Christian Mititelu (radio BBC, at that date), for two editorials written in 2000. The cases became known because for the law suit with Gabriela Adameşteanu, the moral damages were paid due to a public subscription, and for the law suit with Mititelu, the moral damages were still not paid for in 2008 and Cristoiu was facing a forced execution (Scânteie, 2008; Antoniu, 2008). On the other hand, avoiding insult and defamation becomes, in time, a sign of the professionalisation of the Romanian journalists. This process is facilitated by the decrease in importance of opinion, as compared with information, in the Romanian journalistic products. Some of the opinion materials are cautiously identified as pamphlets, after other law suits indicated this as a good solution. In some of these law suits the extreme right leader of the Greater Romania Party, Corneliu Vadim Tudor, was involved.

The laws that restrict the circulation of information have Western examples: the 82/2002 law regarding classified information (that replaces the 1971 regulations), the 46/2000 law, regarding the rights of the patient and the confidentiality of the information related to his health, the 196/2003 law, regarding the prevention of and the fighting against pornography (that admits, as exceptions, materials created with artistic, scientific, research, educational or informational purposes) and the 137/2000 ordinance regarding the prevention of and the fighting against all forms of discrimination (www.cdep.ro).

Article 31 of the Constitution, about the citizen's right to be informed, is talking not only about the journalists' obligation to provide correct information (paragraph 4) but also about the obligation of the holders of public interest information to make it public (paragraph 2). This obligation will take the legislative form in 2001. By the 544/ 2001 law, the Parliament will force the professionalisation of some of the social actors with a decisive role in the journalistic world, namely the sources in the central and local administrations: publicly funded organizations are obliged to have a spokesperson, to organize periodically press conferences and to publish periodically information referring to their activity (www.cdep.ro).

Media as business

As compared to print, radio and television stations function, from 1992 on, based on a licensing process administrated by the National Audiovisual Council (CNA). The license can be suppressed by CNA, the Audiovisual Law[1] stipulates, for repeated cases of law breaking, or can be lost, if the station ceases to air its program. One of the cases CNA used the right to suppress a license is that of OTV, in 2002, for hate speech against ethnic minorities (*INFO media. Suspendarea licenței OTV*, undated).

Following the new Constitution, media companies can be financed both by the state and by private persons or private companies. By law, the 1991 Constitution stipulates, media companies can be obligated to make their financing sources public: from 2004 on, the National Audiovisual Council imposed transparency on AV stations.

For all state funded media companies there are special sets of laws[2], through which the state officially protects the interests of some of the social actors with the smallest negotiating power – the general public. In the case of the public TV and radio stations (financially sustained by the public budget and by compulsory fees), in the case of the national press agency (financially sustained by the public budget), and in the case of other AV companies (that function based on a license), the regulations ask explicitly the journalists to offer correct, undiscriminating, verified information. The publicly supported media organizations have to provide general interest information with no influences, be them political, economic or of any other kind. This is an area where the citizens' right to be informed interferes with the politicians' interests: the election of the members in the management of the publicly funded media companies is done politically, the members of the board of trustees of the public radio and television are named by the political parties and the National Audiovisual Council has members that represent the political parties, named by the Parliament, the Government and the Presidency. Thus, the independence of these organizations is also depending on the political will of the parties, even 20 years after 1989. Tudor Giurgiu, the last but one president – CEO of the public television, even said that the administrative reform of the public television can be done only if there is political support (Hritcu, 2008).

At a decade after the 1989 events, the Romanian legislation starts to incorporate rules that acknowledge and protect the working conventions inside the journalistic professional world. It is the case of the Freedom of Information Law and also the case of the legislation that is concerned with the transparency for advertising funded out of the public purse. In 2005, due to the pressure of NGOs (The Romanian Academic Society, The Press Monitoring Agency and the Center for Independent Journalism) and to several press campaigns (for example, the weekly *Capital* or the daily *Evenimentul zilei*), the Government decided to modify the 2001 urgency ordinance regarding the public acquisitions, to include advertising from public funds. Several journalistic materials proved

[1] The Audiovisual Law of 1992 was replaced by the 504/2002 Law.

[2] The 41/1994 Law, regarding the organization and the functioning of the Romanian Radio and of the Romanian Television Societies and the 472/1992 Government's decision regarding the organization and the functioning of the National Press Agency, Rompres, modified in 1994, 1998, 2001 and finally replaced by the 19/2003 Law.

that media organizations at local and national level were sustained by public funds, in exchange for a favorable attitude towards politicians in power, even if the audiences did not justified the advertising contracts they had during the Social Democratic Party's government, 2000-2004. Thus, the legislators forbade in 2005 a cheating process inside the journalistic professional world, with at least two sets of victims: the tax payers, of whose money media organizations selected on political criteria were supported, and the publics, that were deprived of relevant information and were manipulated the way the sources demanded.

The existence of other regulations demonstrates the journalists' negotiating power with the politicians, during the institutionalization process of the two. The politicians needed media support in order to gain legitimacy in the citizens' eyes and offered in exchange a milder fiscal and economic environment for media companies.

Media organizations took advantage repeatedly of the help of the government, at administrative level. Initially, the paper, the printing and the distribution services for the printed press were offered by state companies. For the printed press, the state, as service provider, was beneficial, on the one hand, due to reduced costs, and less beneficial, on the other, because thus the newsrooms could be controlled economically (Obae, November 22, 2007). In addition, during the 1990s, the print, the radio and the TV stations did not pay any value added tax, and afterwards the VAT was paid at a reduced rate, as compared with other commercial organizations. Regarding the income of the employees, the journalists took advantage of the legislation regarding author's rights (8/1996), that excepts authors and their heirs from paying social contributions. In time, different media associations, such as the Romanian Association of Audiovisual Communications or the Romanian Press Club, have coagulated the interests of the media companies or media companies' owners and have functioned as discussion partners for the state, so that a favorable legislation would be issued.

On the other hand, the state acted in order to support financially or logistically the media companies, in order to insure the plurality of voices on the public scene and the access of all citizens to relevant information. The public radio and television stations have a financial input from the state budget, along with the compulsory AV fee. There are also private media companies sustained by the public budget, of whose existence is following the logic of sustaining relevant voices on the public scene: minorities' publications or cultural publications (through the Ministry of Culture and Religious Affairs). In addition, because the National Audiovisual Council has to prevent any monopoly situation, the Audiovisual Law of 2002 introduces television audiences' constant monitoring. This will be done from 2004 on, through an association of the representatives of the television stations, of the advertising agencies and of the advertising clients, the Romanian Association for Audiences Measurement (ARMA) (www.arma.org.ro, accessed April, 3 2008).

Due to the journalists' efforts, their status got stronger, from the point of view of the regulatory pillar, starting with 2004. From this year on, there is a national labor agreement for journalists as employees, negotiated by the trade union MediaSind. The labor agreement is concentrated mainly on pecuniary rights, as at the moment of its appearance there were several journalists in Bucharest and in the local media that did not enjoy a clear employee status and did not have an insured minimum wage.

Regarding the commercial legislation or other articles of the Penal Code, relevant for the media companies, two cases show the degree in which the law imposes, inside the journalistic institution, rules that protect social actors from being deceived by other participants in this professional world. After 1989, members of some newsrooms are accused of blackmail and have to face lawsuits. Journalists and directors of the *Gazeta* trust from Cluj, for example, were arrested in 2006, for blackmailing local businessmen, in exchange for advertising contracts (Mihăşan and Pădurean, 2007).

A second case, that concerns the media organization as a commercial organization, is that of a 7 million EUR investment made by the German group Westdeutsche Allgemeine Zeitung – WAZ in the national daily *Naţional*, in 2000. WAZ wanted out from the partnership in 2004, selling back stock worth 3.5 millions to the Romanian partners and keeping the title, *Naţional*, as the contract stipulated. The German group did not receive any money from the Romanians owners. To avoid following the contract with WAZ and paying the debts to the state, Iliuţă Naghi, Gheorghe Voicu and Simona Toader, the Romanian owners of the different companies that were in business

with WAZ, changed the company that published the daily and the name of the daily, from *Naţional* in *7 Plus*, from 6 to 7 of March, in 2005 (Ionescu, 2005).

Conclusion

The Romanian legislation has gradually changed from a pressure factor in the hands of politicians into a stability factor for the institutional construct of mass-media. The legislative evolutions are the result of several factors: (1) concentrated pressures on the Romanian politicians, exercised by foreign governments; (2) the adoption of international legislation relevant for the European Union and for other international organizations; (3) the political and the economic evolution of the country; (4) cultural contamination with Western models, due to foreign investors and cultural consume; (5) rule breakers' actions, that force the clarification of rules and (6) the public's influence, through cultural consume.

The hypothesis of encapsulated interest is verified in the Romanian case. The actions of rule breakers led to the clarification of rules, because they had as effect an unwanted diminishing in the trust extended by relevant social actors. This was, for example, the case of journalists that lie, that blackmail, that use defamatory language, of media managers that cheat, of politicians that act brutally against opponents. Publics' consume contributes to the institutionalisation process for the journalistic world. After 1989, the ties between journalists and politicians are no longer considered legitimate, both by the journalists and by the public. At cultural-cognitive level, these ties have little or no legitimacy, as they are considered a Communist legacy (Coman, 2003).

The recent history of journalism in Romania shows that the evolution of the institutional pillars happens simultaneously, in the sense of the reduction of risks associated with the involvement in a professional world. The rules and the conventions that are characteristic for a Western model of journalism are not adopted just because governments and non-governmental associations, consultants or schools put pressure on the Romanian social actors, but also because they prove useful, as the professional world matures.

Politicians were forced into accepting democracy and a free market, at some points, but were also co-interested in helping democracy and the free market evolve. Moreover, it is obvious that the democratic project was accepted by politicians as the only viable project, after a period of hesitation. Thus, the Romanian legislation could be transformed, in a period shorter than two decades, from a totalitarian state's legislation, with one relevant institution, the party-state, into a democratic legislation, that guarantees the participation with reduced risks of social actors in a new institution, the journalistic one.

The Romanian legislation is not perfect, as it is, maybe, the case with any legislation, and the politicians still try to maintain instruments of influence on media organizations, but, at least, it can be continuously changed through negotiation among the interested groups. The Romanian case shows that a European legislation is not necessarily creating a European media institution. The rules have to be accepted at normative level, also, and this is achieved through public discussion on exemplary occurrences, as was the case of insult and defamation regulations. The transition from an authoritarian legislation to a democratic one was eased by a shared cultural-cognitive definition about the future of Romania, as a democracy and a market economy part of EU and NATO.

The Romanian case shows that a model of transition with a greater explanatory power should take in account both the historic legacy of a country (historicist transitology) and the modernization project shared by citizens and politicians (modernist transitology). Also, a model of transition with a greater explanatory power should not consider that transition ends when a utopian vision of democracy and free market is fulfilled, but when equally balanced institutional forces act together in reducing deceiving behaviors at institutional level and when individuals engage willingly in institutional actions, beneficial both for them and for the community.

Bibliography

1. Becker, Howard S. (2008), *Art Worlds*, Berkeley, University of California Press.
2. Blokker, Paul (2005), "Post-Communist Modernization, Transition Studies, and Diversity in Europe", *European Journal of Social Theory,* 8 (4), pp. 503-525.
3. Coman, Mihai (2003), *Mass media în România post-comunistă (Mass-media in post-Communist Romania)*, Iaşi, Polirom.

4. DiMaggio, Paul J. and Powell, Walter W. (1983), "The iron cage revisited: institutional isomorphism and collective rationality in organizational fields", *American Sociological Review*, 48 (2), pp. 147-160.

5. Douglas, Mary (2002), *Cum gîndesc instituţiile (*translation of *How Institutions Think,* 1986*),* Iaşi, Polirom.

6. Eyal, Gil, Szelényi, Iván and Townsley, Eleanor (2001), *Capitalism fără capitalişti. Noua elită conducătoare din Europa de Est* (translation of *Making Capitalism without Capitalists: The New Ruling Elites in Eastern Europe,* 1998), Bucureşti, Omega.

7. Gross, Peter (1996), *Mass Media in Revolution and National Development. The Romanian Laboratory*, Ames, Iowa State University Press.

8. Gross, Peter (2004), "Between Reality and Dream: Eastern European Media Transition, Transformation, Consolidation, and Integration", *East European Politics and Societies*; 18 (1); pp. 110-131.

9. Hardin, Russell (1991), „Trusting persons, trusting institutions", pp. 185-209, in Zeckhauser, Richard J. (coord.), *Strategy and Choice*, Cambridge, The MIT Press, available on http://politics.as.nyu.edu/object/RussellHardin.html.

10. Petcu, Marian (2005), *Jurnalist în România: istoria unei profesii (Journalist in Romania: the history of a profession)*, Bucureşti, Comunicare.ro.

11. Milton, Andrew K. (2001), "Bound But Not Gagged: Media Reform in Democratic Transitions", *Comparative Political Studies*, 34 (5), pp. 493-526.

12. Miroiu, Mihaela şi Blebea, Gabriela (2001) *Introducere în etica profesională (Introduction to professional ethics)*, Bucureşti, Editura Trei.

13. Oliver, Christine (1991), „Strategic Responses to Institutional Processes", *The Academy of Management Review,* 16 (1), pp. 145-179.

14. Scott, Richard (2004), *Instituţii şi organizaţii (*translation of *Institutions and organizations,* 2001*)*, Iaşi, Polirom.

15. Stark, David (1996), „Recombinant Property in East European Capitalism", *The American Journal of Sociology*, 101 (4), pp. 993-1027.

16. Vanberg, Viktor (2002), „Rational Choice vs. Program-based Behavior: Alternative Theoretical Approaches and their Relevance for the Study of Institutions", *Rationality and Society*, 14(1), pp. 7-54.

17. avocatura.com, on-line community of layers.

18. www.arma.org.ro, the official site of the Romanian Association for Audiences' Measurement.

19. www.ccr.ro, the official site of the Romanian Constitutional Court.

20. www.cdep.ro, the legislative archive of the Romanian Deputy Chamber.

21. www.insse.ro, the official site of the Romanian National Institute of Statistics.

22. www.mae.ro, the official site of the Romanian Foreign Affairs Ministry.

23. anaf.mfinante.ro, the official site of the National Agency of Fiscal Administration, part of the Ministry of Economy and Finance.

24. undated, „INFO media. Suspendarea licenţei OTV" (INFO media. OTV had the license suspended), *Observatorul cultural*, www.observatorcultural.ro, accessed April 2, 2008.

25. Antoniu, Gabriela, Febr. 15, 2008, „Ion Cristoiu riscă să rămână fără casă" (Ion Cristoiu risks losing the house), *Jurnalul Naţional*, www.jurnalul.ro, accessed April 2, 2008.

26. *Capital*, the Dec. 13, 2007 anniversary edition.

27. Gheorghe, Gabriela şi Huminic, Adelina (1999), „Istoria mineriadelor din anii 1990-1991" (The history of the miners' protests, 1990-1991), *Sfera politicii*, nr. 67, http://www.dntb.ro/sfera, accesat 14 septembrie 2008.

28. Hritcu, Mirona, March 19, 2008, „Pierderile pe cap de angajat al TVR, egale cu salariul mediu" (Losses per employee in TVR, equal with medium wage), *Capital*, www.capital.ro, accessed April 3, 2008.

29. Ionescu, Cosmin, 1 iunie 2005, „Calul lui Iliuţă Naghi a băgat botul în oWAZ!" (Iliuţă Naghi's hourse put his nose into oWAZ/ oat/ !) , *Săptămâna Financiară*, www.sfin.ro, accessed April 3, 2008.

30. Mihăşan, Călin and Pădurean, Claudiu, 24 ianuarie 2007, „Liderii de la Cluj, încolonaţi la Parchet/ Afacerea "Gazeta" zgâlţâie politica în Transilvania" (Cluj leaders, in line to the prosecutor's office/ *Gazeta* affair shakens politics in Transylvania), *România liberă*, www.romanialibera.ro, accessed July 25, 2008.

31. Obae, Petrişor, Nov. 22, 2007, „Povestea EVZ, spusă de fondatorul său" (The story of EVZ, told by the founder), *Evenimentul zilei*, www.evz.ro, accessed April 1, 2008.

32. Scânteie, Floriana, Febr. 15, 2008, „Cristoiu, ameninţat cu executarea silită" (Cristoiu, threatened with forced execution), *Evenimentul zilei*, www.evz.ro, accessed April 2, 2008.

LEGISLATION – FROM PRESSURE FACTOR TO STABILITY FACTOR FOR THE ROMANIAN MEDIA

R.-N. Radu

Faculty of Journalism and Mass Communication Studies, University of Bucharest, Romania

e-mail: radu.raluca@unibuc.ro

Before 1989, the cultural industries were seen by the Romanian Communist state as political propaganda instruments. Journalism was state subsidized and private initiatives were not permitted. After the fall of the Communist Party, the changes in the political, economic and social systems, sustained by international forces, affected the logics of production and of distribution of cultural goods. This article identifies the changes in the regulatory pillar (Scott, 2004) of the institution of mass-media, from a pressure factor in the hands of politicians to a stability factor designed to minimize the risk taken by social actors involved in the production and the consumption of journalistic products.

The evolutions at the regulatory level, in Romania, were the results of external pressures (from foreign governments to international structures such as NATO or the EU), the results of the market, that sustained financially and morally the Romanian journalistic industry, and the results of a shared vision among politicians and the rest of the Romanian population that the country is going to become a democratic state with a market economy. Thus, the Romanian legislation could be transformed, in less than two decades, from a legislation characteristic to a totalitarian state, with one relevant institution, the party-state, to a democratic legislation, that guarantees the participation with minor risks in an institution on its own rights, around journalistic products.

Key words: Law, institution, journalism, Romania.

УДК 371.132

ПРОБЛЕМА МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ОСНОВАНИЙ ФОРМИРОВАНИЯ ЛИЧНОСТИ ШКОЛЬНИКА В ПОЛИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

И.Ф. Исаев,
И.П. Ильинская

Белгородский государственный университет

e-mail:
Isaev@bsu.edu.ru
Ilinskaya@ bsu.edu.ru

В статье рассматриваются современные подходы к воспитанию школьников в поликультурном образовательном пространстве в соответствии с культурными и ценностными идеалами общечеловеческого порядка. Авторы предлагают оригинальную концепцию сущности феномена поликультурной среды, механизмов и факторов ее влияния на формирование социокультурного опыта личности, обретение им этнической идентичности, освоение и присвоение ценностей и нормативов национальной и общечеловеческой культуры. Такой подход открывает новые возможности в моделировании образовательной среды, организации взаимодействия личности с субъектами среды, оценке эффективности влияния поликультурной образовательной среды на социальное становление личности.

Ключевые слова: культурологический подход в образовании, поликультурная среда, образовательная среда, субъекты среды, взаимодействие личности и среды, социокультурный опыт личности, этнокультурная идентичность индивида, национальная и общечеловеческая культура, социальное становление личности.

Развитие российского образования от безличного к личностно-ориентированному, от односторонне знаниевого к деятельностному и поликультурному, рассчитанному на множественную и многомерную интеллектуальную, художественную, духовную, практическую деятельность человека обусловливает необходимость научно-теоретического пересмотра педагогических позиций в воспитании, требует адекватности в выборе методологических подходов и оснований в развитии, формировании личности (1).

Личность является творцом и носителем культуры, одно невозможно без другого: развитие личности (по И. Канту) составляет содержание культуры, в то же время без культурных ценностей и знаний, созданных человечеством, социальных установок, норм и отношений, исторического опыта, включающего общекультурные способы и приемы деятельности, без творческих механизмов овладения и преобразования культуры личность неспособна к полноценному развитию и саморазвитию.

Одной из методологических основ гуманистической педагогики является культурологический подход, который позволяет рассматривать исследуемые проблемы в общекультурном контексте как интеграцию личности с общей культурой в единстве прошлого, настоящего и будущего. Как общенаучный методологический принцип, культурологический подход применим при исследовании проблем педагогики, психологии, социологии и других наук, выступая в качестве обобщенной методологической основы (2).

Педагогика по своей сути культуросообразна, она отражает уровень культуры общества (3). Педагогика – это не только наука, но и культура, искусство, тысячелетние традиции народной, семейной педагогики, спрессованные в заповеди и принципы. Связь интеллигентности с нравственным здоровьем человека – это и есть тот узел культурно-

педагогических проблем, понимание которых является условием духовного развития человека его общей культуры (4).

В современной педагогической теории и практике очевиден отказ от упрощенного представления о культурологическом подходе, которое проявляется в основном во введении в учебные планы новых дисциплин социокультурного содержания.

Культурологический подход должен рассматриваться прежде всего в контексте общефилософского понимания культуры. Педагогические факты и явления при таком подходе анализируются с учетом социальных и культурных процессов в прошлом, настоящем и будущем на уровне обыденного и теоретического сознания. В обыденном сознании культура представлена неоднозначно: с одной стороны, она понимается как нечто нормативное, заданное как образец, на который должны равняться представители конкретного общества; с другой – отождествляется с образованностью, интеллигентностью человека; с третьей – связывается с характеристикой места и образа жизни человека.

В современной культурологии, социологии, философии проведен достаточно полный анализ эволюции понятия «культура». В результате мы можем сделать вывод, что существуют три принципиальных подхода к определению феномена культуры.

1-й подход. Культура – это **совокупный продукт человеческой деятельности**. Культура в этом понимании – весь багаж знаний, умений, навыков, то есть весь опыт человечества, накопленный им в процессе его существования и развития. Как конечный продукт культура выступает в материальных ценностях, накопленных человечеством, а также в существовании различных технологий по созданию и накоплению этих ценностей. Основная форма отношения человека к миру – деятельность, содержание которой – изменение и преобразование окружающей действительности. Следовательно, деятельность – это сущность человека, фундамент формирования его личности. Само понятие деятельности предполагает превращение человеком материала как объекта деятельности в предмет и продукт деятельности.

2-й подход. Культура – это **антропологический феномен**, это то, что отличает человека как порождение природы, это то, что делает человека человеком, это человеческое в человеке, это степень очеловеченности человека. В культуре представлено личностное измерение общества, его человеческий потенциал и общественная оценка человека. Культура – «мера гуманизации общества и индивида» (5).

П.А. Сапронов говорит, что, произнося слово «культура», мы всегда и обязательно имеем в виду один из трех способов или форм ее бытования: 1) как продукт деятельности, как некую предметную реальность; 2) как деятельность по созданию этой предметной реальности (книга – культура как предметная реальность, ее написание или чтение – культура в качестве деятельности); 3) человеческая деятельность может быть внутренней и внешней. Ничего, помимо предметной реальности, внутренней и внешней деятельности примыслить к культуре невозможно, ничего другого в ней нет. Она – человеческая реальность, а не чисто природная данность, а значит, представляется человеком как деятельность и ее продукт. Культура возникает только тогда, когда человек оказывается способным пробиться «к самому себе», не внешнему обезличенному в себе, а к своему Я, и не только пробиться, но и подобрать внешние формы его выражения. Отдавая или не отдавая себе в этом отчет, мы подходим к явлению культуры с вопросом, кто это, какая душа воплотилась в этом предмете, а вовсе не что это такое (6).

3-й подход. Культура – это **осмысление бытия в символах и образах**. По словам Н.А. Бердяева, «культура не есть осуществление новой жизни, нового бытия, она есть — осуществление новых ценностей. Все достижения культуры символичны, а не реалистичны. Новая жизнь, высшее бытие дается лишь в подобиях, образах, символах».

Культура представляется нам в трех видах, в трех аспектах, которые проистекают из изложенных нами подходов к изучению феномена культуры: материальная культура, социальная культура, духовная культура.

Принятое деление культуры на материальную и духовную, соответственно двум основным видам производства – материального и духовного, достаточно условно. Теория культуры исходит не только из их органического единства, но и из признания того, что само их разграничение функционально, ибо предметы материальной культуры являются результатом воплощения определенных идей, материализации знания, а духовная культура объек-

тивируется с помощью материальных средств. Любой предмет культуры есть воплощенное единство материального, духовного и социального. Борьба изложенных выше подходов к феномену культуры остается актуальной и в наши дни.

Учитывая тот факт, что современная социальная среда представляет собой средоточие различных культурных проявлений, культурных архетипов, находящихся в постоянном взаимодействии, влияющих на инкультурацию личности, поликультурное воспитание становится особенно актуальным. В очередной раз в истории человечества (на современном этапе в результате усиления тенденций к глобализации) наметилось обострение межконфессиональных, межэтнических отношений в мировом пространстве равно как и на территории Российской Федерации.

Особое значение для исследования проблем формирования личности школьника в поликультурной образовательной среде имеет понимание роли личности учителя. Важно учитывать положение о том, что главным системообразующим фактором становления будущего учителя является формирование профессионально-педагогической культуры. Один из аспектов исследования профессионально-педагогической культуры, равно как и культуры как феномена – аксиологический.

Аксиологический подход в изучении педагогических явлений позволяет решать задачи гуманизации общества, он органически присущ гуманистической педагогике, поскольку человек рассматривается в ней как высшая ценность общества и самоцель общественного развития. В этой связи аксиология, являющаяся более общей по отношению к гуманистической проблематике, может рассматриваться как основа новой философии образования и соответственно методологии современной педагогики.

В центре аксиологического мышления находится концепция взаимозависимого, взаимодействующего мира. Она утверждает, что наш мир – это мир целостного человека, поэтому важно научиться видеть то общее, что не только объединяет человечество, но и характеризует каждого отдельного человека. Гуманистическая ценностная ориентация, образно говоря, – «аксиологическая пружина», которая придает активность всем остальным звеньям системы ценностей. Содержание жизнедеятельности человека определяется направленностью личности на осмысление, познание и актуализацию общечеловеческих ценностей (3).

Толкование понятия «ценность» не однозначно в педагогике, психологии, культурологи, этнологии и под. Общая теория ценностей, их природа, соотношение классового и общечеловеческого, утверждение приоритета общечеловеческих ценностей сегодня имеют исключительное значение, обуславливаемое политической, экономической, социальной нестабильностью, отказом от прежних духовных ценностей, отрицание и уничижение, нивелирование многих из них – при неопределенности и дефиците новых – не декларируемых, но реально утверждаемых и тем более уже действующих. Мы не знаем, что в общей для детей и взрослых среде хорошо (и что такое хорошо, вспоминается сократовское «Что есть благо?»), а что – плохо. Более того, ностальгия по прежним ценностям и порядкам достаточно опасна, ведь она может спровоцировать конфликт поколений (7). Еще более сложен процесс определения ценностей во взаимодействии представителей различных этнических групп, разных конфессий, разных культур. Обострение межнациональных отношений в разных регионах Российской Федерации требуют от педагога не только толерантных отношений, компетентности в вопросах носящих этнокультурный характер, но и деликатности в решении проблем, связанных с формированием способности к национальной идентификации своих учеников, их этнического самосознания, которое отражает национальные смыслы и ценности, а также в формировании суперэтнического самосознания школьников, которое сделает возможным для каждого индивида ощущение общности, единства, целостности с единым многонациональным государством, чувство гордости за принадлежность к этому суперэтносу.

Понятие «ценность» достаточно часто употребляется не только в сфере гуманитарного знания. По мнению Столовича Л.Н. «генезис понятия ценность, реконструируемый на основе этимологии обозначающих ею слов, показывает, что в нем соединились три значения: характеристика внешних свойств вещей и предметов, выступающих как объект ценностного отношения; психологические качества человека, являющегося субъектом этого отно-

шения; отношения между людьми, их общение, благодаря которому ценности обретают общезначимость» (8).

Система ценностей возникает в рамках определенной культуры. Основные ценности сами по себе остаются постоянными на всех этапах развития человеческого общества (жизнь, здоровье, любовь, красота, добро, истина, мир, творчество, образование и т.п.) независимо от таких доминант как этнос, нация, менталитет, независимо от времени и пространства, они незыблемы, непреходящи. Поэтому так высок интерес (особенно начиная с 60 годов XX столетия) к понятию ценность в период политических и социальных преобразований, в период поиска и переосмысления социальных приоритетов.

В структуре личности весьма важное место занимают ценностные ориентации. В «Философском энциклопедическом словаре» ценностные ориентации определяются как важнейшие элементы внутренней структуры личности, закрепленные жизненным опытом индивида, всей совокупностью его переживаний, и отграничивающие значимое, существенное для данного человека от незначимого, несущественного (9).

Ценностные ориентации в самом общем виде представляют собой разделяемые личностью духовные и материальные социальные ценности, составляющие личностно значимые жизненные цели и средства их достижения; мировоззренческие ориентиры, детерминирующие мотивацию личности и ее поведения.

Содержательная сторона ценностных ориентаций личности включает мировоззренческие, нравственные и эстетические представления человека. Данная позиция связана прежде всего с тем, что три основных вида духовных ценностей (воля, чувство и разум – Добро, Красота, Истина), выделяемых многими авторами, но наиболее полно рассмотренных Г.В.Ф. Гегелем органично взаимосвязаны друг с другом и неделимы. Разум безжизнен без чувства и бессилен без воли. Понятия Истины и Добра неполны без Красоты, а она в свою очередь проявляется там, где разум приблизился к истине, а воля направлена на добро «истина и благо соединяются родственными узами лишь в красоте» (10). Ф.В. Рябов, Л.Н. Столович выделяют познавательные (мировоззренческие), нравственные и эстетические духовные ценности, которые с необходимостью взаимодополняют друг друга и образуют «триединство» Красоты, Добра и Истины, которое в свою очередь является исходным для соответствующих блоков ценностных ориентаций личности. К первому блоку (Красота) относятся эстетические категории прекрасного, возвышенного, гармонии, совершенства, идеала, изящества, ко второму (Добро) – любовь, дружба, гуманность, милосердие, сострадание, великодушие, к третьему (Истина) – познание, творчество, рациональность, разумность, справедливость, правдивость (8).

В педагогике проблемой исследования ценностей и формирования ценностных ориентаций личности занимались А.И. Арнольдов, Ю.И. Ефимов, И.И. Громов, В.А. Малахов, В.П. Тугаринов, Н.З. Чавчавадзе, Т.Н. Прохоровская и др. История русской культуры и историческое развитие российской педагогической мыли всегда отдавали приоритет духовной стороне жизни. Эта отличительная черта русского человека хорошо известна за рубежом и всегда притягивала внимание, вызывая как минимум удивление западной цивилизации. Однако, в эпоху перемен, которую вновь переживает современная Россия, образовался некий духовный вакуум, обернувшийся для многих россиян духовной трагедией, так как времена бездуховности, утраты привычных ценностей являются отражением крушения результатов их многолетнего социально-культурного творчества. Особенно губителен этот духовный вакуум для культуры.

В связи с этим усиливается влияние западной культуры на подрастающее поколение. Современные дети лучше знают массовую культуру зарубежных стран, результаты которой ориентированы в первую очередь на коммерческий успех. «Американские» герои сказок, мультфильмов, киноактеры и др. им гораздо ближе и понятнее чем национальный былинный эпос и сказки. Мы не всегда знаем, почему это происходит, но с уверенностью можем сказать, что происходящие процессы влияют на становление личности ребенка, образцы этнического сознания других наций приживаются у нас. Окружающая ребенка среда уже не является такой близкой и понятной нам как прежде, и еще более непонятными нам кажутся влияние этой среды на развитие личности и взаимодействие наших детей с этой новой средой. Другими словами современные дети растут и развиваются в поликультурной среде, признаки которой меняются не только в связи с естественным временным развитием про-

гресса и цивилизаций, но еще и в связи с усложнением и разносторонностью современного социума.

Однако прежде чем рассматривать понятия поликультурной и полиэтнической среды, необходимо определиться с тем, что обозначается понятием среда, так как однозначного толкования средового подхода к научному изучению педагогических проблем, равно как и вообще явлений окружающей действительности, не существует, но ученые выделяют несколько подходов к процессу ее изучения.

В словаре С.И. Ожегова представлено три значения понятия среда: 1) вещество, заполняющее пространство, а также тела, окружающие что-нибудь (например, воздушная среда); 2) окружение, совокупность природных условий, в которых протекает деятельность человеческого общества, организмов (географическая среда); окружающие социально-бытовые условия, обстановка, а также совокупность людей, связанных общностью этих условий (например, из рабочей среды) (11). Таким образом, все, что мы можем выразить понятием среда представлено в трех ипостасях: социальная среда (2) и окружающее вещество или тела (1), то есть среда чего-то конкретного (кислотно-щелочная среда, воздушная среда и под.), более того, из представленного в толковом словаре определения мы ясно видим, что под средой, прежде всего, следует понимать окружение, которое, хотя и требует дифференциации в силу своего разнообразия, но не меняет сути.

Е.П. Белозерцев, рассматривая понятие среды отмечает его древнее происхождение. «За время своего существования это понятие обросло различными историческими смыслами и культурными значениями. Среду отождествляют с почвой, веществом, телом, пространством, окружением, сферой, потоком ситуаций, миром, системой, фактором, формой мысли, условием и др.» (12). Далее он отмечает, что в сфере гуманитарного знания сложись две концепции, различно определяющие ее состав: «молекулярная» и «факторная».

Молекулярные модели более тяготеют к целостности и позволяют компактно представить среду как средоточие различных мест. Это важно, так как делает среду обозримой, позволяет оперировать емкими и крупными составляющими и находить оптимальные воспитательные решения в пространстве бытия учащихся.

Факторные модели среды тяготеют к ее дроблению, дают возможность увидеть детали, углубиться в изучение частностей, учитывать и использовать в воспитании не относящиеся к конкретному месту, случайные, не меняющиеся, не постоянные или размытые моменты бытия.

Особого внимания, по мнению Е.П. Белозерцева заслуживают такие идеи, как деление среды на природную, духовную, социальную; выделение формальных составляющих среды (мест и факторов), оценивание качества среды через набор элементов и предоставляемых возможностей и др.

В культуре народа на уровне бытового сознания, стало быть и народной педагогики, сложились и продолжают жить веками многочисленные пословицы, поговорки, речевые обороты, фразы, трактующие роль среды в человеческом обществе: «вышел из среды…», «растворился в среде», «среда затянула», «продукт среды» и т.д.

Регулятором активности среды и личности выступает образ жизни (способ бытия). Он обуславливает механизм взаимодействия средовых влияний и реакций на среду, а условия среды определяют основные черты образа жизни людей. Социально-экономические, культурные и природные условия формируют и обуславливают образ жизни. Образ жизни детерминируется в среде. Исследования современных ученых заключают, что среда во многом определяет образ жизни. Одна среда – один образ жизни, другая – иной образ жизни. Такова диалектика.

В научной работе Ю.С. Мануйлова по изучению понятия среды и ее роли в жизнедеятельности индивидуума были вскрыты следующие зависимости:

- среда оказывает как развивающее, так и формирующее влияние на систему, соответственно предоставляя свободу выбора или ограничивая выбор возможностей;

- развитие ведет к появлению индивидуально-неповторимого в личности, к формированию типического в ней, к осреднению. Чем шире круг возможностей, тем вариативнее развитие индивидуума. И наоборот, чем уже, тем однозначнее формирование типа детерминированного неустранимыми активными факторами среды;

- развивающая роль среды усиливается в точках бифуркации (переломные, кризисные моменты), являющихся своеобразными точками роста социальных систем; формирующая роль среды обнаруживает себя в промежутках, в интервалах между точками;

- положение о том, что среда способна развивать индивидуальность и формировать через определенный образ жизни социальный тип, позволяет рассматривать ее как потенциальное средство управления становлением человеческой личности.

Среда обусловливает содержание и характер образования, создает определенные предпосылки для функционирования и развития образования. Вот почему чрезвычайно важно изучать среду, в которой находится конкретное образовательное учреждение или система образовательных учреждений.

Несмотря на сложности и противоречивость, образование не только функционирует, но и развивается благодаря региональным образовательным системам. Региональное образование есть результат если не гармонии, то во всяком случае осознанного и целесообразно организованного взаимодействия среды и образования. Когда особенности среды опосредованно и прямо влияют на состояние жизни каждого человека, всего населения, а образование и образованные граждане оказывают воздействие на среду, являясь ее продуктом и субъектом культуры.

Под средой Е.П. Белозерцев понимает средоточие природных, исторических, религиозных, культурных, материальных, социальных условий, в которых люди живут, учатся, трудятся (12).

Однако, рассматривая среду как понятие, не имеющее единого толкования в мире науки (несмотря на широкое его употребление), нам представляется необходимым обратиться к «теории возможностей» Дж. Гибсона. В наиболее распространенном понимании окружающая человека среда представляется как совокупность условий и влияний. «Чаще всего под окружающей человека средой подразумевается так или иначе совокупность условий и влияний, окружающих человека» (13). Если в приведенном ранее определении среды используются, такие понятия, как «условия» и «влияния», то есть некие воздействия «активной» среды на «пассивного» человека, то Гибсон, вводя категорию возможности, подчеркивает активное начало человека-субъекта, осваивающего свою жизненную среду. Возможность определяется как свойствами среды, так и свойствами самого субъекта.

Чем больше и полнее личность использует возможности среды, тем более успешно происходит ее свободное и активное саморазвитие: «Человек одновременно является продуктом и творцом своей среды, которая ему дает физическую основу для жизни и делает возможным интеллектуальное, моральное, общественное и духовное развитие» (13).

Для полноценного развития человеческой личности в целом и ее эстетической культуры в частности, необходимо рассмотрение среды как единства всех сфер ее жизнедеятельности. Как уже отмечалось современная наука дифференцирует понятие среды в зависимости от подходов к ее изучению. Все типы среды в зависимости от конкретных задач можно объединить в следующие группы.

Первая группа. Социально-производственный или социально-бытовой подход: производственная, общественно-политическая, среда организованного общения, семейная, бытовая, досуговая, воинская, спортивная, религиозная и т.д. среды (И.В. Василенко, М.В. Лапшин, В.П. Рожин, Э.И. Струнина, Ю.С. Сычев и др.).

Вторая группа. Возрастной подход: детская, подростковая, юношеская и т.д. среды (Иорданский Н.Н., 1994 и др.).

Третья группа. Количественный подход, согласно которому широкая среда делиться на макро-, мезо- и микросреды в зависимости от количества субъектов, одновременно охватываемых влиянием (Н.В. Голубева, В.Н. Гуров, А.В. Мудрик и др.).

Четвертая группа. По управляемости выделяют стихийную, включающую никем не контролируемые и не регулируемые воздействия среды, полууправляемую и управляемую или организованную среду, то есть совокупность целенаправленных воспитательных воздействий школы, внешкольных учреждений и семьи (Куракин А.Т., Новикова Л.И., 1998).

Пятая группа. Территориальный подход, когда выделяется условная территориальная единица, называемая чаще всего микрорайоном (но не обязательно равнозначная административной, физической территории).

Шестая группа. Личностный подход, согласно которому выделяют среду вообще (как условие существования и развития всего человечества) и среду развития и формирования конкретной личности: это среда личности, среда субъекта, личностная среда, микросреда (Г.С. Антипина, В.Г. Бочарова, Л.П. Буева, Н.В. Голубева, Г.И. Драчева, К.М. Никонов и др.).

Выделяя такое разнообразие подходов Л.Н. Давыдова, В.А. Пятин, А.М. Трещев, И.Л. Яцукова (1998) подчеркивают невозможность введения жестких структурных единиц среды, так как для решения разных задач и выбора оптимального пути достижения цели, требуется свое, отвечающее всем требованиям и характеристикам конкретной ситуации, разграничение среды.

Указанные аспекты типологии среды открывают новые возможности в разработке технологий по изучению социально-педагогических механизмов взаимодействия среды и личности (14).

Поскольку все вышеописанные аспекты и подходы к изучению среды носят социально-педагогический характер (то есть окружение, условия, влияния, возможности рассматриваются с позиции взаимодействия среда – человек) необходимо более четко определиться с понятиями социальная среда и педагогический потенциал среды.

В более общем понимании социальная среда – это окружающие человека общественные, материальные и духовные условия его существования, формирования и деятельности. Социальная среда в широком смысле (макросреда) охватывает общественно-экономическую систему в целом – производительные силы, совокупность общественных отношений и институтов, общественное сознание, культуру данного общества; социальная среда в узком смысле (микросреда), будучи элементом социальной среды в целом, включает непосредственное социальное окружение человека – семью, трудовой, учебный и др. коллективы и группы. Социальная среда оказывает решающее воздействие на формирование и развитие личности. В то же время под влиянием творческой активности, деятельности человека она изменяется.

Преобразуется, и в процессе этих преобразований изменяются сами люди. (9).

Педагогический потенциал среды имеет еще одну составляющую помимо макросреды и микросреды выделяется еще личностная среда (личностно-ориентированный уровень), которая включает в себя значимые для конкретной личности факторы, как позитивно, так и негативно влияющие, и, соответственно, возможности усиления или ослабления их воздействия. При этом исследования макросреды, как правило, считаются социологическими, микросреды и личностной среды – педагогическими.

Вышеобозначенные методологические подходы к исследованию проблем формирования общей культуры личности не представляли бы собой полной картины без антропологического принципа. Потребность общества в целостном развитии сущностных сил человека находит свое отражение в идеях и принципах философско-педагогической антропологии. Антропологическая образовательная парадигма базируется на общефилософском понимании человека как высокоорганизованного, космобиопсихосоциального, духовного существа, обладающего рядом основополагающих, «чисто человеческих» биологических, социальных и духовных качеств. Осмысление человека как личности и индивида, общих проблем человечества являются предметом изучения антропологии.

Рассматривая процесс формирования общей культуры личности с учетом возрастных особенностей – механизмы усвоения и присвоения культурных знаний, развития чувств, включение личности в творческую деятельность мы не могли не коснуться такого вида философской антропологии как культурная антропология, которая изучает этнологию первобытных народов, их обычаев, обрядов, языка и т.д.

Эта область философской антропологии разрабатывается рядом ученых таких как Э. Ротхаккер, М. Ландман, В.И. Иванов, В.В. Розанов, Н.А. Бердяев, П.А. Флоренский, А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, Р. Якобсон, Э. Кассирер и др. Э. Ротхаккер и М. Ландман основное внимание уделяют позитивному объяснению свободы человека, его творческой природы. В их трудах человек предстает как творец, как носитель культуры. В то же время культура выступает в качестве своеобразной реакции человека на давление природы.

Совокупность вышеобозначенных методологических принципов представляет собой необходимую базу для исследования педагогических проблем поликультурного воспитания и построения поликультурной образовательной среды в соответствии с культурными и ценностными идеалами общечеловеческого порядка.

Мы не претендуем на исчерпывающий ответ и решение возникающих вопросов в поликультурной образовательной среде, но видим один из путей их решения с позиции применения обозначенных методологических принципов.

Список литературы

1. Днепров Э.Д. Витязь на распутье, или Современная образовательная политика. – М.: Изд-во УРАО, 2000. – 44 с.

2. Культурологический подход в теории и практике педагогического образования. Монография // Под ред. проф. Исаева И.Ф. – Белгород: Изд-во БелГУ, 1999, 151 с.

3. Исаев И.Ф. Профессионально-педагогическая культура преподавателя. – М.: Академия, 2002. – 208 с. – С.6.

4. Педагогика как культура / Автор-составитель Н.Ф. Золотухина. – СПб.: ИВЭСЭП, «Знание», 2000. – 95 с. – С. 3).

5. Хоруженко К.М. Культурология. Энциклопедический словарь. – Ростов-на-Дону: Изд-во «Феникс», 1997 – 640 с.

6. Сапронов П. А. Культурология: Курс лекций по теории и истории культуры. – СПб.: СОЮЗ,1998. – 560 с.

7. Острые проблемы воспитания: поиски решения / Под ред. Б.З. Вульфова. – М.: Изд. дом «Новый учебник», 2003. – 240 с.

8. Столович Л.Н. Природа эстетической ценности. – М.: Политиздат, 1972. – 271 с.

9. Философский энциклопедический словарь / Редкол.: С.С. Аверинцев, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичев и др. – 2-е изд. – М.: Сов энциклопедия, 1989. – 815 с.

10. Гегель Г.В.Ф. Работы разных лет: В 2 т. М., 1970. Т.1. С. 212.

11. Ожегов С.И. Словарь русского языка: Ок. 57000 слов....

12. Белозерцев Е.П. «Образ и смысл русской школы», Волгоград «Перемена», 2000 – 461 с.

13. Ясвин В.А. Экспертиза школьной образовательной среды. – М.: Сентябрь, 2000. – 128 с.

14. А.Е. Шабалдас. Теория и практика формирования личности школьника в поликультурной среде. – Дисс. д.п.н., Ставрополь, 2006.

MULTICULTURAL ENVIROMENT AS A FACTOR OF FORMATION OF JUNIOR PUPIL'S PERSONALITY

I.F. Isaev
I.P. Ilinskaya

Belgorod State University

e-mail: Isaev@bsu.edu.ru
Ilinskaya@bsu.edu.ru

The article deals with the problems of modern pupils' multicultural education. The author suggests on an original conception of multicultural space main point, ways of its influence on sociocultural forming of personality's experience, getting of ethnic identity, mastering and taking of the values and standards of national and general culture. This conception gives new opportunities in the educational space creating, organization of the personality interaction with the subjects of space, effective estimation of multicultural educational space influence on social personality formation.

Key words: multicultural space, educational space, subject of space, interaction of personality and space, sociocultural experience of personality, ethno cultural personality identity, national and general culture, social personality formation.

УДК 371

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ГОТОВНОСТИ УЧИТЕЛЯ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В УСЛОВИЯХ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В.Л. Холод

Белгородский государственный университет

e-mail: holod@bsu.edu.ru

В статье рассматривается необходимость обеспечения готовности учителя к деятельности в условиях модернизации российского образования в связи с переходом на новую систему оплаты труда. На первое место выдвигается обеспечение им индивидуального педагогического сопровождения школьника. Но и деятельность самого учителя будет «сопровождаться», но уже не только администрацией школы, но и органом самоуправления школы – управляющим советом. Автор не только как учёный, но и как практик, предлагает студенту и молодому учителю алгоритм деятельности в новых условиях (на основе полученных в ВУЗе педагогических знаний). Зная критерии и показатели педагогической деятельности, молодой учитель сможет быстрее адаптироваться в школе и обеспечить не только достойное качество знаний учеников, но и собственный карьерный рост.

Ключевые слова: деятельность учителя, критерии и показатели, модернизация, индивидуализация.

Концепцией модернизации российского образования на период до 2010 года предусмотрены качественные изменения его содержания. Впервые, за многие годы, оценка всей деятельности образовательной системы и ее основного субъекта – Учителя, будет производиться по результатам совместного труда. Труда учителя, ученика и его родителя!

Школа постепенно превращается в открытую для общества социальную систему. По поручению общества ею теперь управляет избираемый на демократической основе управляющий совет. Деятельность директора и учителя становится «прозрачной», о её содержании сообщается в ежегодных публичных докладах.

Соответственно, по-новому, осуществляется и оплата труда учителя. В связи с изменением системы оплаты труда работников бюджетной сферы (упразднение Единой тарифной сетки и переход к отраслевым системам) особую важность приобретает вопрос изменения системы оплаты труда работников системы общего образования и, в первую очередь, учителей. Среди всех отраслей бюджетной сферы образование уже много десятилетий занимает первое место по численности занятых работников (1).

Наша статья направлена на вооружение как студентов – будущих педагогов, так и молодых учителей знаниями о новых условиях деятельности в должности учителя полной средней общеобразовательной школы. Теперь, когда новая система оплаты труда предполагает годовую нагрузку в объёме 1500 часов (36 рабочих часов в неделю, всего 42 недели), учитель должен в совершенстве владеть содержанием своей деятельности в школе как учитель-предметник. Причём уже введены поощрительные выплаты по результатам труда составляющие не менее 50% стимулирующей части. А оплата за работу в качестве классного руководителя осуществляется отдельно.

Подробно остановимся на содержании деятельности учителя, которое будет подвергаться постоянному мониторингу и оценке – для последующей оплаты труда.

Первый раздел «Педагогическая работа» включает в себя: урочную работу; индивидуальные и групповые занятия, консультации, собеседования; занятия по ликвидации пробелов в знаниях; занятия с детьми с повышенной мотивацией; экскурсии и другую внешкольную работ с детьми; внеурочную работу по предмету (предметные недели, олимпиады, марафоны, научно-исследовательскую работу с обучающимися и т.д.); замену уроков; тестирование, зачеты, экзамены, аттестацию, экзаменационные консультации.

Второй раздел «Организационно-педагогическая деятельность» включает: педагогические советы; семинары, совещания, планерки; дежурства; работу с родителями; посещение уроков других учителей; самообразование и повышение квалификации.

Третий раздел «Работа учителя по подготовке и обеспечению учебного процесса» включает: проверку письменных работ; подготовку к урокам; методическую работу; работу по учебным кабинетам. Предложенная авторами концепции структурная схема деятельности несколько облегчает нашу задачу (2).

Охарактеризуем основные виды деятельности и их основные критерии и показатели.

Педагогическая работа. Ее критерий: глубокое знание педагогики, психологии, возрастной физиологии и школьной гигиены. Как уже было отмечено, **урочная работа** является одним из основных видов деятельности учителя-предметника в современных социально-педагогических условиях.

Показателями успешной деятельности (и основанием для премирования учителя по результатам труда) являются: достижение обучающимися высоких показателей в сравнении с предыдущим периодом, стабильность и рост качества обучения; участие в инновационной деятельности, ведение экспериментальной работы, разработка и внедрение авторских программ, выполнение программ углубленного и расширенного изучения предмета; проведение уроков высокого качества (3); применение на уроках наглядных материалов, информационных технологий; использование в образовательном процессе здоровьесберегательных технологий (физкультминутки).

Из курса педагогики известно, что основной формой учебной работы в школе является урок. Здесь учитель реализует триединую дидактическую цель, включающую в себя обучение, воспитание и развитие.

Он должен в совершенстве владеть своими управленческими функциями: аналитической и диагностической; целеполагания и планирования; организаторской; учета и контроля; коррекции, регулирования и корригирования. В течение всего курса обучения школьника по своему предмету он должен применять такие формы, методы, приемы, способы и средства обучения и воспитания, которые обеспечат качественное, доступное образование на уровне требований государственного образовательного стандарта.

Особое внимание в период модернизации деятельности школы и учителя будет сосредоточено на применении в целостном педагогическом процессе передовых информационных технологий.

К примеру, программа учебно-методического комплекса «Кирилл и Мефодий» позволяет развивать сложившуюся индивидуальную систему учителя. Он может создавать уроки в рамках любой педагогической технологии. Появляется уникальная возможность взаимодействия внутри электронной образовательной среды между субъектами образовательного процесса. На уроке, тщательно спланированном, можно поддерживать связь между учителем и учеником и между учениками.

Индивидуальные и групповые занятий, консультации, собеседования с обучающимися**.** Показателем деятельности, как и предполагает концепция модернизации образования, является индивидуализация образования. Учитель просто «обречен» обеспечить педагогическое сопровождение каждого школьника. А по большому счету – психолого-педагогическое, медицинское и социальное сопровождение (8).

Широкие возможности для реализации этой цели предоставляет базисный учебный план (в части профильного и углубленного изучения предметов). Элективный курс непосредственно направлен на индивидуальное изучение предметов. Современный выпускник ВУЗа обязан быть готовым к проведению индивидуальных и групповых занятий, консультаций, собеседований.

Жизнь выдвинула перед ним требования: уметь составлять, вместе с учеником, «карту развития» (или дорожную карту); составлять и реализовывать график индивидуальных и групповых консультаций, собеседований; осуществлять подбор тем консультаций и собеседований по актуальным проблемам.

Применение учебно-методического комплекса «Кирилл и Мефодий» так же, как и при проведении урока, создает дополнительные возможности для организации индивидуальных и групповых занятий. Причем использование Интернет-сети помогает ученикам находить различные варианты ответов на индивидуальные и групповые задания.

Особо отметим умение планировать свое рабочее время и учебное время обучающегося. Учитель, испытывающий затруднения в организации своей собственной деятельности, не может научить этому ученика! (3). И учитель, и ученик, обязаны иметь ежедневный, еженедельный план работы, иметь дневник на каждый учебный год (по опыту немецких школ).

В содержание педагогической работы предметника включены **занятия по ликвидации пробелов в знаниях** школьников. Показатель: отсутствие неуспевающих и запущенных в педагогическом отношении учащихся в классе.

Алгоритм деятельности учителя по этому направлению: постоянный мониторинг познавательной грани деятельности обучающихся (по программе Б.И. Канаева); выявление пробелов в знаниях учеников (по теме, разделу); организация дополнительных занятий (в т.ч. перечисленных в предыдущем пункте индивидуальных и групповых консультаций и т.д.) организация работы в парах, закрепление за обучающимися, имеющими пробелы в знаниях, более сильных учеников, использование др. методик (в т.ч. и с использованием компьютерной техники) (7).

Занятия с детьми с повышенной мотивацией также включены в еженедельную педагогическую нагрузку педагога. Показатель: подготовка призёров и лауреатов олимпиад, конкурсов, участников конференций различного уровня («Шаг в будущее», «Медвежонок», «Кенгуру», «Золотое руно» и др.). В этих целях осуществляется диагностирование, выявления качества знаний детей (по Т.И, Шамовой): находящихся на репродуктивном уровне; находящихся на конструктивном уровне; находящихся на творческом уровне.

В школе организуется деятельность учителей-предметников по индивидуальному педагогическому сопровождению детей – на основе их повышенной мотивации (перевод детей, изначально находящихся на пониженном уровне на более высокий уровень знаний: с репродуктивного – на конструктивный; с конструктивного – на творческий).

С введением новых условий оплаты труда стало возможным раннее выявление одарённости детей и поддержание её в режиме развития (4), а также использование инновационных форм работы с детьми, имеющими повышенную мотивацию: дистанционного образования, «виртуальных школ», заочных олимпиад, « малых академий» и школ для одарённых детей при ВУЗАх.

Экскурсии и другая внешкольная работа с детьми также включены в должностной регламент учителя. Показатель: высокое качество подготовки и проведения внешкольной работы с детьми, направленной на повышение интереса к учёбе в школе и самообразованию школьников.

Учитель обязан разработать и утвердить на заседании методического объединения тематику познавательных экскурсий; экскурсионные маршруты. Будет логичным привлечение к их разработке детей и их родителей (с последующим утверждением на заседании управляющего совета школы: в пределах образовательного пространства школы; в образовательном пространстве региона; внутри страны; за рубежом.

Разработка содержания экскурсий (с возможным участием других учителей-предметников, а также коллег – членов районных (городских) методических объединений по предметам), организация заочных «путешествий в мир знаний» значительно разнообразят содержание педагогической работы с детьми.

К внеурочной работе по предмету отнесены предметные недели, олимпиады, марафоны, научно-исследовательская работа с обучающимися и т.д. Показатель: организация и проведение на высоком уровне мероприятий, повышающих авторитет и имидж школы у учащихся, их родителей, общественности и всего окружения школы. Массовость участия детей и их родителей в организуемых учителем и школой мероприятиях. В этих целях мы рекомендуем молодому коллеге осуществить разработку содержания предметных недель, олимпиад, марафонов, научно-исследовательской работы (9), взять на себя организацию предметных недель, олимпиад, марафонов, научно-исследовательской работы (10).

Количественным показателем совместной деятельности учителя и ученика, как и требует Концепция модернизации образования, станет количество школьников-призёров и лауреатов школьных, районных (городских), областных, Российских и международных олимпиад. Качественные же показатели – отражение успехов учителя и учеников в ежегодном публичном докладе директора школы (11). К ним можно отнести участие обучающихся в программе «Шаг в будущее», в конкурсах по математике («Кенгуру»), русскому языку («Медвежонок»), истории («Золотое руно») и других.

Говоря о повышении качества преподавания школьных предметов, разработчики новой системы оплаты труда позаботились и о качественной **замене уроков**. Показатель: организация и проведение замещаемых учителем уроков на высоком организационно-методическом уровне. Высокий уровень исполнительской дисциплины. При этом мы имеем

ввиду использование результатов уровня знаний обучающихся, выявленного в ходе постоянного мониторинга (например, по программе Б.И. Канаева «Результат педагогического процесса») (12); составление поурочных планов, для тех классов, в которых учителем замещаются уроки; своевременное оформление классных журналов.

К педагогической работе отнесена организация **тестирования,** приём **зачётов, экзаменов,** проведение **аттестации обучающихся,** проведение **экзаменационных консультаций.** Показатель: умение осуществлять на высоком уровне объективный контроль и анализ познавательной деятельности обучающихся (13). Сюда мы отнесли работу по подготовке к проведению единого государственного экзамена (ЕГЭ), изучение контрольно-измерительных механизмов (КИМов), используемых в текущем учебном году при поведении ЕГЭ; разработку, апробацию и утверждение тестов, вопросов к зачётам и экзаменам, аттестации; выявление наличия и размещение (при необходимости) в школьной библиотеке КИМов, тестов по учебным предметам (для каждого класса); ознакомление с содержанием вопросов к зачётам, экзаменам и аттестации обучающихся, их родителей и учителей – классных руководителей (в том числе и через средства массовой коммуникации); подготовку и организацию самоаттестации обучающихся по изучаемому предмету, а также соучастие в составлении и исполнении графика экзаменационных консультаций и экзаменов.

Вслед за педагогической работой в содержание деятельности современного учителя-предметника включена ***организация педагогической деятельности.*** Её критерий: высокий уровень самоорганизации педагогической деятельности со стороны учителя-предметника как активного субъекта деятельности. К примеру, путём **участия в работе педагогического совета.** Показатель: активность члена педсовета (подготовка вопроса на заседание педсовета, участие в обсуждении вопросов, выносимых на заседания, принятие участия в подготовке и выработке проектов решений, а также в их реализации) (5). Алгоритм деятельности учителя: 1) Наработка собственной технологии, необходимой для реализации авторского содержания обучения и воспитания в рамках преподаваемого предмета, класса. 2) Подготовка выступлений на заседания педсовета о достигнутых уровнях педагогической технологии: отдельных видов деятельности; формирования понятий; воспитания отдельных качеств личности; урока, отдельных мероприятий; усвоения новых знаний; повторения и контроля материала; самостоятельной работы и др.(3; 5). 3) Подготовка материалов с использованием идей передового педагогического опыта о повышении педагогического мастерства. 4). Осуществление самоанализа педагогической деятельности, раскрытие своей индивидуальности. 5). Обобщение материалов о результатах педагогической деятельности к ежегодному публичному докладу директора школы.

Участие в работе семинаров, совещаний и планёрок оценивается в баллах, также, как и в работе педагогического совета школы. Показатель: активное участие педагога в методических семинарах и совещаниях, уровень исполнительской дисциплины (3). Учитель-предметник готовит, вместе с другими коллегами, информацию на семинары, совещания и планёрки: об образовательной, воспитательной, развивающей и педагогической защитной деятельности; о выполнении стандартов образования; о системе работы по развитию творческой активности; о выполнении других обязанностей как учителя школы (6).

Участие в дежурствах по школе становится обязательным. За некачественное исполнение этих обязанностей педагог несёт ответственность. Показатель: качественное исполнение положений Устава школы обучающимися и «Правил для учащихся», распорядка дня. В должностные обязанности включено поддержание дисциплины и порядка в школе; организация выполнения правил пожарной и иной безопасности в период дежурства; действия по сигналам ГО в период чрезвычайных ситуаций.

В содержание оргпеддеятельности входит и **работа с родителями.** Показатели: организация и качественное проведение мероприятий, повышающих авторитет и имидж школы у учащихся, родителей, общественности. Снижение частоты обоснованных обращений учащихся, родителей, педагогов по поводу конфликтных ситуаций и высокий уровень решения конфликтных ситуаций.

Считаем целесообразным производить оценку использования в работе учителя традиционных и инновационных форм: коллективных и индивидуальных (3). Коллективных форм: педагогического лектория; научно-методического лектория; родительских собраний (проводимых по традиционной и нетрадиционной форме); «родительских дней» (школьно-

го и классных). Индивидуальных форм: посещение семьи; проведение консультаций, бесед; совместное с ребёнком и родителем составление индивидуального плана развития ученика.

В новых организационно-педагогических условиях **посещение уроков других учителей** стало обязательным для современного учителя-предметника. Показатель: внедрение идей из передового педагогического опыта коллег в ходе личной педагогической деятельности как учителя-предметника. Мы рекомендуем ему включить в личный план педагогической деятельности в школе дату и цель посещения уроков коллег. После уроков – анализ посещённых уроков вместе с коллегой и саморефлексия по результатам взаимопосещения. Кроме того, профессионально-педагогическая этика предусматривает приглашение на свои открытые уроки других коллег – членов методических объединений и членов педагогического и управляющего советов школы. Учитель обязан оформить запись по результатам анализа и саморефлексии в журнале взаимопосещения уроков. И, как результат этого вида деятельности, осуществлять внедрение идей и достижений передового педагогического опыта учителей своей и других школ в целостный педагогический процесс (3).

Считаем очень важным включение в содержание организационно-педагогической деятельности школьного педагога такого раздела, как **самообразование и повышение квалификации.** Показатели: внедрение в практику своей деятельности личного плана работы и дневника учителя на учебный год; выполнение плана работы по самообразованию и самообразованию и повышению квалификации на краткосрочный и среднесрочный период; включение в процесс непрерывного образования. В результате учитель-предметник обязан продемонстрировать: самостоятельное овладение совокупностью педагогических ценностей, технологий, творчества (3); самостоятельное овладение совокупностью педагогических и специальных знаний, овладение основами научной организации труда; повышение общей культуры. Учитель самостоятельно осуществляет изучение проблем общения, модульное обучение, обучение в школах нового типа: гимназиях, лицеях, школах с углубленным изучением предметов, профильных школах; изучение: проблем психолого-педагогического и социального сопровождения учащихся школы в условиях индивидуализации обучения; проблем, связанных с формированием научного мировоззрения учащихся, их духовной культуры, гражданского воспитания и др.

Повышение квалификации и переподготовка учителя – важные показатели организации системы непрерывного образования учителя-предметника. Показатель: повышение научно-методического уровня и профессионального мастерства. В свою деятельность учитель органично включает организацию системы непрерывного образования непосредственно в школе, путём участия в научно-методической работе. В план работы включает участие в деятельности территориальных методических объединений школ, образовательных центров, а также в системе повышения квалификации и переподготовки учителей.

Новым направлением в содержании деятельности стала оплачиваемая ***работа учителя по подготовке и обеспечению учебного процесса***. Её критерий: высокий уровень самообеспечения учебного процесса. В первую очередь сюда отнесли **проверку письменных работ**. Хотя этот вид деятельности когда-то и был оплачиваемым, но в последние годы этой проблеме стало уделяться всё меньше и меньше внимания. Показатель: проверка письменных работ учащихся в установленные сроки, установленные нормативными документами (по отдельным учебным предметам).

При этом учитель должен обеспечить своевременное и качественное проведение проверок письменных работ (рабочих тетрадей, тетрадей для самостоятельных, лабораторных и контрольных работ и др.); оценивание проверенных работ и выставление отметок; использование результатов проверок в повседневной работе (в т.ч. для выявления отстающих учащихся и детей, требующих повышенного индивидуального педагогического внимания).

Подготовка к урокам (3) также стала оплачиваемым видом деятельности предметника. Показатели: осуществление тематического и поурочного планирования, учитывающего качество знаний учащихся каждого класса; высокий уровень владения методикой преподавания предмета. Соответственно, повышается и уровень требований к учителю и уровень его ответственности за качественную подготовку. К примеру, обязательно наличие календарно-тематического плана. Администрация школы вправе проверить подготовку учителя к уроку и осуществление его планирования.

За учителем остаётся его неприкосновенное право: выбора рациональной структуры урока и определения его композиционного строения; чёткого планирования материала урока; планирование работы учащихся на уроке; планирование своей работы на занятии; составления подробного поурочного плана (объём и форма жёстко не регламентируются). И, наконец, осуществление саморефлексии после проведения урока и коррекция учебного материала (при необходимости).

Методическая работа со стороны педагога теперь рассматривается организаторами системы образования **в качестве фактора повышения педагогической культуры (3).** Показатели: степень мотивации учителя в ходе самообразования через участие в методической работе; участие учителя в работе конференций, работе семинаров, методических объединений учителей-предметников). Какие цели реализуются при этом: повышение уровня теоретической (предметной) подготовки учителя; организация работы по изучению новых образовательных пограмм (в т.ч. и углубленного или профильного изучения предметов) при работе в таких классах; вариантов учебных планов, изменений в ГОСах (государственных образовательных стандартах); обогащение новыми педагогическими технологиями, формами и методами обучения и воспитания; организация работы по изучению новых нормативных документов, инструктивно-методических материалов; оказание научно-методической помощи другим учителям на диагностической индивидуализированной основе; оказание опытными учителями консультативной помощи молодым учителям (стажёрам) в организации педагогического самообразования; участие в работе научно-методического совета школы, предметного МО, школы передового педагогического опыта, школы молодого учителя, проблемных инновационных групп; участие в педагогических чтениях, творческих отчётах.

Работа в учебных кабинетах включена в содержание оплачиваемой деятельности школьного учителя, что, безусловно, должно положительно повлиять на повышение качества образования в современной школе. Показатель: образцовое содержание кабинета. Какие же требования предъявляются при этом к современному учителю? Во-первых, это выполнение учителем-предметником требований к оснащению и оборудованию кабинетов (6). Составление плана работы кабинета на учебный год. Во-вторых, использование современных средств обучения (в т.ч. и ИВТ) и их дидактических возможностей в повышении качества образования. В-третьих, соблюдение учителем и обучающимися правил и норм охраны труда, требовании правил техники безопасности и противопожарной защиты. В-четвёртых, использование оборудования кабинета для осуществления личной научно-исследовательской работы по предмету и индивидуального педагогического сопровождения обучающихся.

Таковы основные направления деятельности учителя, за исполнение которых, в соответствии с концепцией (2), предполагается оплата труда на штатно-окладной основе. Что и потребовало изменения норм и режима работы учителей с учетом выполняемых ими функций.

Разработанные нами критерии и показатели деятельности учителя позволят начать подготовительную работу к переходу, в контексте модернизации системы российского образования на период до 2010 года, не только на новые условия оплаты труда, но и на иное содержание деятельности школьного учителя (14).

Список литературы

1. Новая схема нормирования рабочего времени учителя //Вести образования 15 – 31октября 2006 № 20(68). С. 9 – 10

2. Концепция модернизации российского образования на период до 2010 года / Вестник образования России № 6/02. С. 11 – 40

3. Сластёнин В.А. Педагогика: Учеб. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений / В.А. Сластёнин, И.Ф. Исаев, Е.Н. Шиянов; под ред. В.А. Сластёнина. 3-е изд., стереотип. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 576 с.

4. Хуторской Д.В. Развитие одарённости школьников: Методика продуктивного обучения; Пособие для учителя. М.: гуманит. изд. Центр ВЛАДОС. 2000. – 320 с.

5. Педагогические советы (разработки, подготовка и технологические схемы, традиционные и нетрадиционные формы проведения) Вып. 1. (Сост. Л.И. Сыромятникова). – Волгоград; Учитель, 2006. – 157 с.

6. Недвецкая М.Н. Нормативно-правовые основы деятельности работников общеобразовательных учреждений: Учебно-методическое пособие. – М.: АПК и ППРО, 2005. – 116 с.

7. Томчак С. Новые технологии в школьной жизни // Родной край. 18 апреля 2007. С. 2.

8. Холод В.Л. Социально-педагогическая защита детей в воспитательном пространстве региона: Практико-ориентированная монография / В.Л. Холод. – М.; Белгород: Изд-во БелГУ, 2005. – 268 с.

9. Полоскин А.В. и др. Подготовка к письменному туру олимпиады (вопросы и ответы) / Методические материалы. Изд-во ГОУ «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных». СПб, 2004. – 45 с.

10. Басс М.Г. и др. Комплексная весенняя полевая практика. Вып. 2. Изд-во ГОУ «Санкт-Петербургский городской Дворец творчества юных». СПб, 2004. – 63 с.

11. Андреева В.В., Кувшинова Е.Б., Куликова Л.В. Средняя школа № 36, г. Владимир (ежегодный публичный доклад директора). Владимир, 2006. – 24 с.

12. Канаев Б.И. Результат педагогического процесса: Практико-ориентированная монография / Под ред. Т.И. Шамовой. Москва – Тольятти, 1998. – 291 с.

13. Шишов С.Е., Кальней В.А. Мониторинг качества образования в школе. – М.: Российское педагогическое агентство, 1998. – 354 с.

14. Содержание деятельности учителя современной школы: учеб методическое пособие / авторы-составители В.Л Холод, А.В. Холод, О.А. Герасименко; под ред. доц. В.Л. Холода. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2009. 298 с.

MAINTENANCE OF READINESS OF THE TEACHER TO ACTIVITY IN CONDITIONS OF MODERNIZATION OF THE RUSSIAN EDUCATION

V.L. Kholod

Belgorod State University

e-mail: holod@bsu.edu.ru

The major object of this article is the providing of a teacher's readiness for professional activity under condition of modernization of Russian system of education due to the new system of remuneration of labour. The first thing of importance here is the teacher's providing of individual tutoring of the pupil. But the teacher's activity will be tutored too, not only by the school administration, but by the governing Council.The author of the article, as the scientist and the practice, offers to the pupil the algorithm of the activity under new conditions (based on the pedagogical knowledge acquired in the higher educational establishment). Knowing the criteria and indexes of the pedagogical activity, it'll be easier for the teacher to be adapted to school and to provide not only the higher quality of pupil's knowledge, but his own career promotion.

Keywords: teacher's activity, criteria and indexes, modernization, individualization.

УДК 373.3/.5.016:78

ОБЩИЕ МЕТОДЫ И ФОРМЫ ОРГАНИЗАЦИИ МУЗЫКАЛЬНОГО ВОСПИТАНИЯ

О.В.Михайличенко

Сумский государственный педагогический университет им А.С. Макаренко

e-mail: olegis@meta.ua

Проблема методов и организационных форм воспитания считается достаточно разработанной в педагогике. Между тем, это одна из важнейших проблем теории и методики организации воспитания учащейся и студенческой молодежи. В статье раскрываются особенности методов и форм организации музыкального воспитания. Автор проводит историко-педагогический анализ существующих подходов к классификациям методов и форм воспитания, и на его основе разрабатывает авторскую классификацию с учетом специфики музыкального воспитания. Обобщая теоретические разработки в российской и украинской педагогике, основываясь на опыте практической деятельности педагогов-музыкантов в России и Украине, автор раскрывает специфику применения методов и форм музыкального воспитания.

Ключевые слова: музыкальное воспитание, формы и методы музыкального воспитания, классификации форм и методов воспитания, проблема методов воспитания в истории педагогики.

Определение методов и форм организации музыкального воспитания в истории развития музыкальной педагогики имеет субъективно произвольный характер. Авторы, которые давали определение этим категориям, старались объяснять свои методические действия словами, которые чаще всего не имели чёткого научного терминологически-семантического обоснования. И это не удивительно.

Российский театральный классик К.С. Станиславский, который впервые разложил "по полкам" процесс обучения актерскому искусству отмечал: "Об искусстве нужно говорить и писать просто, понятно. Мудреные слова пугают ученика. Они возбуждают мозг, а не сердце. От этого в момент творчества человеческий интеллект вытесняет артистическую эмоцию с её подсознанием, которым отведена значительная роль в нашем направлении искусства.

Но говорить и писать «просто» о сложном творческом процессе трудно. Слова слишком конкретны и грубы для передачи неуловимых, подсознательных ощущений".(10).

Это объясняет то, что, давая определение некоторым понятием воспитания и обучение искусству, авторы использовали терминологию, которая бытовала в практике их творческой деятельности. Такой подход приводил к тому, что формы организации и методы воспитания и обучения при их теоретическом определении приобретали тождественное значение, а иногда смешивались с видами художественной деятельности.

Что касается процесса музыкального воспитания, то общности в теоретических определениях методов музыкального воспитания до сих пор нет.

Например, российский теоретик эстетического воспитания **Лихачев Б.Т.** в общем художественном воспитании детей выделяет три основные группы методов: а) практическое обучение; б) эстетическое оптимальное восприятие; в) художественно-творческая деятельность (6). В этом мы усматриваем терминологическую некорректность, так как процессы обучения и воспитание в педагогической науке рассматриваются отдельно и имеют свои четко определённые методы.

Авторы одного из последних российских пособий "Теория и методика музыкального воспитания" **Халабузарь П.В.** и **Попов В.С.** считают, что музыкальное воспитание осуществляется исключительно в формах музыкальной деятельности: а) слушание музыки; б) практическая творческая деятельность (исполнительство); в) учебная деятельность (музыкальная грамотность); г) общественно-полезная деятельность, которая выражается активной пропагандой музыкального искусства (11). Это утверждение вообще отмечается глобальным подходом, который охватывает весь учебно-воспитательный процесс, где смешивается в одно и музыкальное обучение, и музыкальное воспитание.

Более четкое теоретическое определение, на наш взгляд, имеет характеристика методов музыкального воспитания, которая сформулирована исследовательницей проблем музыкального воспитания детей младшего возраста **Ветлугиной Н.А.** Эта характеристика сводится к их определению на основе общей педагогики, а именно: а) методы убеждения средствами музыки; в) методы приучения и упражнения (7). Такой подход имеет научно-

теоретическую основу и дает возможность дальнейшего детального обоснования методов на основе главных положений теории воспитания.

Известная профессор **Апраксина О.А.** избегает теоретических обоснований и предлагает в организации музыкального воспитания школьников опираться на систему, которая включает: воспитание у школьников интереса и любви к музыке, необходимости общения с ней; обучение разным видам музыкальной деятельности; развитие музыкально-творческих способностей; образование, которое предусматривает знакомство с лучшими образцами мировой музыкальной культуры (2).

Авторы **Дмитриева Л.Г.** и **Черноиваненко Н.М.** разделяют методы музыкального воспитания на три подгруппы: методы стимулирования музыкальной деятельности; методы эмоционального влияния; методы сравнения (4). Такая характеристика включает только определенную часть музыкально-воспитательной деятельности, которая не в полной мере предусматривает формирование навыков музыкально-творческой практической деятельности учеников, которая является составной частью музыкальной воспитанности личности.

Известный украинский методист, профессор **Ростовский А.Я.** определяет основные методы музыкального воспитания на основе закономерностей музыкально-образовательного процесса, которые в свое время выдвинул Кабалевский Д.Б.: а) воспитательное влияние музыки возможное только тогда, когда дети учатся по-настоящему слышать её и раздумывать над ней; б) эстетическое влияние музыки на духовный мир ученика возможный только тогда, когда музыкальное произведение приносит ему художественное наслаждение (8). Такой подход раскрывает перспективу субъективного (творческого) определения и применения методов музыкального воспитания, исходя из конкретного содержания музыкального материала, который предлагается ученикам для ознакомления и изучения.

В профессиональном музыкальном обучении **Полянский Ю.А.** предлагает комплексный метод воспитания и обучение музыканту, где понятию метод рассматривается как совокупность действий преподавателя, построенных на объективных способах познания и превращение действительности в процессе обучения и воспитания (5). Такое определение включает широкий круг основных категорий музыкального обучения и воспитания и претендует на отдельную методику подготовки музыканта определенного уровня.

Более творчески предлагает подходить к выборам методов воспитания будущих музыкантов **Баренбойм Л.А.** Во-первых, в музыкальном воспитании и обучении он отстаивает необходимость преодоления противоречия между эстетическими (художественными) принципами и выбором методов музыкального обучения и воспитания. Он отмечает: "Нередко методы работы педагога находятся в противоречии с его художественными установками. Если, например, он ставит своей задачам воспитаться исполнителя, который сможет свободно и импровизационно передать поэтический образ музыкального произведения, но при этом "натаскивает" ученика, заставляя его механически копировать свое исполнительство ("играй, как я"), то между художественным идеалом и методами создаются непреодолимые противоречия" (3).

Во-вторых – в профессиональной подготовке музыканта Баренбойм Л.А. определяет необходимость воспитания качеств творческого представления и эстрадного самочувствия.

В общем музыкальном воспитании он предлагает применить так называемый "элементарный музыкальный комплекс", который включает в себя пять основных компонентов: переживание музыки; музыкальный слух; чувство музыкального ритма; умение сосредоточенно "наблюдать" по течению музыки; привычки и умение читать музыку (3). Из этого нужно сделать вывод, что формирование указанных качеств Баренбойм Л.А. относит к сфере формирования музыкального сознания (мышления), что в свое время отмечали Б.В. Асафьев и Б.Л. Яворский.

Несколько необычный подход к определению теоретических категорий музыкально-педагогического процесса осуществляют **Абдуллин Э.Б.** и **Николаева Е.В**. в своем учебнике «Теория музыкального образования» (1). Во-первых, понятие музыкальное образование они рассматривают субъективно, не придерживаясь основных положений основ классической теории педагогики. Образование – это процесс и результат обучения, воспитания и формирования личности. Образование по отраслям производства, в том числе и музыкальное, в конечном счете, может быть элементарным, средним, специальным, высшим и т.п.

Поэтому формы его организации определяются внешними характеристиками процесса его получения – дневное, вечернее, заочное и др. Авторы в качестве основной формы музыкального образования считают уроки музыки, хотя в общей педагогике уроки являются основной формой организации исключительно школьного обучения или видом учебных занятий.

Не совсем корректно выделены в отдельную главу упомянутого учебника «методы музыкального образования». Такого понятия в теории музыкальной педагогики вовсе не может быть. Категория «метод» в классической педагогике относится исключительно к конкретным ее разделам – теории воспитания, теории обучения (дидактика), другим, а не к образованию в целом. Поэтому методы обучения и методы воспитания в музыкальной отрасли следует рассматривать раздельно, т.к. они имеют разное предназначение. Как теоретические категории, они представляют собой взаимодействие учеников (воспитанников) и учителей(воспитателей), в результате которого в *музыкальном обучении* происходит передача и усвоение музыкальных знаний, умений, навыков, а в *музыкальном воспитании* – формирование сознания (мировоззрения), личностных музыкальных качеств, развитие музыкальных способностей учеников (воспитанников).

Наш подход к определению и классификации методов музыкального воспитания имеет общий педагогический характер и охватывает теоретическую и практическую стороны воспитательного процесса.

Общие методы музыкального воспитания следует разделять согласно современным педагогическим требованиям следует условно разделить на такие группы:

а) методы формирования музыкально-эстетического сознания;

б) методы организации музыкально-эстетической деятельности и формирования опыта практического музыкального творчества;

в) методы стимулирования практической музыкальной деятельности;

г) методы музыкального самовоспитания.

Рассмотрим эти группы раздельно.

Методы формирования музыкально-эстетического сознания

Эта группа методов предусматривает совокупность взаимодействий преподавателя и студентов (учеников), во время которых осуществляется усвоение содержания музыкального материала на основе сознательного здравомыслящего и оценочного отношения к нему. Таким образом, формируется музыкальное сознание, которое определяет уровень музыкального развития и музыкально-эстетичные ценностные ориентации личности.

В практике осуществления работы по музыкальному воспитанию можно выделить конкретные методы формирования музыкально-эстетического сознания — **музыкально-эмоциональное влияние** и **убеждения**.

Музыкально-эмоциональное влияние – специально созданная, целесообразная организация жизнедеятельности участников воспитательного процесса, связанная с использованием образцов музыкального творчества, которые влияют на эмоционально-образную сферу мышления личности. К этому относятся – демонстрации и иллюстрации определенных музыкальных произведений (образцов), сопровождаемые яркими выразительными и изобразительными элементами, которые вызывают соответствующую положительную эмоциональную реакцию (переживание).

Музыкально-эмоциональное влияние может быть прямым и косвенным. Оно может быть направлено на пробуждение и стимулирование внутренней и внешней активности воспитанников.

Убеждение – действия преподавателя, направленные на формирование личностного отношения воспитанников к музыкальному искусству, в соответствии с которым возникает конкретное отношение к музыкальному произведению (образцу), которое избирается ими как единое и возможное в данных условиях. К ним относятся – склонение, внушение, разъяснение, объяснение, сравнение и т.п.

Каждый уровень музыкального образования и воспитания (элементарный, средний, высший) определяется общими критериями, которые характеризуют качества музыкального развития личности на разных этапах.

По утверждению известной украинской исследовательницы проблем эстетического воспитания профессора **Рудницкой О.П.**, критерии уровня сформированности музыкально-эстетического сознания личности определяются в процессе диагностики ее художественного развития в контексте проведения научно-педагогических исследований (8). Их можно условно разделить на три группы.

Первую группу представляют критерии ценностных ориентаций личности, направленных на общий художественно-эстетический кругозор. Для музыкального развития показателями развития этих ориентаций главнейшими есть такие:

- общая музыкально-эстетичная эрудиция учеников;
- наличие знаний в области музыкального искусства;
- частота общения с музыкальными произведениями;
- избирательность вкусовых предпочтений;
- стремление к самостоятельной музыкальной деятельности.

В **другую** группу входят критерии оценки личностью музыкальных произведений, которые характеризуют её способность к эмоциональному сопереживанию художественному образу, эмпатичному проникновению в замысел автора, умения анализа и интерпретации произведения.

Главными показателями оценочной деятельности выступают:

- адекватность эмоционального реагирования на музыкальное произведение;
- опыт определения содержательной сущности элементов музыкального языка;
- наличие и характер ассоциаций;
- обоснованность оценочных суждений;
- целостность и полнота постижения произведения;
- умение соотносить вербальную и исполнительскую интерпретации музыкального искусства.

К **третьей** группе относятся критерии самооценки своего эстетического отношения к музыкальному искусству. Эти критерии характеризуют склонность личности к самопознанию, творческой деятельности, ориентированной на самосовершенствование.

Главными показателями самооценки есть:

- готовность к самооценке своих художественных впечатлений;
- критичность оценки собственной подготовки к общению с музыкальным искусством;
- способность к осознанию имеющихся внутренних разногласий;
- стремление к самосовершенствованию;
- умение определять и планировать свое дальнейшее музыкальное развитие.

Ценностные ориентации, эстетичные оценки и самооценки тесно связанные между собой как целостное функциональное образование и в своей совокупности определяют общий уровень сформированности музыкально-эстетического сознания личности.

Методы организации музыкально-эстетической деятельности и формирование опыта практического музыкального творчества

Эта группа методов определяется прикладным характером и направлена на создание практических (деятельностных) ситуаций в процессе музыкально-воспитательной работы. Главной задачей музыкально-педагогических работников в реализации методов организации музыкально-эстетичной деятельности и опыта практического музыкального творчества выступает формирование у воспитанников повседневного стремления к практической музыкально-творческой деятельности.

К методам организации музыкально-эстетичной деятельности и формирование опыта практического музыкального творчества следует отнести: **приучение; упражнения**; **педагогическое требование**.

Приучение – взаимодействие между участниками музыкально-воспитательного процесса, во время которых происходит привитие воспитанникам навыков практической музыкально-творческой деятельности.

С первым опытом общения с музыкальным искусством преподаватели приучают учеников к практическому исполнению музыкальных произведений, участию в музыкальном самодеятельном творчестве, коллективных музыкальных мероприятиях.

В процессе профессионального музыкального обучения методы приучения реализуется в повседневном участии студентов (учеников) в музыкальной жизни учебного заведения – посещении и участии в концертах, лекториях, других мероприятиях, направленных на распространение и пропаганду музыкального искусства.

Упражнения – многоразовые повторения определенных музыкально-творческих действий (задач), целью которых являются закрепление и усовершенствование практических навыков музыкального исполнительства.

В практике музыкального образования исполнение упражнений чаще применяется в музыкальном обучении и составляет одну из решающих условий технической подготовки музыканта. Поэтому в музыкальном воспитании этот метод приобретает эффективность в сочетании с другим методом воспитания – убеждением.

Педагогическое требование – педагогически целесообразный, спланированный или импровизированный поступок воспитателя направленный на смену личностного поведения воспитанника или его отношения к своей деятельности.

В практике профессиональной музыкальной подготовки педагогическое требование есть одним из главных факторов определения и формирования характера творческой деятельности будущего музыканта. Педагогические требования могут быть связаны как с учебно-воспитательной работой, так и с повседневностью.

Например, будущим инструментальным исполнителям во время самостоятельных занятий над программой по специальности преподаватели ставят требование разыгрываться не упражнениями и гамами, а отрывками произведений, которые изучаются; вокалистам запрещают принимать участие во внеурочном и самодеятельном творчестве и т.п..

Формирование опыта практического музыкального творчества будущего музыканта тесно связано с общественностью. Поэтому в его музыкальном воспитании значительную роль сыграет общественное музыкальное мнение – состояние массового отношения разных групп людей к событиям и фактам музыкальной действительности. Зачастую оно выполняет консультативную и контрольную функцию, становится своеобразным экспертом уровня практического совершенства музыканта.

Общественное мнение – это взгляды и суждение преподавателей, коллег, товарищей, знакомых и других людей по поводу практической музыкально-творческой деятельности студента (ученика), что положительно или отрицательно влияет на процесс формирования его музыкально-практического опыта.

Поэтому общественное музыкальное мнение необходимо выделить в специфический метод формирования опыта музыкально-творческой деятельности будущего музыканта, который характеризуется объективным проявлением, не зависимым от характера и содержания музыкально-воспитательной работы.

Методы стимулирования практической музыкальной деятельности

Стимул в музыкальном воспитании — это специально организованное влияние на сознание, мотивацию, чувство и волю личности с целью повышения ее музыкально-творческой активности.

Стимулировать – означает побуждать к определенным действиям. Процесс стимулирования в общем значении можно рассматривать как движущую силу воспитания. С другой стороны – как совокупность специальных методов, которые применяются педагогом для создания ситуации побуждения личности к определенным действиям.

В качестве основного метода стимулирования в музыкальном воспитании становится **педагогическое требование**.

В свое время А.С. Макаренко разработал целую систему педагогических требований к детям, личности, коллективу. В его практической работе эти требования сыграли большую роль в формировании сознания и морального поведения его воспитанников.

В музыкальном воспитании форма требований имеет индивидуальный характер в зависимости от особенностей каждой личности: одному достаточно напомнить, намекнуть, другому необходимо высказать требование категорически.

Педагогическое требование может быть прямым (непосредственным) и опосредованным (косвенным).

Прямое требование выдвигается педагогом, как правило, декларативно, относится ко всем без исключений и подлежит соответствующему выполнению без всяких возражений.

Опосредованное (косвенное) требование в своем составе кроме прямого имеет рекомендательное или оценочное отношение преподавателя к деятельности ученика (студента) – это требование-совет, требование-намек, требование-просьба и т.п.

Другим методом стимулирования в музыкальном воспитании есть **соревнования**. Особенно этот метод приобретает значительную эффективность на начальном этапе формирования музыкальных качеств личности. Реализация его осуществляется в процессе участия студента (ученика) в разных конкурсах, показательных выступлениях, концертах и других мероприятиях, в которых он демонстрирует свои достижения в сравнении с другими.

В практике работы музыкальных учебных заведений метод соревнования применяется в проведении конкурсов на лучшее исполнение произведений отдельных композиторов, посвященных их юбилейным датам, академические концерты и прочее.

К методам стимулирования нужно отнести также **поощрение** и **наказание**.

Поощрение – моральное или материальное влияние на воспитанников, которое положительно характеризует их деятельность и побуждает к дальнейшему совершенствованию своих достижений.

Моральное поощрение может быть в форме одобрения определенных поступков и достижений, наград грамотами, дипломами, размещением портретов на досках наилучших студентов (учеников), другими отличиями.

К материальным формам поощрения принадлежат денежные вознаграждения, ценные призы и т.п.

Наказание — моральное, психолого-педагогическое влияние на личность, с помощью которого происходит коррегирование и коррекция поведения личности. Наказание вызывает неприятные переживания и чувство стыда за совершенные поступки или невыполнение общих принятых воспитательных требований. А.С. Макаренко образно называл это состояние "выталкиванием из общих рядов". При применении методов наказания необходимо придерживаться высокой объективности и учитывать индивидуальные особенности будущих музыкантов. Несправедливые наказания в музыкальном воспитании могут создать конфликтную ситуацию или привести к тому, что ученик (студент) может потерять веру в возможность овладения музыкальным искусством по причине недостатка музыкальных способностей.

К наказанию в музыкальном воспитании нужно отнести: замечания, претензии, отрицательные выводы и оценки деятельности.

Основным требованием к применению методов стимулирования практической музыкальной деятельности есть их комплексное применение.

Не целесообразно, например, строить воспитательный процесс исключительно на педагогических требованиях или на соревнованиях. Это, с одной стороны, может притупить творческий, инициативный подход личности к музыкальным занятиям. С другой стороны – это может развить нездоровый дух соперничества, что приведет к отрицательным моральным взаимоотношениям в коллективе и будет оказывать содействие развитию амбициозных отрицательных качеств будущего музыканта.

Методы музыкального самовоспитания

Общеизвестно, что самовоспитание – это процесс целенаправленной самостоятельной работы личности над совершенствованием своих личностных качеств.

Самовоспитание личности может осуществляться в интеллектуальной, морально-психологической и физической сфере. Оно приобретает характер самообразования, которое может быть организованной или спонтанной.

В процессе профессионального музыкального воспитания самовоспитания играет важнейшую роль. Ни один выдающийся музыкант, композитор не стал бы выдающимся без обучения и воспитания, но решающую роль в их становлении сыграло именно самовоспитание.

На основе общих известных психолого-педагогических определений методы музыкального самовоспитания можно условно поделить на подгруппы: **методы самопознания; методы самовоздержания; методы самопринуждения, творческие и эвристические методы.**

Самопознание – процесс определения своих музыкальных свойств в сравнении с требованиями, которые выдвигаются для определенного уровня музыкальной образованности. К методам самопознания относятся – сравнительное наблюдение за собой; самоанализ и сравнения себя с другими людьми – музыкантами более высокого уровня.

Самовоздержание – действия личности, направленные на ограничение или недопустимость отрицательных, не желательных поступков в своей деятельности. К методам самовоздержания нужно отнести самовнушение; самоотказ; самозапрет; самонаказание.

В практике профессионального музыкального воспитания методы самовоздержания могут реализовываться, например, в предотвращении участия в низкохудожественных музыкальных мероприятиях, не смотря на материальное вознаграждение, сдерживании себя от участия в так называемых "халтурных" выступлениях и т.п.

Самопринуждение – действия, направленные на совершенствование своих качеств свыше обязательных требований, которые выдвигаются перед личностью.

К основным методам самопринуждения необходимо отнести: соблюдение личного режима дня; выполнение личного плана самостоятельных занятий; обязательное посещение или участие в мероприятиях, связанных с будущей профессией.

Творческие и эвристические методы самовоспитания – это действия, направленные не на формальное, а на качественное, образцовое выполнение задач, добавление к ним своего личного творческого отношения. В воспроизведение каждого музыкального произведения, музыкальной фразы можно вложить своёнеповторимое звучание, свое открытие. Стремление к этому и является реализацией творческого или эвристического метода самовоспитания.

Но главным для будущего музыканта в самовоспитании есть соблюдения личного режима дня и добросовестное выполнение плана самостоятельных занятий.

Формы организации музыкального воспитания

Формы организации музыкального воспитания – внешние характеристики музыкального воспитательного процесса, которые предопределяются количеством его участников и видом музыкальной деятельности.

В музыкальном воспитании принято разделять такие формы его организации: **массовые; групповые (клубные); индивидуальные**.

Массовые формы организации музыкального воспитания, как правило, применяются в общественном воспитательном процессе. Они являются частью учебно-воспитательного процесса любого учебного заведения.

В общественной жизни массовые формы организации музыкального воспитания внедряются средствами массовой информации, разными творческими организациями, развлекательными учреждениями.

Массовые формы музыкального воспитания по степени их влияния на личность можно условно разделить на **активно действенные** и **пассивно действенные**.

Активно действенные формы нацелены на активное участие каждого участника. В практике – это массовые коллективные музыкальные мероприятия (совместное пение, музицирование, выполнение музыкально-ритмических упражнений, дискотеки и т.п.).

Пассивно действенные — это мероприятия, которые не предусматривают активного практического участия участников и направленные на репродуктивное восприятие музыкальных явлений. К ним относятся посещение концертов, музыкальных лекториев, просмотр и прослушивания телерадиопрограмм и прочие.

Групповые (клубные) формы организации музыкального воспитания отмечаются небольшим количеством участников, которых объединяет определенный музыкальный жанр

или тематика. В практике музыкальной работы наиболее популярными являются: клубы любителей старинной музыки, так называемые фан-клубы почитателей определенных исполнителей, любителей современных музыкальных жанров, течений и т.п..

Индивидуальные формы организации музыкального воспитания чаще применяются в профессиональной подготовке музыкантов и тесно объединяются с учебным процессом.

В практике – это индивидуальные занятия, во время которых рядом с учебными задачами решаются вопрос воспитательного плана:

- знакомство с особенностями творчества композитора, произведение которого изучается, эпохи, в которой он жил;
- анализ средств выразительности и изобразительности музыкального произведения;
- создание ситуаций оценно-критического и сравнительного характера разбора музыкального произведения и прочие.

Список литературы

1. Абдуллин Э.Б. Теория музыкального образования / Э.Б.Абдуллин, Е.В.Николаева. – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – 336 с.
2. Апраксина О.А. Методика музыкального воспитания в школе: Учебн. пособие. — М.: Просвещение, 1983. — С.54.
3. Баренбойм Л.А. Музыкальная педагогика и исполнительство. — М.: Музыка, 1974. — С.12.
4. Дмитриева Л.Г., Черноиваненко Н.М. Методы музыкального воспитания в школе. — М.: Просвещение, 1989. — С.3-10.
5. Дьяченко Н.Г. и др. Теоретический основы воспитания и обучения в музыкальных учебных заведениях / Н.Г.Дьяченко, И.А.Котляревский, Ю.А.Полянский. — К.: Муз. Украина, 1987. — С.22-33.
6. Лихачев Б.Т. Теория эстетического воспитания школьников: Учеб. пособие. — М.: Просвещение, 1985. — С. 136-142.
7. Методика музыкального воспитания в детском саду: Учеб. пособие / Под ред. Н.А.Ветлугиной. — 3-е изд., испр. и доп. — М.: Просвещение, 1989. — С.31-33.
8. Ростовський О.Я. Методика викладання музики в основній школі: Навч. посібник. — Тернопіль, 2001. — С.8-10.
9. Рудницька О.П. Педагогіка: загальна та мистецька. — Навч. посібник. — К.: АПН України, 2002. — С.251-258.
10. Станиславский К.С. Работа актера над собой. — М.: Искусство, 1951. — С.3.
11. Халабузарь П.В., Попов В.С. Теория и методика музыкального воспитания: Учеб. пособие. — 2-е изд., перераб. и доп. — СПб, 2000 – С.6-13.

GENERAL METHODS AND FORMS OF MUSIC UPBRINGING EDICATION

O.V.Mikhailichenko

Sumy State Pedagogical University named after A.S. Makarenro, Ukraine

e-mail: olegis@meta.ua

It is considered the problem of methods and organizational forms of upbringing has been developed in detail in pedagogy. In the meantime this problem is one of the most important in the theory and methods in organization of upbringing of students. The article examines the peculiarities of methods and forms of organization of music upbringing. The author performs the historicopedagogical analysis of the approaches to classifications of methods and forms of upbringing, and develops the own classification taking into account specific to music upbringing. The author defines the specific nature of using methods and forms of music upbringing by summarizing theoretical works in Russian and Ukraine pedagogy, basing upon practical activity of teacher-musicians.

Key words: music upbringing, forms and methods of organization of music upbringing, classification of methods and forms of upbringing, problem of upbringing methods in the history of pedagogy.

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.9:37.015.3

ТЕХНОЛОГИЗАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ЗДОРОВЬЕ ЛИЧНОСТИ

Н.И. Лифинцева

Курский государственный университет

e-mail: ninalifinceva@rambler.ru

В статье рассмотрены оптимальные возможности и психологические риски технологизации общего образования, включая начальное; раскрываются психологические последствия и опасности формализации образовательного процесса в начальном звене школы. Обозначаются некоторые подходы к решению проблемы предупреждения негативных последствий формализации образовательного процесса.

Ключевые слова: технологизация образования, психологические риски, «массовый человек», «психологическое здоровье личности».

В самом общем значении термин «технологизация» означает тенденцию к избыточному структурированию и формализации образовательного процесса в целом. Понятия «образовательные технологии», «педагогические технологии», «технологии обучения» и пр. прочно укоренились в педагогическом сознании. Потребность и необходимость технологизации образования вызвана кардинальными изменениями в жизни общества, усложнением информационного пространства, появлением новых информационных технологий. Мы живем в высокотехнологизированном обществе, в эпоху высоких технологий, и образование, в том числе и начальное, не может не испытывать на себе влияния общественного и культурного прогресса.

Следует заметить, что открытия в педагогике, по сути, несли в себе, кроме идей, именно технологическое их решение. Так, классно-урочная система – гениальное изобретение Я.А. Коменского – служит образованию и культуре уже пятое столетие и является высокотехнологичным педагогическим изобретением. Были и другие открытия. Можно назвать и созданную К.Д. Ушинским уникальную методику обучения родному языку как дару слова и реализованную им в учебных книгах, в частности, грамматике. В 20-ом веке были разработаны в не меньшей степени технологичные образовательные системы, содержащие вполне конкретное технологическое решение образовательных задач.

Современные информационные и образовательные технологии – это реальность. Высокая технологичность оптимизирует процесс обучения, освоения деятельностей, учебной деятельности, в частности. Недостаточная технологическая разрешенность различных аспектов образования отрицательно сказывается не только на знаниях, компетенциях, но и развитии личности обучающихся. В начальном образовании и практической психологии актуальными остаются проблемы: как вызвать у ребенка интерес к учению, чтению, как учить целеполаганию? Как развивать самоконтроль? Ждут своего технологического решения проблемы дифференциации обучения, реализации учебного диалога, учебного сотрудничества, организации учебной деятельности с использованием компьютерных систем и др.

В психологической практике разработаны технологии коррекции и развития способов межличностного взаимодействия, разрешения конфликтов, формирования социально-коммуникативных навыков, технологические аспекты работы с детьми «группы риска» (гиперактивными, тревожными). Они во многом продуктивны и оправдали себя на практике.

Вместе с тем тотальная технологизация образовательного процесса несет и определенные риски.

Риск нарушения целостности личности, целостности души развивающегося человека, что ведет к их деформации. Законов природы ребенка никто не отменял. Раскол между мышлением и чувством, разумом и переживанием приводит к тяжелым психологическим и духовно-нравственным потерям. Современная жизнь все более становится «технологичной», а человек – рациональным, прагматичным. Рациональное мировосприятие поддерживается и даже формируется современной системой образования, стратегической линией которого сегодня выступает компетентностный подход, утверждающий в качестве приоритетной функциональную грамотность.

Великие умы научной и философской мысли предупреждали об опасности тенденций «окорнать» человека. Русский философ И.А. Ильин, характеризуя социокультурную ситуацию первой половины XX столетия, с сожалением констатировал: «Человечество подошло к пропасти. Не замечая ее, воображая, что оно творит «новую культуру» ..., а на самом деле ...оно не заметило главного, а именно: *омертвения своего сердца и своей духовности*. ... То, что совершается в мире за последние полвека, есть *крушение нашей культуры*... Крушение это выражается, во-первых, в том, что она предоставила в своих собственных недрах сложиться, окрепнуть и победоносно выступить новому *духовному варварству*; во-вторых, в том, что она сумела противопоставить этому духовному варварству только *фальшивую цивилизацию, чувственное разложение и хозяйственную жадность*». Научные открытия и технические изобретения, подчеркивает философ, используются для «тотального рабства и бесчеловечнейших войн истории». Именно утрата духовного компонента («сердечного созерцания», духовного чувства, духовной предметности), по убеждению И.А. Ильина, есть источник зла, «отвратительных преступлений и хаоса».

Для современного образования весьма полезной, на наш взгляд, является и следующее напоминание философа: «При этом нельзя забывать, что в человеческой жизни есть такие реальности, которые воспринимаются, открываются и обогащают дух только через сердечное созерцание. Замечательно, что это именно те предметы, которые определяют смысл человеческой жизни, так что без них жизнь человека скудеет и мертвеет» (3).

Чуть позже другой корифей научно-философской мысли XX века Э. Фромм, описывая картину дегуманизированного общества 2000 года, пророчески предупреждает, что технологизация общества ведет к разрушению гуманистических традиций, суть которых заключалась в том, что «нечто следует делать, потому что это необходимо человеку для его роста, совершенства и разума, потому что это прекрасно, хорошо или верно». Человек технологического, индустриального общества становится пассивным, «не связывает себя с миром активно и вынужден подчиняться своим идолам и их требованиям». Он не обладает достаточным чувством целостности или самоидентичности. Кроме названных патологических особенностей, Э. Фромм отмечает и другие, а именно: все большее несоответствие интеллектуальной функции и аффективно-эмоционального переживания, раскол между мышлением и чувством, разумом и сердцем, истиной и страстью. Он подчеркивает, что логическое мышление не является рациональным, если оно имеет «чисто логический характер, не руководствуясь интересом к жизни и изучением всеобщего процесса жизни во всей его конкретности и со всеми его противоречиями» (параноидное мышление может быть чисто логическим). Однако психолог предупреждает, что и «эмоции могут быть рациональными». Рациональность в эмоциональной жизни, согласно Фромму, означает, что эмоции утверждают и помогают психической структуре личности поддерживать гармоничный баланс и в то же время способствуют ее усилению.

«Разум развивается при слиянии рационального мышления и чувства. Если эти две функции оторваны одна от другой, мышление деградирует до состояния шизоидной интеллектуальной деятельности, а чувства превращаются в невротические, мешающие жизни страсти. Разрыв между мышлением и аффектом приводит к болезни, вялотекущей хронической шизофрении, от которой начинает страдать новый человек технотронного века» (6).

В отечественной психологии представления о единстве аффекта и интеллекта развиты Л.С. Выготским Фундаментальные исследования в этом направлении проведены его последователем А.В. Запорожцем, который подтверждает, что «... при чрезвычайной подвиж-

ности и бесконечности степеней свободы человеческого интеллекта было бы жизненно опасным, если бы любая мысль, пришедшая человеку в голову, побуждала его к действию. Весьма существенно и жизненно целесообразно то, что чтобы приобрести побудительную силу, рассудочное решение должно быть санкционировано аффектом, в соответствии с тем, какой личностный смысл имеет выполнение этого решения для субъекта, для удовлетворения его потребностей и интересов». «Умные» эмоции А.В. Запорожец называет ядром личности (2).

Данные мысли и обобщения нам представляются чрезвычайно актуальными не только для современной образовательной практики, но и научной педагогики. Дело в том, что указанные тенденции весьма ощутимо сказываются во всех сферах общественной жизни, в том числе и образовании, которое становится все более прагматичным.

Риск утраты смыслов предметной деятельности, ориентация только на потребление в готовом виде, неприятие труда, как ценности и смыслообразующего фактора. Несформированность установки на собственное трудовое (умственное, волевое, физическое) усилие ведет к формированию «кнопочного сознания» и психологии потребителя. К сожалению, этот риск не всегда осознается субъектами образовательного процесса, о чем свидетельствуют некоторые публикации учителей и руководителей образовательных учреждений. Так, в одном из методических журналов для руководителей образовательных учреждений завуч подмосковного лицея, делясь опытом реализации инновационных технологий, подчеркивает, что в их лицее «все учащиеся начальной школы являются читателями, а точнее потребителями информации» («Управление качеством образования», 2008, №5, стр. 49). Следует понимать, что для школьника уже не актуально быть читателем, достаточно быть «потребителем информации».

Потребительская психология означает потребление всего – информации, достижений науки, техники, культуры. Сегодня ребенок осваивает без особого труда через подражание очень сложные технические орудия (компьютер, машины, различные технические устройства и пр.), не давая себе труда понять и употребить их «во благо». Возникает парадоксальная ситуация: ученик (студент) получает сложнейшее в технологическом значении орудие, результат напряженного труда лучших умов человечества, быстро научается пользоваться им, но это не приводит к его культурному обогащению, духовному облагораживанию. Напротив, нередко используется им (обучающимся) в самых примитивных целях.

Риск снижения порога чувствительности, восприимчивости к другому человеку, следствием чего является внутренняя душевная и духовная пустота.

Профанация культурного пространства, прагматизация (примитивизация) общественного и индивидуального сознания, усиление «стадности», проявляющейся в различных формах («омассовление» человека), – социально-психологические особенности современной реальности. У молодых людей (старшие школьники, студенты) снижается потребность в социально одобряемых образцах поведения. Так, по результатам проведенного нами эмпирического исследования потребность в социальном одобрении у студентов первого курса гуманитарного факультета выражена слабо, 78% испытуемых обнаруживают низкие суммарные показатели потребности в одобрении. Молодые люди не нуждаются в нравственных, социально одобряемых образцах, не стремятся походить на образец, да и не принимают такого образца. Обсуждение полученных результатов в группах студентов, с которыми проводилось исследование, подтверждает эмпирические выводы.

Об опасности формирования «массового» человека предупреждали такие корифеи научной и философской мысли, как К.Г. Юнг, Х. Ортега-и-Гассет и др.

Психологический портрет «массового» человека, который как никогда современен, психологически точно представлен испанским философом Х. Ортега-и-Гассетом в работе «Восстание масс». Современный «массовый» человек отличается двумя основными психологическими чертами, выступающими осью координат «массовой души». Это – «беспрепятственный рост жизненных запросов и, следовательно, безудержная экспансия собственной натуры» и – «врожденная неблагодарность ко всему, что сумело облегчить ему жизнь». Названные черты характеризуют душевный склад «избалованного ребенка», лишенного «понятий о своих пределах, начинающего верить, что все дозволено и ничто не обязательно, что существует только он, привыкает ни с кем не считаться, а главное – никого не считать лучше себя». Беспричинная свобода действий становится его природным состоянием, он не счита-

ется ни с кем, кроме себя, пока нужда его не заставит, полагает себя хозяином жизни, не нуждаясь в чем-то большем и высшем, чем он сам. Инертность, косность и нечувствительность души – коренные свойства массовой души.

Массовый (средний) человек – это особый тип человека, по определению Х. Ортега-и-Гассета. Его душа закрыта («закупорена»), неподатлива, «непробиваема» и самонадеянна. Такой человек ощущает себя совершенным и духовно завершенным, он не способен к перевоплощению, сопоставлению себя с другим. Его умственные способности и возможности высоки, но «это не идет ему впрок» и более того – побуждает к еще большей закрытости и нечувствительности. Он не способен слушать и слышать другого, все ответы находит в себе и присваивает право судить, решать, «изрекать приговор». И как следствие – неспособность к культурному сосуществованию, отказ от него и «откат к варварскому», к «одичанию» как разобщению людей. В человеческом общении упраздняется «воспитанность», словесность как «прямое действие» обращается в ругань, сексуальные отношения утрачивают свою многогранность (4).

Сегодня это становится реальностью, о чем свидетельствуют не только научные данные, но и современное художественное творчество, художественная литература, поэзия. В качестве иллюстрации обратимся к поэтическому творчеству молодых. Стихотворение «Кольцевая» Анны Русс, выпускницы Литературного института Им. А.М. Горького, лауреата премии «Дебют», премии «Открытая Россия», – красноречивое свидетельство психологического состояния молодых людей в большом городе. Стихотворение приведено полностью и в авторской редакции («Октябрь», 2008, №10, с. 71-72).

«Мы стоим и качаемся
Стоим и качаемся
Два плеера, черный и белый
Качаются между нами
Свободных поручней нет
Держимся друг за друга губами

Качается черный вагон
И мы качаемся в нем
И между нами плееры

Вынутые из-за пазух
Ты поцелуй прерываешь
Рот кулаком прикрываешь, зевая
Потерпи, дорогая
Следующая – кольцевая
Все выйдут, мы сядем,
Увидим небо в алмазах
Мы отдохнем

Нежность моя изнаночная
Щелочь моя лицевая
Как одиноко и страшно
Давай никогда не ссориться
Ты на губах у меня уснула
А у меня бессонница
Сплю по два часа в сутки
И, как правило, днем
Потерпи, дорогая
Люди черствы и нечутки
Но следующая – кольцевая

Все Встанут Выйдут Пойдут Поедут
эскалаторы пересадки остановки пробки

подземные переходы зебры
светофоры с цифрами и без
посты охраны и гибдд
проезды улицы переулки тупики
домофоны кодовые замки и дверные
лифты лестничные пролеты перила ключ
Мы Сядем и Отдохнем»

Дистинктивное поведение, стремление выделиться и привлечь к себе внимание, «быть крутым», произвести впечатление – последствия «омассовления» современного человека – начинают проявляться уже в дошкольном возрасте и устойчиво обнаруживаются в начальных классах школы, о чем свидетельствуют не только наблюдения, но и специальные исследования.

Современная наука дает «могучие» средства для удовлетворения потребностей растущего человека (специальные знания и практические навыки – технические, медицинские, правовые и даже психологические). Современное образование формирует научную картину мира, снабжает знаниями и компетенциями, средствами для того, чтобы жить полнее и «комфортней». При этом тем очевидней выступает «ущемленность» воспитания. Научный и технический прогресс не могут заменить воспитания. «В массу вдохнули силу и спесь современного прогресса, но забыли о духе. Естественно, она и не помышляет о духе, и новые поколения, желая править миром, смотрят на него как на первозданный рай, где нет ни давних следов, ни давних проблем» (4).

Современное образование, как центральная компонента культуры и, по сути, фактор становления «человеческого в человеке», его «очеловечивание», обращение к целостной личности не может «обойти» или «не заметить» эту проблему. Может ли образование противостоять «омассовлению» развивающегося человека, превращению его в «социальный планктон»?

Сегодня система СМИ агрессивно навязывает человеку мир как некую «препарированную» «картинку мира». Известно, что навязывание одномерного, утилитарного образа мира приводит к печальным последствиям прежде всего в отношении детства.

Для современной психологической и педагогической науки острую актуальность приобретают следующие вопросы. Может ли современное воспитание и образование научить развивающегося человека отражать навязываемый ему мир? Какую картину мира должна задавать ребенку школа? Как научить ученика делать собственный выбор, самостоятельно ориентироваться в условиях, когда навязываются образцы и эталоны мира, жизни и поведения?

Научное образование призвано сформировать научную картину мира у школьников, что является основной целью обучения в современной школе. Однако известно, что научное понимание мира не является изолированным от других способов его познания, которые во многих случаях оказываются приоритетными. К тому же наука никогда не могла дать окончательного ответа на вопрос, как устроен мир. Художественное, а также религиозное познание открывают его многомерность и глубину. Так, религиозные искания относительно человека, его природы и смыслов существования часто оказываются глубже и тоньше, нежели научные подходы и конструкции. Не случайно проблемы веры, религиозного сознания чрезвычайно важны были для крупнейших ученых мира, в том числе психологов и педагогов, что определяло не только их личную жизнь, но и построение научных концепций.

Возможно ли в науке и образовательной практике приближение к восприятию и поиску форм и путей взаимного соотнесения, взаимообогащения и гармонии научного, художественного и религиозного познания?

Известно, что наука и религия – разные сферы человеческой жизнедеятельности, имеющие разные основания, цели и методы. Но их гармоничное сочетание и взаимодействие – необходимое условие, во-первых, сохранения жизни на земле, а, во-вторых, – психического и нравственного здоровья человека и его духовного развития. Наука, развиваясь без нравственного, духовного роста человека, несет в себе огромную разрушительную силу. Сегодня эти разрушительные последствия проявляются в нарушениях психического и нравст-

венного здоровья детей и подростков, повышении тревожности и агрессивности, проявлениях фанатизма, «дистинктивного» поведения и пр.

В святоотеческой психологии накоплено значительное и глубокое психологическое знание о душе человека, его внутреннем мире, механизмах его духовного восхождения и нравственного распада, определены четкие критерии «добра» и «зла», нормы психического и нравственного здоровья, (здоровья души человека). Это знание достоверно, поскольку выверено опытом в течение двух тысячелетий.

«Цель святоотеческой психологии – исцелить человека от нравственных и духовных недугов (страстей), которые являются причинами всех бед человеческих» (5). Глубоко изучены и описаны в святоотеческом наследии понятия, раскрывающие глубины человеческой души и жизни духа. Это: «душа», «духовность», «вера», «разум», «любовь», «совесть», «свобода», «добродетель», «благочестие», «целомудрие» и др. Обращение к этому знанию психологов, ученых-педагогов, а также педагогического сообщества будет способствовать не только объяснению и пониманию проблем «самоопределения человека, осознания им своей Самости, идентичности и идентификации», но и формирования и развития здоровой личности развивающегося человека.

Нельзя обойти и слова В.И. Вернадского, который писал: «Не говоря уже о неизбежном и постоянно наблюдающемся питании науки идеями и понятиями, возникшими как в области религии, так и в области философии, – питании, требующем одновременной работы в этих различных областях сознания, необходимо обратить внимание еще и на обратный процесс, проходящий через всю духовную историю человечества. Рост науки неизбежно вызывает, в свою очередь, необычайное расширение границ философского и религиозного сознания человеческого духа; религия и философия, восприняв достигнутые научным мировоззрением данные, все дальше и дальше расширяют глубокие тайники человеческого сознания» (1).

Научная педагогика и особенно образовательная практика до настоящего времени испытывает значительные трудности в решении проблемы создания условий гармонизации веры и научного знания, научного образования. Между тем, создание таких условий возможно и необходимо. Источником развития мыслей и поиска технологических решений может стать обращение к нравственно-философской и научно-педагогической мысли прошлого.

Список литературы

1. Вернадский В.И. Научная мысль как планетарное явление. М., 1991.
2. Запорожец А.В. Избранные психологические труды. М., 1986. Т. 1.
3. Ильин И.А. Я вглядываюсь в жизнь. Книга раздумий. М.: Эксмо, 2007.
4. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс. М., 2003.
5. Осипов А.И. Путь разума в поисках истины. М.,1997.
6. Фромм Э. Революция надежды./ Перевод с англ.; Предисловие П.С. Гуревича. М.: Айрис-пресс, 2005.

TECNOLOGIZATION OF EDUCATION AND PSYCHOLOGICAL HEALTH IN EDUCATION OF PERSONALITY

N.I. Lifintseva

Kursk State University

e-mail: ninalifinceva@rambler.ru

The optimal possibilities and psychological risks of tecnologization in general education including primary one are revealed in the article. Psychological consequences and danger of formalization of educational process at the primary school stage are discovered. Some approaches to solving the problem of preventing negative consequences of formalization in educational process are denoted in the article.

Key words: tecnologization in education, psychological risks, “a crowd man”, psychological health of personality technical means, "logic" of psychological culture.

УДК 159.9:392.86

ЖИТЕЙСКИЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ АЛКОГОЛИЗМЕ: МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ И ВНУТРИКУЛЬТУРНЫЕ РАЗЛИЧИЯ

Е.А.Савина
Е.С.Гладких

Университет Джеймс Мэдисона, США, Орловский государственный университет

Городская больница им. С.П. Боткина, г. Орел

e-mail: esavina@uca.edu

В статье анализируются результаты конкретного эмпирического исследования, посвященного проблеме изучения межкультурных и внутрикультурных различий житейских представлений об алкоголизме у студентов России и США. На основе факторного анализа были выделены общие и специфические условия, определяющие отношение российских и американских студентов к алкоголю. Авторами проводится психологическая интерпретация результатов исследования, предлагаются пути профилактики алкогольной зависимости в молодежной среде.

Ключевые слова: житейские представления, представления о вреде алкоголизма в русских пословицах и поговорках, факторы, определяющие отношения человека к алкоголю, сравнительный анализ житейских представлений российских и американских студентов.

Проблема алкоголизма является одной из самых острых проблем современного российского общества. Хорошо известно, что алкоголь наносит существенный вред психическому и физическому здоровью человека, его благосостоянию и ведет к деградации личности. В последние десятилетия все более увеличиваются масштабы алкоголизма среди женщин, престарелых людей, детей, подростков и юношей (8).

Согласно современным представлениям, в формировании алкогольной зависимости принимают участие как конституциональные (биологические и психологические), так и социальные факторы. Эти факторы могут либо способствовать развитию зависимости от алкоголя, либо выступать защитным фактором в развитии этой зависимости. Например, низкий уровень потребления алкоголя в мусульманских странах может служить примером защитного влияния культуры от алкогольных проблем (10). Традиционно сложившийся тип отношения к алкоголепотреблению, разрешающий или запрещающий, во многом определяет вовлечение личности в алкогольные обряды и вносит коррективы в процесс формирования социокультурной алкогольной зависимости (5).

В российском обществе присутствует ярко выраженное амбивалентное отношение к алкоголизму. С одной стороны, общественное мнение осуждает алкоголизм. В течение долгого времени общество отрицало медицинский диагноз «алкоголизм» и стигматизировало людей, страдающих алкоголизмом. Хотя алкоголизм официально считался медицинской проблемой, общество рассматривало алкоголиков жертвами своих собственных действий. Например, люди, страдающие алкоголизмом и находившиеся на лечении в специальных учреждениях, не получали больничных листов (14). Существующие методы лечения алкоголизма базировались на страхе и обмане людей, страдающих алкоголизмом, и отрицали необходимость мобилизации интеллектуальных и мотивационных ресурсов самого человека, чтобы преодолеть алкогольную зависимость.

В то же время, в российском общественном сознании одобряется «культурное», умеренное потребление алкоголя (1). В повседневном сознании присутствует положительное отношение к свойству алкоголя улучшать настроение, а также к легкой степени алкогольного опьянения. Традиционный тост – «Ваше здоровье!» – отражает представления о том, что алкоголь имеет лечебное значение. В России издавна сложились алкогольные традиции и обряды, которые связывают принятие алкоголя с событиями жизненного цикла – рождениями, свадьбами, похоронами, праздниками, успехами, неудачами и др. В течение многих лет создавалась своеобразная «питейная процедура», согласно которой ни одно знаменательное событие, ни один день отдыха не должен проходить без потребления алкоголя. Отказ выпить может рассматриваться как недостаток уважение к человеку, который предлагает выпить («Если ты не выпьешь со мной, ты не настоящий друг»). Учитывая, что дружба имеет огромное значение в российской культуре, такие высказывания заставляют человека присоединиться к выпивке.

Долгое время алкоголизм рассматривался в рамках исключительно медицинской парадигмы. В последние десятилетия наметилась тенденция к психологическому исследованию этого явления, например, изучению психологических механизмов формирования алкогольной зависимости, а также особенностей личности человека, страдающего алкоголизмом (Б.С. Братусь (3), В.Ю. Завьялов (4), Т.А. Немчин, С.В. Цыцарев (7), К.Г. Сурнов (12)). Однако недостаточное внимание было уделено житейским представлениям об алкоголизме.

Важность изучения представлений об алкоголизме сегодня подчеркивается многими западными исследователями. Например, существует практика подбора психотерапевта к определенному клиенту на основе учета совпадений их представлений об алкоголизме (13). От способов объяснения алкоголизма, может зависеть мотивация на употребление спиртных напитков, а также способность человека противостоять стрессам конструктивными путями без злоупотребления алкоголем. Изучение житейских представлений об алкоголизме представляется очень важным, так как это может сделать профилактическую работу более доступной и личностной для восприятия реципиентами и, следовательно, более эффективной.

Задачами нашего исследования было изучение житейской модели алкоголизма, представленных в русских народных пословицах и поговорках; исследование культурных различий в житейских представлениях об алкоголизме у российских и американских студентов; выявление различий в житейских представлениях об алкоголизме у российских студентов, имеющих близких родственников, страдающих алкоголизмом, по сравнению со студентами, не имеющих близких родственников, страдающих алкоголизмом.

Исследование житейской модели алкоголизма, представленной в русских народных пословицах и поговорках

Мы полагаем, что немаловажную роль в формировании представлений об алкоголизме играет ассимиляция житейской психологии, аккумулированной в устном фольклоре, а именно, пословицах и поговорках. Пословицы и поговорки представляют собой архаический тип человеческого знания и содержат в себе немало важных общих заключений о закономерностях природы и общества, тем самым выполняя важную познавательную функцию. А.А.Потебня (9) рассматривал пословицы как процесс «сгущения мысли», замещающий те массы мыслей, из которых они возникли и которые вокруг них группировались. Следуя Р.Д. Андраду, пословицы и поговорки представляют собой культурные модели, которые используются человеком для интерпретации и ориентации действий в самых различных сферах (6).

В нашем исследовании было проанализировано 367 пословиц и поговорок, посвященных алкоголю и алкоголизму. Источниками послужили книги В.И. Даля «Пословицы русского народа» (3) и «Русские пословицы и поговорки» под редакцией Е.П. Аникина (11). Два эксперта независимо друг от друга расклассифицировали пословицы и поговорки на тематические группы. Если экспертные оценки пословицы совпадали, то есть было выделено единое основание для отнесения пословицы к той или иной группе, то пословица оставлялась для дальнейшего анализа. Экспертные оценки совпали по 313 пословицам. Пятьдесят четыре пословицы, по которым экспертные оценки не совпали, были исключены из анализа. Тематическая классификация пословиц и поговорок представлена в табл. 1.

Самую большую тематическую группу (134 случая) образовали пословицы и поговорки, в которых описывается влияние алкоголя на психические процессы. Рассмотрим содержание этой группы. Народное сознание отразило влияние алкоголя на эмоциональную сферу человека. Так, алкоголь рассматривается как средство борьбы со стрессом, способное избавить от тоскливого состояния, а также как источник положительных эмоций: «Спасибо тому винному кувшину, что размыкал кручину», «Где винцо, тут и праздничек».

В пословицах и поговорках отражено воздействие алкогольных напитков на умственное состояние человека: «Хмель шумит – ум молчит. Вино с разумом не ладит», «Выпьешь много вина, так поубавится ума». Пословицы показывают изменения в речи, вос-

приятия и памяти под воздействием спиртного: «Пойми пьяного речи, поймешь и свиное хрюканье», «Из пяти пальцев не вижу ни одного, а один в глазах семерит», «Пьяный Кирилл свое имя позабыл».

Таблица 1

Тематическая классификация пословиц и поговорок об алкоголизме

Тема	Количество случаев	%
Влияние алкоголя на психические процессы	134	42,8
Потребность в употреблении алкоголя	41	13
Мера потребления алкоголя	32	10,2
Материальные затраты, расходы на спиртные напитки	18	5,6
Приметы, предсказания, обычаи и традиции, связанные с принятием алкоголя	16	5,12
Негативные последствия пьянства	15	4,8
Описание и свойства спиртных напитков	13	4,2
Описание выпившего человека	11	3,6
Женское пьянство	8	2,6
Места распития спиртных напитков	7	2,2
Спиртные напитки как ценность	6	1,9
Алкоголь как средство общения	6	1,9
Моральный аспект алкоголизма	6	1,9

Пословицы предупреждают, что алкоголь негативно воздействует на регуляцию поведения и деятельности («Смелым Бог владеет, а пьяным лукавый качает»), а также описывают моторную расторможенность, трудности координации, связанные с потреблением алкоголя («Не на своих ногах уплелся домой», «Пьяному и до порога нужна подмога»).

Народное сознание подметило, что алкоголь может оказывать противоположное действие на работоспособность человека. С одной стороны, указывается на приток физической силы, необходимой для работы, которой в трезвом состоянии бывает недостаточно – «У пьяного кулаки дерево рубят, у трезвого и топор не берет». А с другой – подчеркивается нежелание или невозможность трудиться в состоянии опьянения – «Только бы пить, да гулять, да работы и труда не знать». В пословицах отражается взгляд, что алкоголь может вызывать и агрессивное поведение («Честна свадьба гостями, похороны слезами, а пьянство дракой»).

В пословицах описывается появление новых личностных характеристик, не свойственных человеку в трезвом состоянии, например смелости: «Пьян – храбрится, а проспится – курицы боится», «Одну выпьешь – боишься; другую выпьешь – боишься; а как третью выпьешь, уж и не боишься».

Следующую тематическую группу пословиц мы назвали «Потребность в употреблении алкоголя» (41 случай). Народная мудрость образно показывает процесс удовлетворения потребности в алкоголе: «Смазать глотку, залить за галстук, за ворот, выпить на лоб (до капли)». В устном фольклоре отражается также взгляд на меру употребления спиртных напитков (32 случая). Так, даются образные сравнения того, сколько человек пьет («Пьет, как в бездонную кадку льет») и как долго («Пил во всю ночь, пока была мочь»).

В пословицах поднимается финансовая сторона употребления алкоголя (18 случаев): «Кабак деньгами, как бездонную кадку, не наполнишь», «Кабак лучше метлы дом подметает», «Не мокра бы губка, была б и шубка», «С вином поводишься – нагишом находишься».

Согласно народной мудрости, существуют разнообразные приметы и традиции, связанные с принятием алкоголя (16 случаев): «Нос свербит – в рюмку глядеть», «Наизнанку платье надел, либо остегнулся, так пьяным, не то битым быть». Пословицы предвосхищают появление определенных последствий употребления спиртных напитков: «Много вина пить – беде быть. Много пива пить – не без дива быть», «Кто часто станет пить, тот часто будет бит». Рассматриваются особые ритуалы, связанные с распитием спиртных напитков, например: «Либо три пей, либо трижды три», «Для почину выпить по чину».

Ряд пословиц (15 случаев) прямо осуждает желание употреблять алкоголь: «Лучше

знаться с дураком, чем с кабаком», «Лучше пряничать (быть сладкоежкой), чем бражничать». Пословицы детально описывают свойства спиртных напитков (13 случаев), например, их вкусовые качества («Сладок мед, да не горстью его; горько вино, да не лишиться его») и свойства алкоголя в процессе его употребления («Первая рюмка колом, вторая соколом, а остальные мелкими пташками»). Отдельный пласт русских пословиц посвящен описанию выпившего человека (11 случаев). Дается определение человека, страдающего алкоголизмом: «Не тот пьяница, кто пьет, а тот, кто опохмеляется!», «Пьяница проспится, похмельной никогда (все опохмеляется)».

Следующую группу составляют пословицы, посвященные местам распития спиртных напитков: «Где кабачок, там и мужичок», «Уж как веет ветерок из трактира в погребок». Алкоголь рассматривается как особая ценность в представлении русского человека (6 случаев). Отмечается положительное, даже бережное отношение к нему: «Не жаль себя, да жаль вина», «Винцо не пшеничка: прольешь – не подклюешь» и подчеркивается почтение к спиртным напиткам: «Брага ендова – всему голова!».

В тематической группе «Алкоголь как средство общения» (6 случаев) объединены пословицы и поговорки, описывающие спиртные напитки как средство сближения людей, способствующие общению и новым знакомствам: «Хмель в компанию принимает, а непьющего никто не знает». Встречи людей друг с другом служат поводом для принятия алкоголя: «Людей повидать, в кабаках побывать», «Не то чтобы пить, а с добрыми людьми посидеть (побеседовать) любит».

Пословицы предупреждают о возможности морального убытка, связанного с употреблением алкоголя (6 случаев). Здесь речь идет о таких значимых моральных качествах, как честь, уважение человека, формирование определенного отношения к нему: «Выпить попросить – дурную славу нажить», «Со хмелиной спознаться – с честью расстаться».

Нами были выделены пословицы и поговорки, которые несут в себе оценочное отношение к алкоголю и алкоголизму (всего 201 случай). Оказалось, что 122 (60,7%) пословицы и поговорки отражают отрицательные аспекты употребления алкоголя, например, «Дали вина, так и стал без ума», «Выпивший поперек глазу пальца не видит», «Пить да гулять – добра не видать». Эти негативные последствия могут относиться к раздорам в семье: «Муж – за чарку, а жена – за палку» и наиболее пагубны для женщин: «Муж запьет – полдома пропьет, а жена запьет – весь дом пропьет».

Положительное отношение к алкоголю содержится в 35,3% пословиц и поговорок Пословицы подчеркивают появление положительные изменений в поведении выпившего человека, например смелости, храбрости: «Ходи в кабак, вино пей – будешь архиерей». Встречается своеобразное оправдание речевых высказываний, действий, поведения выпившего человека в целом: «Во хмелю мало ли что бывает (говорится, случается)». В народном сознании отмечается положительное отношение к желанию человека выпить: «Без поливки и капуста сохнет», даются специальные рекомендации по скорейшему достижению желаемого состояния: «Пей пивцо, запивай винцом, лучше хмель не возьмет». В четырех процентах (4%) пословиц отражается амбивалентное отношение к алкоголизму, например, «Вино надвое растворено: на веселье и на похмелье».

Результаты лингвистического анализа показали, что в русском языке содержится достаточно развернутая культурная модель алкоголизма, в которой отражены различные аспекты (социальные, личностные и поведенческие) потребления алкоголя. Пословицы отражают как положительное, так и отрицательно влияние алкоголя на человека, однако и оставляют за человеком право выбора его отношения к потреблению алкоголя.

Эмпирическое исследование межкультурных и внутрикультурных различий житейских представлений об алкоголизме

Задачами нашего эмпирического исследования было изучение культурных различий в житейских моделях алкоголизма у российских и американских студентов. Мы предположили, что российские и американские студенты по-разному понимают природу, этиологию алкоголизма и способы выздоровления от алкоголизма. Нас также интересовало, как наличие или отсутствие родственников, страдающих алкоголизмом, влияет на житейское объяснение алкоголизма у студентов.

Метод и процедура исследования

Для решения поставленных задач нами использовался опросник «Понимание алкоголизма», разработанный Т. В. Мойерс и В. Р. Миллером (13). Опросник состоит из 40 утверждений. В нашем исследовании использовалась модификация опросника, предназначенная для студентов (13). Испытуемым также предлагалось заполнить анкету, включающую информацию о поле, возрасте, специальности, а также наличия или отсутствия близких родственников, страдающих алкоголизмом. Результаты исследования обрабатывались с помощью факторного анализа (метода Варимакс ротации) и многовариативного дисперсионного анализа. В эмпирическом исследовании участвовали 410 студентов 1-5 курсов различных факультетов Орловского государственного университета и Орловского государственного технического университета.

Результаты исследования

Первой задачей нашего эмпирического исследования было сравнение структуры житейских представлений об алкоголизме у российских и американских студентов. Данные, полученные по опроснику Мойерс и Миллера на российской выборке были подвергнуты факторному анализу с использованием Варимакс ротации. В результате факторного анализа данных было получено 5 факторов.

В первый фактор, названный нами «Мера потребления алкоголя», вошли утверждения, отражающие представления о том, что алкоголизм зависит от количества и длительности употребления спиртных напитков. Однако в этот фактор вошли несколько утверждений, указывающих на влияние среды на развитие алкоголизма. Ниже представлены утверждения, вошедшие в этот фактор (в скобках даны факторные нагрузки):

Фактор I «Мера потребления алкоголя»

№ 15. Чем больше человек пьет, тем больше у него шанс превратиться в алкоголика (0, 644);

№ 3. Любой человек, кто достаточно много пьет, может стать алкоголиком (0,638);

№13. Чем дольше алкоголик продолжает пить, тем больше ухудшаются его проблемы (0,558);

№ 9. Алкоголизм частично обусловлен воспитанием в проблемной семье (0,458);

№ 1. В развитии алкоголизма среда играет важную роль (0,432);

№ 6. Алкоголики отличаются слабостью моральных устоев или характера (0,400).

Второй полученный нами фактор был обозначен «Моральный дефицит и биологическая обусловленность». Большинство утверждений этого фактора отражают представления о том, что недостаток моральных ценностей выступает в качестве причин алкоголизма, моральная слабость является особенностью пьющего человека. Однако в данный фактор вошло одно утверждение, связывающее алкоголизм с генетическими причинами:

Фактор II «Моральный дефицит и биологическая обусловленность»

№17. Если человек стал алкоголиком, он всегда будет алкоголиком (0,537);

№38. Алкоголики более сконцентрированы на себе, чем на других людях (0,521);

№19. Алкоголики не могут самостоятельно принять правильного решения (0,514);

№23. Пьющие люди являются лгунами и им нельзя доверять (0,473);

№16. Гены обуславливают, станет человек алкоголиком или нет (0,445);

№39. По сравнению с другими людьми алкоголики отличаются слабостью моральных ценностей даже до того, как они начинают пить (0,438).

В третий фактор, «Религиозный дефицит», вошли утверждения, объясняющие алкоголизм недостатком религиозной веры:

Фактор III «Религиозный дефицит»

№25. До тех пор, пока алкоголики не будут верить в Бога или в Высшую Силу, они не выздоровеют (0,724);

№8. В основе алкоголизма лежат проблемы, связанные с религиозной верой (0,688);

№18. Алкоголизм, частично, обусловлен проблемами с религиозной верой (0,669);

№32. Укрепление религиозной веры является очень важным для выздоровления от алкоголизма (0,648).

Утверждения, вошедшие в четвертый фактор «Психологическая обусловленность», связывают алкоголь с психологическими проблемами человека:

Фактор IV «Психологическая обусловленность»

№29. Человек может стать алкоголиком из-за психологических проблем (0,611);

№40. Причина алкоголизма, по крайней мере, частично в эмоциональных проблемах человека (0,498);

№37. Причина алкоголизма не в принятии алкоголя (0,427);

№35. Слабость характера является важной причиной алкоголизма (0,406).

Наконец, последний фактор, обозначенный нами как «Возможности выздоровления», был образован высказываниями, в которых утверждается, что человек может контролировать потребление алкоголя или выздороветь без лечебного вмешательства:

Фактор V «Возможности выздоровления»

№10. Иногда алкоголики могут научиться контролировать потребление алкоголя (0,628);

№22. Со временем большинство алкоголиков выздоравливают и живут нормальной жизнью (0,605);

№26. Некоторые алкоголики выздоравливают без помощи Общества анонимных алкоголиков или какого-либо другого лечения (0,464);

№30. Существуют сильно выпивающие люди, которые испытывают проблемы с алкоголем, но которые не являются алкоголиками (0,429).

Американские исследователи (13) в аналогичном исследовании с участием 507 студентов получили 7 факторов. Первый фактор, названный «Моральный дефицит», образован утверждениями, которые объясняют алкоголизм моральной слабостью человека:

Фактор I «Моральный дефицит»

№6. Алкоголики отличаются слабостью моральных устоев или характера (0,570);

№ 35. Слабость характера является важной причиной алкоголизма (0,630);

№36. Алкоголики отличаются другим личностным складом от других людей (0,640);

№38. Алкоголики более сконцентрированы на себе, чем на других людях (0,690);

№39. По сравнению с другими людьми, алкоголики отличаются слабостью моральных ценностей даже до того, как они начинают пить (0,690).

Второй фактор, «Религиозный дефицит», объясняет алкоголизм недостатком религиозной веры:

Фактор II «Религиозный дефицит»

№8. В основе алкоголизма лежат проблемы, связанные с религиозной верой (0,800);

№18. Алкоголизм, частично, обусловлен проблемами с религиозной верой (0,800);

№25. До тех пор, пока алкоголики не будут верить в Бога или Высшую Силу, они не выздоровеют (0,700);

№32. Укрепление религиозной веры является очень важным для выздоровления от алкоголизма (0,320).

Третий фактор, «Средовой дефицит», состоит из утверждений, подчеркивающих роль социальных факторов в развитии алкоголизма. Однако часть высказываний, вошедших в этот фактор, связывают алкоголизм с психологическими причинами:

Фактор III «Средовой дефицит»

№1. В развитии алкоголизма среда играет важную роль (0,460);

№20. Алкоголизм, частично обусловлен тем, что человек знает об алкоголе и привычками, связанными с распитием алкоголя в семье или в круге друзей (0,530);

№27. Общество или культура, в которой человек растет, оказывает значительное влияние на то, станет ли человек алкоголиком или нет (0,670);

№29. Человек может стать алкоголиком из-за психологических проблем (0,700);

№40. Причина алкоголизма, по крайней мере, частично, в эмоциональных проблемах человека (факторная нагрузка 0,600).

Четвертый фактор, названный авторами «Альтернативные возможности», отражает идею, что не существует промежуточного состояния между алкоголизмом и отсутствием алкоголизма («ты алкоголик или нет»), и для алкоголиков существует только две альтернативы, смерть или воздержание:

Фактор IV «Альтернативные возможности»

№10. Иногда алкоголики могут научиться контролировать потребление алкоголя (0,470);

№21. Каждый алкоголик должен принять то, что он не имеет власти над алкоголем, и что он больше не должен никогда пить (0,610);

№24. Существуют только две возможности для алкоголиков: воздержание или смерть (0,590);

№33. Один стакан отделяет алкоголика от запоя (0,630);

№34. Не существует никаких градаций относительно алкоголизма: ты или алкоголик или нет (0,520).

Утверждения, вошедшие в пятый фактор, «Мера потребления алкоголя», подчеркивают, что само употребление алкоголя является первичной причиной алкоголизма. Развитие алкоголизма зависит от длительности и количества употребления спиртных напитков:

Фактор V «Мера потребления алкоголя»

№2. Если алкоголик выпил, он теряет самоконтроль и уже не способен остановиться (0,420);

№3. Любой человек, кто достаточно много пьет, может стать алкоголиком (0,680);

№4. Отрицание проблемы – это личностная черта алкоголиков (0,560);

№13. Чем дольше алкоголик продолжает пить, тем больше ухудшаются его проблемы (0,530);

№15. Чем больше человек пьет, тем больше у него шанс превратиться в алкоголика (0,640).

Шестой фактор, «Биологическая обусловленность», отразил представления о том, что алкоголизм определен генетическими факторами:

Фактор VI «Биологическая обусловленность»

№5. Люди могут родиться алкоголиками (0,790);

№14. Существуют алкоголики, которые никогда не пробовали спиртного (0,730);

№16. Гены обусловливают, станет человек алкоголиком или нет (0,680);

№37. Причина алкоголизма не в принятии алкоголя (0,540).

Наконец, утверждения, вошедшие в седьмой фактор, «Анонимные алкоголики», сосредотачиваются на роли Общества Анонимных Алкоголиков в успешном восстановлении и выздоровлении:

Фактор VII «Модель «Анонимные алкоголики»

№7. Группы помощи Анонимные алкоголики – это единственный путь к выздоровлению (0,620);

№9. Алкоголизм частично обусловлен воспитанием в проблемной семье (0,440);

№23. Пьющие алкоголики являются лгунами и им нельзя доверять (0,460);

№26. Некоторые алкоголики выздоравливают без помощи Общества анонимных алкоголиков или какого-либо другого лечения (0,480).

Второй задачей нашего исследования было изучение того, как наличие или отсутствие близких родственников, страдающих алкоголизмом, влияет на житейскую модель алкоголизма. В этой части исследования принимали участие только российские студенты. Дисперсионный анализ показал, что студенты, имеющие близких родственников, страдающих алкоголизмом, имеют статистически более высокие средние значения по фактору «Мера потребления алкоголя» по сравнению со студентами, не имеющих близких родственников, страдающих алкоголизмом, Хср. = 23,45 и Хср. = 21,87, соответственно, $F = 7,55$, при $p < 0,01$. Они также показали более высокие баллы по фактору «Психологическая обусловленность алкоголизма», Хср. = 16,01 и Хср. = 14,71, соответственно, $F = 12,59$, при $p < 0,01$.

Дискуссия

Целью нашего эмпирического исследования было изучение межкультурных и внутрикультурных различий в житейских представлениях об алкоголизме. Сравнение житейских моделей алкоголизма российских и американских студентов позволило выявить следующее. В модели российских студентов причины алкоголизма связываются с мерой и количеством потребления алкоголя, моральным дефицитом, недостатком религиозной веры и психологические причинами. Американские же студенты считают, что алкоголизм может возникнуть вследствие наследственной предрасположенности человека к данному за-

болеванию и количества и длительности потребления спиртного. Алкоголизм может быть результатом недостатка религиозной веры, результатом слабости моральных ценностей и характера средой, а также вызываться средой, в которой живет человек. Таким образом, в отличие от представлений российских студентов, в представлениях американских студентов присутствуют самостоятельные факторы, связывающие причину алкоголизма с наследственностью и средой.

Обе группы респондентов, русские и американцы, обнаружили сходство по таким факторам, как «Мера потребления алкоголя», «Религиозный дефицит» и «Моральный дефицит». Однако, содержание вышеуказанных факторов более гетерогенно у российских студентов по сравнению с американскими студентами. Так, например, у россиян, в фактор в фактор «Моральный дефицит» помимо утверждений прямо указывающих на слабость моральных устоев, вошло одно утверждение, отражающее генетическую предрасположенность к алкоголизму. В фактор «Мера потребления алкоголя» помимо утверждений, относящихся к количеству и длительность употребления алкоголя, вошли утверждения, отражающие влияние среды на возникновение алкогольной зависимости. Таким образом, в представлениях российских студентов мера потребления алкоголя связывается с влиянием окружающей среды. Можно предположить, что для россиян окружение выступает не как самостоятельная причина алкоголизма, а является провоцирующим, усиливающим фактором для обращения к алкоголю.

В представлениях российских испытуемых был выделен самостоятельный фактор «Психологические причины алкоголизма», который отсутствует у американских студентов. Возможно, здесь мы имеем дело с влиянием культурной модели алкоголизма, представленной в русском языке. Напомним, что многие русские пословицы и поговорки связывают алкоголь с облегчением эмоциональных проблем. У американских же студентов утверждения, отражающие психологические причины употребления алкоголя вошли в фактор «Средовой дефицит». Таким образом, можно предположить, что в сознании американских студентов психологические причины употребления алкоголя опосредованы культурными и средовыми влияниями.

Российские и американские студенты отличаются также и по тому, как они рассматривают возможности выздоровления от алкоголизма. У американских испытуемых, возможность выздоровления связывается с моделью «Анонимные алкоголики», которая широко распространена в США. Интересно, что американские студенты не верят в способность алкоголиков контролировать потребление спиртного. Российские же испытуемые связывают возможности выздоровления либо с самоконтролем потребления спиртных напитков, либо выздоровление может произойти само собой, без чье-либо помощи или лечения.

Представления американских студентов отличались дихотомичностью: ты алкоголик или нет; воздержание или смерть (фактор «Альтернативные возможности»). В российской выборке подобные утверждения опросника не только не образовали самостоятельного фактора, но и не вошли ни в какой другой. По всей видимости, в сознании российских студентов граница алкоголизма очень размыта и не существует четкого понимания, кого можно считать алкоголиком. Мы связываем это с амбивалентным отношении к алкоголизму и алкоголю, свойственном российской культуре.

Нами были также выявлены внутрикультурные различия в житейских представлениях об алкоголизме. Так, российские студенты, имеющих родственников, страдающих алкоголизмом, в большей степени связывают алкоголизм с регулярностью и количеством употребления спиртных напитков, т.е. с мерой потребления алкоголя, а также неблагоприятным окружением, которое может провоцировать злоупотребление алкоголем. По всей видимости, данной группе студентов чаще, чем другим приходилось наблюдать поведение людей, страдающих алкоголизмом, то есть то как, сколько и с какой периодичностью они выпивают. Кроме того, эти испытуемые в большей степени склонны считать причиной алкоголизма психологические проблемы. Вероятно, это связано с тем, что, находясь рядом с людьми, страдающими алкоголизмом, данные студенты лучше представляют их психологические проблемы.

Выводы

1. Существуют культурные различия в житейских моделях алкоголизма у россий-

ских и американских студентов. Американские студенты связывают причины алкоголизма с моральным и средовым дефицитом, а также биологической обусловленностью. Российские студенты видят причины алкоголизма в психологических проблемах человека, а также связывают его с моральным дефицитом вместе с биологической обусловленностью. Американские студенты связывают выздоровление от алкоголизма с группами «Анонимные алкоголики», а российские студенты – с ресурсами самого человека, его внутренней активностью.

2. Житейские модели алкоголизма у российских и американских студентов сходны по двум факторам, таким как «Религиозный дефицит» и «Мера потребления алкоголя».

3. Студенты, которые имеют близких родственников, страдающих алкоголизмом, в большей степени связывают алкоголизм с мерой употребления алкоголя и психологической обусловленностью.

4. Полученные в исследовании культурно-лингвистические и эмпирические данные могут использоваться для разработки программы профилактики алкоголизма в студенческой среде.

Список литературы

1. Бехтель Э.Е. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. – М.: Медицина, 1986. – 272 с.

2. Братусь Б.С. Актуальные проблемы психологического изучения и коррекции алкоголизма // Психологический журнал. Т. 8, №2. 1987. С. 122-129.

3. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1969.

4. Завьялов В.Ю. Психологические аспекты формирования алкогольной зависимости. – Новосибирск: Наука, 1988.

5. К обществу без алкоголя / Под ред. А.Д. Урсул. – Кишинев, 1989.

6. Коул М. Культурные механизмы развития // Вопросы психологии. 1995, № 3, с. 5-20.

7. Немчин Т.А., Цыцарев С.В. Личность и алкоголизм. – Л., 1989. С.62 -134.

8. Огурцов П.В. Алкогольная ситуация в России и алкогользависимая патология. // Врач №11. – М., 1998. С. 30-33.

9. Потебня А.А. Эстетика и поэтика. Из лекций по теории словесности. Лекция №6. – М., 1976.

10. Разводовский Ю.Э. Кросс-культуральные аспекты формирования алкогольной зависимости. // Социальная и клиническая психиатрия. Т. 13 №1. – М., 2003. С.111-114.

11. Русские пословицы и поговорки. Сборник под ред. Е.П. Аникина. М., 1988.

12. Сурнов К.Г. Изменение установок личности при алкоголизме: Автореф. канд. дис. – М., 1982.

13. Gillaspy A., Hallman J., Southard S., Claus R., D. Jackson. Beliefs about Alcoholism: Realiability and validity of Alcoholism Scale in a College Student Sample» (неопубликованный манускрипт).

14. Fleming, P.M., Meyroyan, A., & Klimova, I. Alcohol treatment services in Russia: A worsening crisis. Alcohol & Alcoholism, 29 (4), 357-362, 1994.

USUAL IDEAS ON ALCOHOLISM: CROSSCULTURAL AND INTERCULTURAL DIFFERENCES

E.A. Savina
E. S. Gladkikh

James Madison University, USA, Oryol State University

Oryol sity's hospital S. Botkin

e-mail: esavina@uca.edu

The article analyzes the results of certain empiric research devoted to study of cross-cultural and intercultural differences in usual ideas on alcoholism in students of Russia and the USA. In analyzing general and specific factors which identify the relation of Russian and American students to alcohol were identified. Authors interpret the results of the research from the psychological position; suggest the preventive ways against depending on alcohol in young people.

Key words: usual ideas, ideas on alcohol damage in Russian proverbs, factors identifying human relation to alcohol, comparative analyses of usual ideas in Russian and American students.

КОНФЕРЕНЦИЯ

ИНФОРМАЦИОННОЕ ПИСЬМО

Институт журналистики Белорусского государственного университета приглашает Вас принять участие в **XI Международной научно-практической конференции "Журналистика-2009"** (3–4 декабря 2009 г., г. Минск). В этот день пройдет презентация сборника материалов конференции.

Тематика секций и круглых столов

Секция 1. Теория и методология журналистики:
- журналистский текст и контекст современности;
- технологии web-журналистики.

Секция 2. Периодическая печать:
- приоритетная проблематика печатных СМИ;
- жанры: тенденции современного развития;
- дизайн газет и журналов.

Секция 3. Телевидение и радиовещание:
- исторический опыт аудиовизуальных СМИ;
- тенденции организационно-структурных изменений в аудиовизуальном информационном пространстве страны;
- трансформация программного продукта аудиовизуальных СМИ.

Секция 4. Технологии коммуникации:
- практическое использование науки о коммуникации в моделировании социальных процессов;
- новейшие медиа и традиционная журналистика;
- PR в переходном обществе: новые тенденции;
- коммуникационные технологии в деловом и социальном менеджменте.

Секция 5. Зарубежная журналистика и литература:
- глобализация СМИ в процессе интеграции Европы;
- диспропорции в современном международном информационном пространстве;
- геополитическая направленность новостей мировых информационных агентств;
- проблематика и инфраструктура зарубежных СМИ.

Секция 6. Лингвостилистика и литературное редактирование:
- языковые процессы массовой коммуникации;
- дискурсный анализ СМИ;
- риторические основы журналистики;
- лингвистическая организация журналистского текста;
- стилистические особенности публицистического текста;
- культура речи журналиста;
- жанровая специфика публицистического текста;
- газетные тексты как отражение языковой действительности.

Секция 7. История журналистики:
- вопросы демократизации общественно-политической жизни в СМИ;
- печать и проблемы культурно-национального возрождения;
- национальная идея: системный анализ проблемы;
- роль журналистики в развитии институтов национальной государственности.

Секция 8. Социология журналистики:
- нравственно-правовое регулирование журналистики;
- политическая природа СМИ;
- политология журналистики;
- психология журналистики;
- экономика и менеджмент СМИ;

- аудитория СМИ как объект социологического анализа.

Секция 9. Литературно-художественная критика:

- литературно-художественная критика в периодических изданиях: медиапсихологический, методологический аспекты;
- масскультовые явления в современной литературно-художественной критике;
- литературно-художественные журналы;
- национальная культура, искусство и СМИ;
- обозреватель по культуре, арт-журналист: вопросы профессионализма;
- медиакритика в современных периодических изданиях.

Секция 10. Повышение квалификации и переподготовка журналистских кадров.

Материалы принимаются в объеме до 2 страниц. Текст оформляется в редакторе Word (Times New Roman, 12 pt, интервал 1,5, абзацный отступ – 1,2), все поля 2 см; кавычки «елочкой»; в тексте используется «тире среднее» («Ctrl» + «минус»). Фамилия и имя автора (авторов), название учебного заведения, страна располагаются по правому краю, название статьи – по центру строки (строчными буквами без выделения), далее – текст доклада.

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ

Лидия Ваулина
Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова
(Россия)

Воспитательный потенциал СМИ в формировании образов «свой» – «чужой»

Текст материалов

Библиографические ссылки в тексте подаются в квадратных скобках, первая цифра – номер источника в списке литературы, вторая – номер страницы, например: [12, с. 32].

Список литературы дается через абзац после основного текста под заголовком «Литература» в алфавитном порядке, 10 pt. и оформляется в соответствии с правилами библиографического описания, например:

1. Абалкин, Л. И. Избранные труды. В 4 т. Т.4. В поисках новой стратегии / Л. И. Абалкин. – М.: Экономика, 2000. – 799 с. – (Труды Вольного экономического общества России).
2. Лангер, С. Философия в новом ключе: исслед. символики разума, ритуала и искусства / Сьюзен Лангер. – М.: Республика, 2000. – 287 с.
3. Нобелевские лауреаты XX века. Экономика: энциклопед. сл. / авт.-сост. Л. Л. Васина. – М.: РОССПЭН, 2001. – 335 с.
4. Феномен Петербурга: тр. Второй междунар. конф. (2000, СПб.) / отв. ред. Ю. Н. Беспалых. – СПб.: БЛИЦ, 2001. – 543 с.

Для авторов, не имеющих ученых степеней, обязательно в конце материалов указывать сведения о научном руководителе (ФИО, место работы, должность, степень, звание).

Оргкомитет оставляет за собой право отклонять доклады, присланные после указанного срока, не соответствующие тематике конференции и требованиям по их оформлению. Приоритет отдается сообщениям, которые будут иметь наибольший научный интерес.

Рабочие языки конференции: белорусский, русский.

Финансовые условия: командировочные расходы за счет участников конференции.

Для участия в конференции необходимо **до 4 сентября 2009 года** прислать по электронной почте на адрес **nirjour@mail.ru** заявку (образец прилагается) и текст

доклада (прикрепленными файлами, имя файла с материалами пишется на русском языке и состоит из фамилии и инициалов автора, напр.: ПетровВП.doc) с пометкой «Конференция».

Адрес: 220004, г. Минск, ул. Кальварийская, 9, Институт журналистики БГУ, оргкомитет конференции «Журналистика-2009». Контактные телефоны: + 375 17 209-57-53, тел./факс: + 375 17 209-57-40.

Заявка

на участие в XI Международной научно-практической конференции «Журналистика-2009»

1. Фамилия, имя, отчество (полностью)_____
2. Ученая степень _____
3. Ученое звание _____
4. Учебное заведение (полностью) + аббревиатура_____
5. Должность_____
6. Предполагаемая секция_____
7. Тема выступления _____
8. Адрес, контактный телефон_____
9. Адрес электронной почты _____
10. Есть ли необходимость в предоставлении жилья (предоставляется общежитие гостиничного типа) _____
11. Количество дней пребывания в Минске_____
12. Предполагаемые дата прибытия и дата убытия_____
13. Форма участия в конференции (очная/заочная)_____

Дата _____

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф. – доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета

Аматов А.М. – доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета

Багана Ж. – доктор филологических наук, профессор кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета

Гладких Е.С. – психолог городской больницы им. С.П. Боткина, г. Орёл

Ильинская И.П. – кандидат педагогических наук, доцент, докторант кафедры педагогики Белгородского государственного университета

Исаев И.Ф. – доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ, зав. кафедрой педагогики Белгородского государственного университета

Короченский А.П. – доктор филологических наук, профессор, декан факультета журналистики Белгородского государственного университета

Лифинцева Н.И. – доктор педагогических наук, профессор Курского государственного университета

Михайличенко О.В. – доктор педагогических наук, профессор, зав. кафедрой методики преподавания общественных дисциплин, декан исторического факультета Сумского государственного педагогического университета им. А.С.Макаренко, Украина

Раду Р.-Н. – доктор философии, профессор факультета журналистики и коммуникативистики Бухарестского университета (Румыния), секретарь Ассоциации преподавателей журналистики и коммуникативистики

Савина Е.А. – доктор психологических наук, профессор Университета Джеймса Мэдисона, США; профессор Орловского государственного университета

Хапилина Е.В. – кандидат филологических наук, доцент кафедры французского языка факультета романо-германской филологии Белгородского государственного университета

Холод В.Л. – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики Белгородского государственного университета

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Уважаемые коллеги!

Материалы необходимо высылать в 2-х экземплярах:

- по адресу: 308015, г. Белгород, ул. Победы, 85, Белгородский государственный университет;
- по электронной почте редакторам разделов: «Русская филология» – nagorny@bsu.edu.ru (Нагорный Игорь Анатольевич – заместитель главного редактора); «Романо-германская филология» – prokhorova@bsu.edu.ru (Прохорова Ольга Николаевна – заместитель главного редактора); «Методологические проблемы гуманитарных наук» и «Журналистика и связи с общественностью» – korochensky@bsu.edu.ru (Короченский Александр Петрович – главный редактор); «Педагогика» – Isaev@bsu.edu.ru (Исаев Илья Федорович – заместитель главного редактора); «Психология» – NIsaeva@bsu.edu.ru (Исаева Надежда Ивановна – заместитель главного редактора).

Ответственный секретарь серии журнала – springmil@mail.ru (Хмеленко Эмилия Владимировна); сайт журнала: http://unid.bsu.edu.ru/unid/res/pub/index.php.

Статьи, отклоненные редколлегией, к повторному рассмотрению не принимаются. Материалы, присланные без соблюдения правил, редколлегией не рассматриваются.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ ЖУРНАЛА «НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ БЕЛГУ» СЕРИИ «ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ. Филология. Журналистика. Педагогика. Психология»

В материалы включается следующая информация:

1) УДК научной статьи;
2) аннотация статьи (не более 1200 знаков);
3) ключевые слова;
4) сведения об авторах (Ф.И.О., должность с указанием места работы (без сокращений), ученая степень, ученое звание, почтовый адрес, адрес электронной почты (если имеется), контактные телефоны);

на русском и английском языках

5) внешняя рецензия доктора наук (для аспирантов и кандидатов наук);
6) текст статьи;
7) ссылки.

на русском языке

Технические требования к оформлению текста

1. Текст набирается в Microsoft Word 2000/2003. Лист – А4. Без переносов.
2. Поля:
- правое – 1,5 см;
- левое – 3,0 см;
- нижнее – 2,0 см;
- верхнее – 2,0 см.
3. Шрифт:
- гарнитура: текст – **Georgia**; УДК, название, ФИО автора – **Impact**;
- размер: в тексте – **11 пт**; в таблице – **9 пт**; в названии – **14 пт.**
4. Абзац:
- отступ 1,25 мм, выравнивание – по ширине;
- межстрочный интервал – одинарный.

5. Ссылки:

- номер ссылки размещается в квадратных скобках перед знаком препинания (перед запятой, точкой);
- нумерация – автоматическая, сквозная;
- текст сноски внизу каждой страницы;
- размер шрифта – 10 пт.

6. Объем статей: до **8 страниц (Georgia, 11 пт).**

7. Формулы набираются в «Редакторе формул» Word, допускается оформление формул только в одну строку, не принимаются формулы, выполненные в виде рисунков, формулы отделяются от текста пустой строкой.

8. Требования к оформлению статей, таблиц, рисунков приведены в прил. 1, 2, 3.

Приложение 1. Оформление статьи

УДК 808.2-318+802.0-318

КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНАЯ ДИХОТОМИЯ ЗНАКОВ ЯЗЫКА И РЕЧИ[1]

Н.Ф. Алефиренко

Белгородский государственный университет

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Вопреки принятой в современной лингвистике знаковой теории языка в статье предлагается решение одной из важнейших проблем теоретического языкознания: разграничение знаков языка и знаков речи. Методологической основой такого разграничения служит концепция языка как явления психики и опирается на дихотомию «язык – речь».

Ключевые слова: язык, речь, знак, функции языка и речь, когнитивно-дискурсивная деятельность.

Если исходить из основного положения дихотомии языка и речи, утверждающего, что единицы речи объективируют (реализуют) единицы языка, будет уместно, как мне представляется, использовать данную аксиому во благо развития современной лингвосемиотической теории. Кстати, не лишним было бы упомянуть, что, пожалуй, впервые идею о целесообразности различения знаков языка и знаков речи высказал Ф.Ф. Фортунатов...

COGNITIVE-DISCURSIVE DICHOTOMY OF LANGUAGE AND SPEECH SIGNS

N.F. Alefirenko

Belgorod State University

e-mail: alefirenko@bsu.edu.ru

Contrary to the present-day sign theory in linguistics in the article it's proposed a solution for one of the principal issues of theoretical linguistics: distinction between language signs and speech signs. Methodologically this distinction is based on the assumption that language is a mental phenomenon and it is rested upon language/speech dichotomy.

Key words: language, speech, sign, language and speech functions, cognitive-discursive activity.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алефиренко Н.Ф. – профессор кафедры русского языка и методики преподавания Белгородского государственного университета, доктор филологических наук.

[1] Работа выполнена в рамках научной программы внутривузовского гранта БелГУ.

Приложение 2. Оформление таблиц

1. Каждая таблица должна быть пронумерована справа, иметь заголовок, расположенный по центру.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

2. Таблицы не должны выходить за границы полей страницы слева и справа.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

3. Если таблица располагается на 2-х страницах, ее столбцы должны быть пронумерованы на каждой новой странице, так же, как на первой.

Таблица 1

Рейтинговая оценка ЦФО за 1999-2004 гг.

Регионы	1999 г.	2000 г.	2001 г.	2002 г.	2003 г.	2004 г.	В среднем за	
							1999-2001 гг.	2002-2004 гг.
1	2	3	4	5	6	7	8	9
РФ	1,3222	1,5091	1,3470	1,4661	1,5940	1,6954	1,3928	1,5852
ЦФО	1,5028	1,9389	1,7210	1,6149	1,6888	1,6930	1,7209	1,6656

Таблица, расположенная на первой странице.

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Белгородская обл.	1,2620	0,4169	2,2612	1,0176	1,2012	0,6413	1,3134	0,9534
Брянская обл.	0,9726	0,4817	0,5612	1,8653	0,9064	1,6898	0,6718	1,4872

Таблица, расположенная на следующей странице.

Приложение 3. Оформление графических объектов

1. Изображение каждого графического объекта должно иметь номер и заголовок, расположенные по центру рисунка.

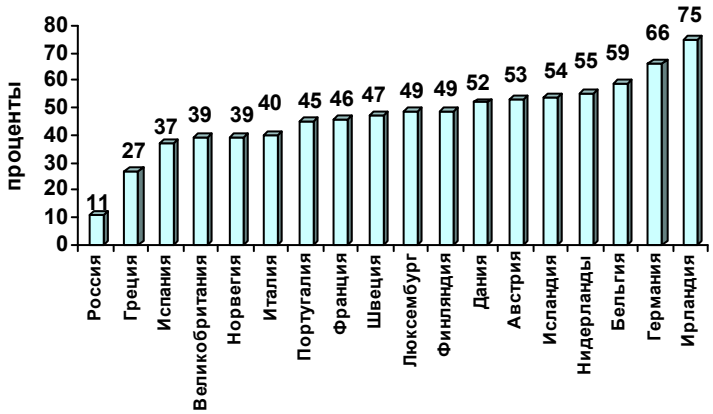

Рис. 1. Уровень активности медиапотребителей в России, странах ЕС, Норвегии, Исландии

2. Изображение графического объекта должно быть в виде рисунка или сгруппированных объектов.

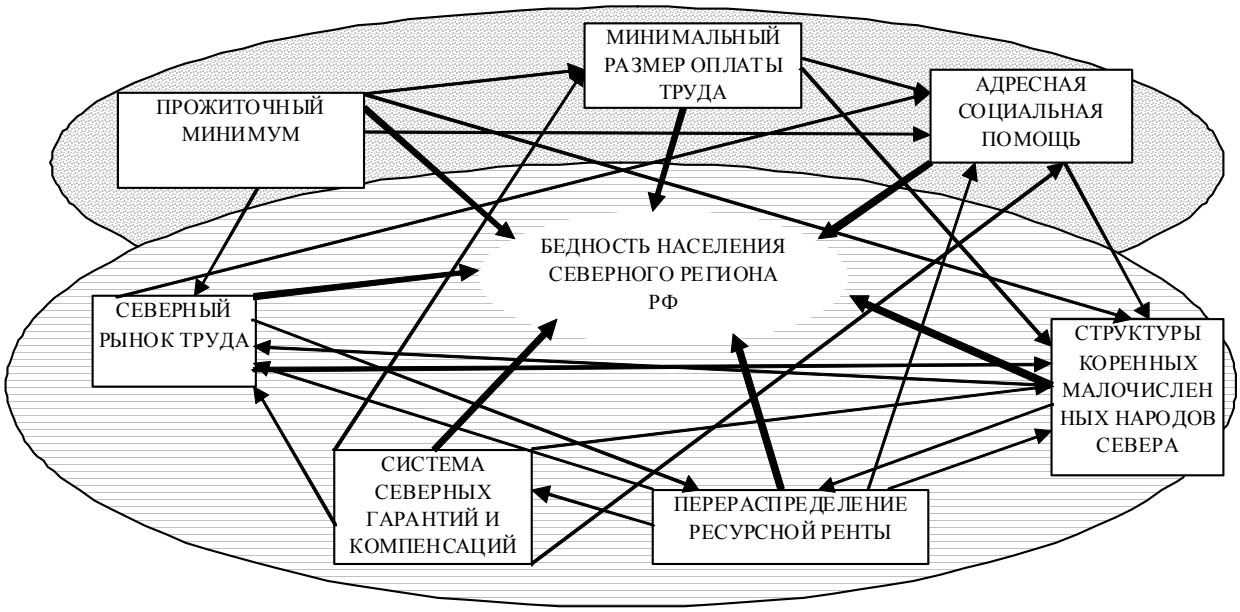

Рис 2. Институциональная среда существования бедности населения северного региона России

3. Изображение графического объекта не должно выходить за пределы полей страницы.

4. Изображение графического объекта не должно превышать одной страницы.